

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНКИГС ХАБАРОВСК

ISSN 1818-4049
(print)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

POWER AND ADMINISTRATION IN THE EAST OF RUSSIA

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

А. Б. БАРДАЛЬ

Трудовые ресурсы транспорта ДФО в условиях политики восточного вектора

М. А. ГРИЦКО

Демографическая динамика на Дальнем Востоке России:
устойчивые тренды и новые вызовы

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Д. В. АНДРЕЕВ

Оценка уровня административного давления в регионах
Дальнего Востока России: итоги 2024 года

Б. Х. КРАСНОПОЛЬСКИЙ

Формальные и неформальные институты и устойчивость
хозяйственного развития арктических территорий Дальнего Востока

СОЦИОЛОГИЯ

И. А. ГАРЕЕВА, А. Д. ШЕНЦОВ

Информированность населения о здоровьесбережении
(социологический аспект на примере города Хабаровска)

ХАБАРОВСК

№ 2
(111)
2025

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2025 г. №2 (111)**

Научный журнал «Власть и управление на Востоке России» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Scientific journal «Power and Administration in the East of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science must be published.

ISSN 1818-4049

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2025 г. № 2 (111)**

Научный журнал основан
в марте 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор: О. Г. Поливаева

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33. Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Тел. (факс): (4212) 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48935 от 12 марта 2012 г.

Редакционная коллегия:

- Н. М. Байков, д.с.н., профессор (Россия)
Е. Н. Галичанин, д.э.н., профессор (Россия)
И. А. Гареева, д.с.н., доцент (Россия)
Ю. А. Зубок, д.с.н., профессор (Россия)
С. Г. Максимова, д.с.н., профессор (Россия)
Е. А. Мотрич, д.э.н. (Россия)
А. В. Новокрещёнов, д.с.н., профессор (Россия)
Е. С. Осипова, д.э.н., доцент (Россия)
О. М. Прокапало, д.э.н. (Россия)
О. М. Рензин, к.э.н., ст. науч. сотр. (Россия)
А. М. Сергиенко, д.с.н., доцент (Россия)
О. И. Тишутина, д.э.н., доцент (Россия)
С. Н. Третьякова, д.э.н., доцент (Россия)
Ю. А. Тюрина, д.с.н., профессор (Россия)
Андреас Кнорр, доктор, профессор (Германия)
Зенджиро Сугиура, профессор (Япония)
Ма Юцзюнь, доктор, главн. науч. сотр. (Китай)
Чжун Цзяньпин, д.и.н., профессор (Китай)
- При перепечатке ссылка на журнал «Власть и управление на Востоке России» обязательна. Рукописи рецензируются.
- Мнения, высказываемые авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции.
- Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

ISSN 1818-4049

**POWER AND
ADMINISTRATION
IN THE EAST
OF RUSSIA**

**scientific journal
2025, no. 2 (111)**

Scientific journal is founded
in March, 1998
Is issued 4 times a year

Editor-in-Chief: O. G. Polivaeva

Address:

Russia, 680000, Khabarovsk, Muraviova-Amurskogo St., 33. The Far-Eastern institute of management – branch of the Academy of National Economy and Public Administration by the President of the Russian Federation. Tel. (fax): 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Founder:

The Federal state budgetary educational institution of the highest education “The Russian Academy of National Economy and Civil Service by the President of the Russian Federation” (119606, Moscow, 82, Vernadskiy prospect)

The periodical is registered by the Federal Service for supervision in the sphere of communication, information technologies and mass communications (Roscomnadzor). The certificate about the registration of the mass information PI № FS77-48935 dated March 12, 2012.

Editorial Staff:

N. M. Baykov, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

E. N. Galichanin, Doctor of Economy, Professor (Russia)

I. A. Gareeva, Doctor of Sociology, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

S. G. Maksimova, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

E. L. Motrich, Doctor of Economy (Russia)

A. V. Novokreshchenov, Doctor of Sociology, professor (Russia)

E. S. Osipova, Doctor of Economy, professor (Russia)

O. M. Prokapalo, Doctor of Economy (Russia)

O. M. Renzin, Candidate of Economy, chief scientific researcher (Russia)

A. M. Sergienko, Doctor of Sociology (Russia)

O. I. Tishutina, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

S. N. Tretyakova, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Tyurina, Doctor of Sociology, professor (Russia)

Andreas Knorr, Doctor, Professor (Germany)

Zenjiro Sugiura, Professor (Japan)

Ma Yujun, Doctor, Chief Researcher (China)

Zhong Tsyangpin, Doctor of History, Professor (China)

No part of any material may be reprinted without the reference to the journal “Power and Administration in the East of Russia”. Articles are subject to review.

The authors’ opinions may not coincide with those of the editorial board.

The authors of the articles bear responsibility for the selection and precision of the facts, quotations, economic and statistical data, proper and geographical names.

СОДЕРЖАНИЕ

Дальний Восток: стратегии и модели развития

Бардаль А. Б.	Трудовые ресурсы транспорта ДФО в условиях политики восточного вектора	8
Грицко М. А.	Демографическая динамика на Дальнем Востоке России: устойчивые тренды и новые вызовы	18
Строева Г. Н.	Демографическая ситуация в Республике Саха (Якутия): региональные особенности	26

Теория и практика экономики и управления

Андреев Д. В.	Оценка уровня административного давления в регионах Дальнего Востока России: итоги 2024 года	41
Краснопольский Б. Х.	Формальные и неформальные институты и устойчивость хозяйственного развития арктических территорий Дальнего Востока	51
Кисленок А. А.	Интеграция принципов устойчивого развития в региональные документы стратегического планирования	62

Социология

Байков Н. М. Спека К. И.	Доступность дополнительного образования детей в школе и за ее пределами в оценках студентов	75
Гареева И. А. Шенцов А. Д.	Информированность населения о здоровьесбережении (социологический аспект на примере города Хабаровска)	90

Представляю к защите

Криводубова Ю. В.	Российская система государственной поддержки экспорта: особенности функционирования в условиях внешнеэкономического давления	103
Суханов И. А.	Роль правил происхождения товаров в интеграционной стратегии Республики Корея	113
Дзюба Н. А.	Развитие лесопромышленного комплекса Хабаровского края: тренды и перспективы	123
Брандт Я. А.	Признаки онлайн и офлайн социально-политической мобилизации сообществ в городских конфликтах	134

Хроника научных событий

Рензин О. М. Поливаева О. Г.	Диалоги-2025: эксперты и власть	146
---------------------------------	---------------------------------	-----

CONTENTS

The Far East: strategies and development models

Bardal A. B.	Transport Labor Resources of the Far Eastern Federal District under Eastward Policy Conditions	8
Gritsko M. A.	Demographic Dynamics in the Far East of Russia: Stable Trends and New Challenges	18
Stroeveva G. N.	Demographic situation in the Republic of Sakha (Yakutia): regional features	26

Theory and practice of economics and management

Andreev D. V.	Assessment of the Administrative Pressure Level in the Far-Eastern Regions by the End of 2024	41
Krasnopolskiy B. Kh.	Formal and informal institutions and the sustainability of economic development of the Arctic Territories of the Russian Far East	51
Kislenok A. A.	The integration of sustainable development principles into regional strategic planning documents	62

Sociology

Baykov N. M. Speka K. I.	Accessibility of additional education for children at school and beyond in students' assessments	75
Gareeva I. A. Shentsov A. D.	Awareness of the population about health care (a sociological aspect on the example of the Khabarovsk Territory)	90

Post-Graduate Research

Krivodubova Yu. V.	Russia's Export Government Support System: Features of Functioning under External Economic Pressure	103
Sukhanov I. A.	The role of Rules of Origin in the integration strategy of the Republic of Korea	113
Dzyuba N. A.	Development of the Forestry Complex of Khabarovsk Krai: Trends and Prospects	123
Brandt Ya. A.	Socio-Political Mobilization of Communities in Urban Conflicts: Online and Offline Indicators	134

Chronicle of scientific events

Renzin O. M. Polivaeva O. G.	Dialogues-2025: Experts and Authorities	146
---------------------------------	---	-----

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Научная статья
УДК 331.522:656(571.6)
<https://elibrary.ru/AWTXNO>

Трудовые ресурсы транспорта ДФО в условиях политики восточного вектора

Анна Борисовна Бардаль

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
bardal@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9944-4714>

Аннотация. В статье рассматривается использование трудовых ресурсов в транспортном комплексе ДФО. В условиях политики «поворот на Восток» и геополитических изменений последних лет происходит переориентация внешнеторговых грузопотоков России с европейского направления на страны Азии (в первую очередь КНР). Это определяет возрастающую значимость транспорта восточных районов. Цель данной статьи – проанализировать динамику использования трудовых ресурсов, представляющих один из ключевых факторов функционирования транспорта. На основе данных официальной статистики за 2017–2023 гг. показано противоречие между динамикой занятости и объемом работы транспорта ДФО. Отмечено, что складывающиеся разнонаправленные тенденции (снижение численности трудовых ресурсов при росте транспортной работы) формируют риски для обеспечения стабильного функционирования транспортного комплекса. Данный тезис подтвержден расчетом индекса сходства структур (индекса Салаи) для занятости в транспорте ДФО на фоне общероссийских показателей. Значение индекса для макрорегиона (0,063) показывает крайне низкий уровень различий, что означает высокое соответствие динамик структуры занятости транспорта макрорегиона и общероссийской. Это не может быть оценено положительно с учетом высокой значимости транспорта макрорегиона в национальной транспортной системе на современном этапе. Обеспечение стабильной работы транспорта ДФО требует не только развития инфраструктуры (активно реализуемое в настоящее время), но и решения проблем на рынке труда. Продолжение негативных тенденций нарастания кадрового дефицита транспорта может стать ключевым лимитирующим фактором для экономики как макрорегиона, так и РФ в целом. Полученные выводы и оценки могут быть использованы при обосновании управленческих решений в отношении проблемы формирования кадров транспортного комплекса ДФО.

Ключевые слова: Дальний Восток, транспортный комплекс, трудовые ресурсы, производительность труда

Для цитирования: Бардаль, А. Б. Трудовые ресурсы транспорта ДФО в условиях политики восточного вектора // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 2 (111). С. 8–17. EDN: AWTXNO

Transport labor resources of the Far Eastern Federal District in the conditions of the Eastern vector policy

Anna B. Bardal

The Economic Research Institute, FEB RAS, Khabarovsk, Russia
bardal@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9944-4714>

Abstract. *The article considers the use of labor resources in the transport system of the Far Eastern Federal District. Under the conditions of the “turn to the East” policy and geopolitical changes of recent years, there is a reorientation of Russia's foreign trade cargo flows from the European direction to Asian countries (primarily China). It determines the increasing importance of transport in the eastern regions. The paper aims at analyzing the dynamics of labor resources usage, representing one of the key factors in transport functioning. Based on the data of official statistics for 2017-2023, the study shows the contradiction between the dynamics of employment and the volume of work of the FEFD transport. It also underlines that the emerging multidirectional trends (decrease in the number of labor resources with the growth of transport work) form risks for transport system stable functioning. The thesis is confirmed by the calculation of the structure similarity index (Salai index) for transport employment in the Far Eastern Federal District against the background of all-Russian indicators. The value of the index for the macro-region (0.063) shows an extremely low level of differences, which means that the dynamics of the structure of transport employment in the macro-region and the all-Russian structure are in high agreement. The fact is not positive considering the high importance of the macro-region's transport in the national transportation system at present. Ensuring stable operation of transport in the Far Eastern Federal District requires not only the development of infrastructure (which is being actively implemented nowadays), but also the solution of problems in the labor market. Further negative trends of personnel deficit in transportation may become a key limiting factor for the economy of both the macro-region and the Russian Federation as a whole. The obtained conclusions and estimates are to justify managerial decisions regarding the problem of personnel formation in the transport system of the Far Eastern Federal District.*

Keywords: *Far East, transport system, labor resources, labor productivity*

For citation: Bardal, A. B. (2025) Transport labor resources of the Far Eastern Federal District in the conditions of the Eastern vector policy *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (111), pp. 8–17. EDN: AWTXNO

Введение

Дефицит кадров становится одной из наиболее широко обсуждаемых проблем функционирования российской экономики на современном этапе. При этом локальные дисбалансы (территориальные, профессионально-квалификационные и др.) постоянно наблюдаются на рынке труда РФ в силу значительной неоднородности экономического пространства. Локальные дефициты проявлялись даже при относительно высоком уровне безработицы в национальной экономике

[Положихина, 2024].

В последние годы негативные тенденции на рынке труда усиливаются, происходит сокращение рабочей силы, фиксируемое как долгосрочный тренд. Среди ключевых причин происходящих процессов эксперты отмечают три группы факторов [Капелюшников, 2024б; Колесникова, Маслова, Окольных, 2023]: 1) традиционные (негативные долгосрочные демографические тренды – на рынок труда выходят люди, родившиеся в годы с низкими показателями рождае-

мости; несоответствие системы среднего и высшего образования потребностям экономики; наличие ложных социальных ориентиров, препятствующих заполнению «непрестижных» вакансий); 2) существовавшие ранее и обострившиеся в последние годы (развитие форм гибкой занятости; низкая мобильность трудовых ресурсов; изменение требований в контексте цифровизации экономики; негативные изменения в численности трудовых ресурсов, в т. ч. вследствие избыточной смертности в период пандемии; снижение масштабов трудовой миграции); 3) сложившиеся с весны 2022 г. (волна эмиграции; сокращение предложения рабочей силы в результате частичной мобилизации; изменение структуры рынка труда – рост потребности в кадрах для обрабатывающей промышленности под влиянием процессов импортозамещения и интенсификации производства в рамках гособоронзаказа) и др.

Ряд факторов оказал неоднозначное влияние на рынок труда. Так, последствия ухода с российского рынка иностранных компаний (с 2022 г.) существенно различаются для отраслей [Земцов, Баринаева, Михайлов, 2023]. Например, в сфере услуг общественного питания произошла относительно быстрая замена освободившихся ниш российскими брендами с практически полным сохранением персонала. В случае технологически сложных производств с низкой степенью локализации (автомобильная промышленность) полного замещения до настоящего времени не произошло, и наблюдается сокращение числа работников. В отдельных сегментах экономики уход иностранных компаний стимулировал развитие российских производителей (производство промышленного оборудования, ИТ), что привело к росту спроса на трудовые ресурсы.

Влияние перечисленных факторов

дифференцированно проявляется в региональном и отраслевом срезе национальной экономики. Трудовые ресурсы являются базовым экономическим фактором, наличие и качественные характеристики которого определяют производственные возможности. Однако необходимость учета территориально-отраслевых особенностей при изучении процесса формирования кадров повышает сложность исследовательского направления.

Цель работы – анализ динамики использования трудовых ресурсов транспортного комплекса Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) в условиях политики восточного вектора¹. Рассматривается период 2017–2023 гг. для того, чтобы охватить период функционирования транспорта до искажающего влияния пандемии (2017–2019 гг.) и период работы в условиях геополитических изменений (2022–2023 гг.).

Выбор транспорта как отраслевого сегмента исследования определяется его значимой ролью в экономике макрорегиона. Транспорт традиционно относится к направлениям специализации ДФО: по итогам 2023 г. доля транспорта в структуре выпуска составила 11% (тогда как в целом для РФ этот показатель составляет 7,0%), коэффициент локализации равен 1,59 (оценка по валовой добавленной стоимости (ВДС))². В организациях транспорта занято 10,6% трудовых ресурсов макрорегиона (в РФ – 8,0%)³.

Отметим, что роль транспортного комплекса восточных районов страны в национальной экономике существенно возросла с 2022 г. при переориентации внешнеэкономических потоков РФ с европейского на азиатское направление в условиях геополитических изменений [Амирова и др., 2023]. Стабильная работа транспорта ДФО зависит в том числе от обеспеченности трудовыми ресурсами, что определяет актуальность исследования.

¹ Под «восточным вектором» понимается изменение внешнеэкономической политики РФ с 2013 г., обозначаемое как «поворот на Восток». См., например, [Минакир, 2017].

² Рассчитано по данным для вида деятельности «Транспортировка и хранение» (раздела Н ОКВЭД-2). Валовой региональный продукт. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.02.2025).

³ Среднегодовая численность занятых в экономике. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58994> (дата обращения: 24.03.2025).

Современная ситуация на рынке труда РФ: краткий обзор исследований

Ситуации на рынке труда РФ посвящено множество научных публикаций, среди которых можно выделить исследование общих тенденций, анализ отдельных сегментов (территориальных либо отраслевых рынков), а также изучение конкретных факторов (влияние пандемии COVID-19, частичной мобилизации, трудовой миграции и пр.).

В публикациях одного из ведущих в данном тематическом поле российских экспертов Р. И. Капелюшников приведен разносторонний анализ долгосрочных тенденций рынка труда РФ и его современного состояния. По оценкам автора, дисбаланс («мизматч») на рынке труда возрос к началу 2024 г. до 8% (превышение спроса, т. е. вакантных рабочих мест над предложением) и вызван увеличением различий между «структурой рабочей силы и структурой рабочих мест из-за резких изменений на стороне спроса на труд» [Капелюшников, 2024а. С. 257]. Сложившаяся негативная тенденция имеет долгосрочный характер.

В работах В. Е. Гимпельсона рассматриваются возможные следствия сложившихся в экономике РФ и на рынке труда тенденций. Автор отмечает риски формирования эндогенной тенденции к структурному и технологическому упрощению национальной экономики, что приведет к потере «значительной части человеческого капитала, созданного для использования в условиях открытой экономики, встроенной в глобальные цепочки» [Гимпельсон, 2022. С. 234].

Отметим, что в отдельных публикациях приводятся более позитивные оценки сложившейся на рынке труда РФ ситуации. Так, в работе О. А. Колесниковой, Е. В. Масловой, И. В. Окоелых на основе анализа динамики показателей рынка труда РФ в 1992–2023 гг. сделан вывод о том, что кадровый дефицит не является всеобщим, а «носит характер тенденции превышения спроса на рабочую силу над ее предложением в отдельных профессиональных и территориальных локациях, формировавшейся несколько лет, но обострившейся в условиях СВО» [Колесни-

кова, Маслова, Окоелых, 2023. С. 187]. Численность недоиспользованной рабочей силы, по оценкам авторов, составляет не менее 4,4 млн чел.

В исследовании К. Е. Савчишиной, посвященном вопросу эффективности распределения трудовых ресурсов между отраслями экономики РФ (автор выделяет реальный сектор экономики и нематериальную сферу), отмечается наличие избыточной занятости в сфере услуг [Савчишина, 2023]. По мнению автора, перераспределение трудовых ресурсов приведет к расширению возможностей экономического роста.

Ряд исследователей рассматривает характеристики рынка труда, выявляя региональные и отраслевые различия, оказывающие влияние на формирование проблемы кадрового дефицита. Так, Б. И. Алехин, анализируя долговременные тенденции, структуру и причины кадрового дефицита в субъектах РФ, отмечает, что в 78% наблюдаемых случаев соотношение потребности организаций в работниках для замещения вакантных мест к общему числу рабочих мест (рассматривались данные за 2020–2021 гг. в разрезе субъектов РФ и профессиональных групп) не превышало 3,5%, что считается эталонным [Алехин, 2024]. Таким образом, дефицит имеет локальный характер, говорить об общем кадровом дефиците неверно.

Отраслевые особенности формирования спроса и предложения на труд исследуются в рамках серии работ экспертов НИУ ВШЭ [Рынок труда ..., 2024]. Эксперты анализируют динамику рынка в целом, а также выбранных видов деятельности (обрабатывающие производства, обеспечение электрической энергией, водоснабжение и водоотведение, строительство, торговля, транспортировка и хранение, административная деятельность) на основе официальных статистических показателей и опросов руководителей организаций, проводимых Росстатом. Отмечается рекордный рост числа вакантных мест в организациях всех видов деятельности и высокая интенсивность движения на рынке труда, стимулирующие рост заработной платы. Наиболее острый кадровый дефицит зафиксирован в «ад-

министративной деятельности» (раздел N ОКВЭД-2) и торговле (раздел G).

Отраслевые различия оказывают влияние на возможности регулирования возникающих на рынке труда дисбалансов. Например, в статье Е. В. Неходы и Л. Пань отмечается, что в некоторых отраслях смягчение дефицита кадров может происходить с ростом технологического потенциала и развитием цифровизации, расширением применения новых форм занятости [Нехода, Пань, 2021]. Ситуация в сфере транспорта не столь однозначна. Так, В. Н. Никитин и В. А. Подсорин в одной из публикаций показали, что транспорт выступает, с одной стороны, точкой притяжения новых разработок, положительно влияющих на производительность труда (модели цифровых двойников, беспилотные технологии перевозки), а с другой – транспорт представляет собой достаточно инертный во времени сегмент экономики относительно потребностей в трудовых ресурсах при организации массовых перевозок. Авторы считают, что на железнодорожном транспорте в настоящее время активно реализуются новые формы более эффективного использования трудовых ресурсов: «повышение инновационной активности работников, переход от цифровизации к экономике данных, изменение корпоративно-ценностных установок и т. п. способствуют существенному повышению производительности труда» [Никитин, Подсорин, 2024. С. 137].

Трудовые ресурсы в функционировании транспортного комплекса

Дальнего Востока

Рассмотрим трудовые ресурсы транспортного комплекса Дальнего Востока. По итогам 2023 г. в организациях, оказывающих услуги по виду деятельности «транспортировка и хранение» (раздел N ОКВЭД-2), в ДФО было занято 355,8 тыс. чел. (10,6% общей численности занятых в макрорегионе), из которых 54,7% или 194,5 тыс. чел. (5,8% общей численности занятых) являются работниками, непосредственно занятыми в транспортных процессах⁴.

Если в целом по виду деятельности «транспортировка и хранение» занятость в изучаемом периоде возросла на 6,6%, то численность трудящихся, обеспечивающих транспортный процесс (без учета вспомогательной и смежной деятельности), сократилась (табл. 1).

Наибольшая доля занятых приходится на автомобильный и железнодорожный виды транспорта, что определяется большим числом организаций по сравнению с воздушным, речным и морским. Наблюдаемое снижение численности занятых в сфере транспорта ДФО в 2017–2023 гг. противоречит динамике аналогичного показателя для РФ (который в исследуемом периоде увеличился на 3,0%), а, следовательно, не может быть объяснено соответствием общей тенденции.

Отметим также, что сокращение занятых в транспортном комплексе ДФО в исследуемом периоде наблюдается на фоне роста транспортной работы: как в натуральном измерении (объем перевозок уве-

Таблица 1

Численность занятых в сфере транспорта ДФО

Вид транспорта	2023 г., тыс. чел.	Прирост 2023/2017 гг., %	Доля в структуре в 2023 г., %
Всего, включая:	194,5	-15,6	100,0
– сухопутный	173,3	-16,1	87,6
– водный	18,5	-13,8	9,3
– воздушный	8,1	-9,1	4,0

Примечание: «сухопутный» транспорт включает автомобильный, железнодорожный, трубопроводный; «водный» транспорт включает морской и речной.

Источник: рассчитано по данным: Среднегодовая численность занятых в экономике. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58994> (дата обращения: 24.03.2025).

⁴ Оценка получена после исключения из общего показателя занятости в сфере складского хозяйства, вспомогательной транспортной деятельности, связи и курьерской деятельности.

личился на 13,5%), так и в стоимостном (ВДС транспорта макрорегиона в реальном выражении⁵ увеличилась на 62,0%).

Действительно, положительная динамика транспортной работы ДФО во многом стала следствием изменения акцентов внешней политики РФ и активизации торговых связей со странами Азии («поворот на Восток» с 2013 г.). Формирующийся тренд получил новый импульс в 2022 г. при переориентации экспортно-импортных грузопотоков с западного на восточное направление, происходившей в условиях усиления санкционного давления в отношении РФ и изменения параметров транспортного рынка: уход крупных морских операторов, ограничение железнодорожных и автомобильных перевозок со странами ЕС и пр.

Наиболее значимо в структуре транспортного комплекса макрорегиона возросла работа железнодорожного и морского видов транспорта, представляющих звенья широтного транзитного коридора для внешнеторговых потоков компаний западных и центральных регионов РФ (табл. 2).

Дальнейший рост объема перевозок в восточном направлении ограничивается инфраструктурными возможностями транспортного комплекса ДФО, в частности железной дороги. Темп работ по модернизации Восточного полигона (начатой в 2013 г.) отстает от потребностей

грузоотправителей, что приводит к росту дисбаланса между спросом и предложением транспортных услуг [Бардадь, 2022].

Описанные изменения объемов работы и численности занятых в сфере транспорта ДФО отражаются на динамике производительности труда⁶ (табл. 3).

Из дальневосточных субъектов РФ темпы роста производительности труда, превышающие средние по макрорегиону, зафиксированы там, где отмечался низкий темп роста или снижение численности занятых при значительном росте ВДС.

Рассматривая ДФО на фоне национальной экономики, отметим, что темп роста производительности труда в сфере транспорта в ДФО превысил в 2017–2023 гг. среднероссийский показатель (172,4%). В разрезе федеральных округов более высокие темпы роста наблюдались лишь в Центральном (192,2%) и Северо-Западном (185,9%).

В отраслевом срезе темп роста производительности труда на транспорте ДФО значительно превышал изменение производительности труда для экономики в целом, составившее 112,6% (разброс от 91,1% – в Сахалинской области до 132,8% – в Магаданской области). Динамика производительности труда определялась в основном изменением объемов выполненной работы, проявлялись ситуации локальных дефицитов на рынке труда.

Чтобы оценить специфику отдельных

Таблица 2

Динамика грузовых перевозок транспорта ДФО

Вид транспорта	Ежегодный темп роста, %						Темп роста 2023/2017 г., %
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	
Всего, включая:	100,2	102,4	103,4	101,8	103,4	101,7	113,5
– железнодорожный	102,7	102,1	102,2	104,0	104,5	100,1	116,6
– морской	104,6	106,5	104,5	100,5	101,6	104,5	124,2
– автомобильный	89,3	95,2	105,7	98,8	105,5	101,2	94,7
– внутренний водный	99,2	121,1	92,7	99,6	86,5	94,0	90,3

Источник: рассчитано по данным Транспорт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/transport> (дата обращения: 30.03.2025); Ассоциация морских торговых портов: статистика. URL: <https://www.morport.com/rus/content/statistika-0> (дата обращения: 30.03.2025).

⁵ Корректировка произведена с использованием индекса тарифов на грузовые перевозки. Среднегодовая численность занятых в экономике. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58994> (дата обращения: 24.03.2025).

⁶ Производительность труда оценивалась через соотношение ВВП по виду деятельности «транспорт и хранение» (в постоянных ценах) и величины трудозатрат, измеренных числом занятых.

Таблица 3

Производительность труда по виду деятельности «транспортировка и хранение» ДФО

Территория	Производительность в 2023 г., тыс. руб./чел.	Темп роста 2023/2017 гг., %		
		производительность	численность занятых	ВДС транспорта
Дальневосточный федеральный округ	2879,7	185,1	106,6	197,3
Республика Бурятия	2040,9	183,0	103,4	189,2
Республика Саха (Якутия)	2543,9	173,3	102,4	177,5
Забайкальский край	2136,0	177,6	101,1	179,5
Камчатский край	1895,1	185,7	100,9	187,3
Приморский край	4049,0	230,5	109,6	252,7
Хабаровский край	2868,3	135,5	111,4	150,9
Амурская область	2111,6	160,1	116,1	185,9
Магаданская область	2436,2	179,9	100,7	181,3
Сахалинская область	2602,4	193,6	102,5	198,3
Еврейская автономная область	2837,4	219,1	82,8	181,3
Чукотский автономный округ	4657,8	294,6	95,1	280,2

Источник: рассчитано по данным Валовой региональный продукт в основных ценах. URL: <https://fedstat.ru/indicator/61497> (дата обращения: 02.04.2025); Среднегодовая численность занятых в экономике. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58994> (дата обращения: 24.03.2025).

дальневосточных субъектов РФ с точки зрения формирования занятости в транспортном комплексе и динамику этого процесса, соотнесем структуру занятости в

каждом регионе с фоновыми значениями (РФ). Для оценки, вслед за И. А. Забелиной и др. [Забелина, Клевакина, Денисенко, 2017], используем индекс Салаи⁷ (табл. 4).

Таблица 4

Индекс Салаи по численности занятых в сфере транспорта ДФО

Макрорегион / субъект РФ	2017–2023 гг.	Характеристика отличия структуры занятости по отношению к среднероссийскому
Дальневосточный федеральный округ	0,063	весьма низкий уровень различия
Республика Бурятия	0,054	весьма низкий уровень различия
Республика Саха (Якутия)	0,167	существенный уровень различия
Забайкальский край	0,234	существенный уровень различия
Камчатский край	0,237	существенный уровень различия
Приморский край	0,090	низкий уровень различия
Хабаровский край	0,067	весьма низкий уровень различия
Амурская область	0,198	существенный уровень различия
Магаданская область	0,247	существенный уровень различия
Сахалинская область	0,131	низкий уровень различия
Еврейская автономная область (ЕАО)	0,509	весьма значительный уровень различия
Чукотский автономный округ	0,197	существенный уровень различия

Примечание: индекс изменяется от нуля до единицы, шкала градации: от 0 до 0,030 – тождественность структур; от 0,031 до 0,070 – весьма низкий уровень различия структур; от 0,071 до 0,150 – низкий уровень различия структур; от 0,151 до 0,300 – существенный уровень различия структур; от 0,301 до 0,500 – значительный уровень различия структур; от 0,501 до 0,700 – весьма значительный уровень различия структур; от 0,701 до 0,900 – противоположный тип структур; от 0,901 до 1 – полная противоположность структур.

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата РФ.

⁷ Индекс оценивает интенсивность различий удельных показателей признака в сравниваемых структурах.

В целом для ДФО расчётное значение индекса показывает весьма низкий уровень различий (0,063), что означает: динамика структуры занятости в транспорте макрорегиона соответствует общероссийской. При этом шесть дальневосточных субъектов РФ относятся к группе, фиксирующей «существенные различия», а для ЕАО зафиксированы «весьма существенные различия» структуры занятости. Последнее определяется спецификой структуры экономики субъекта РФ: транспорт формирует 14,3% ВРП, занимая второе место после строительства (16,8%)⁸.

Заключение

Таким образом, сегодня в транспортном комплексе ДФО происходит снижение численности занятых на фоне роста объемов работы в условиях «поворота на Восток» и изменения геополитических факторов. За 2017–2023 гг. численность занятых в организациях транспорта снизилась на 15,6%, в т. ч. сокращение затронуло железнодорожный и морской транспорт, объемы перевозок которых (а, следовательно, и объем работы) возросли на 23,4% и 28,4% соответственно.

Формально, сложная ситуация с кадровыми ресурсами отражается в позитивной динамике производительности труда, однако ориентация лишь на условные критерии эффективности без учета фактической ситуации и региональной

специфики экономических процессов могут привести к крайне негативным последствиям. Так, по мнению экспертов, дефицит кадров ОАО «РЖД» складывался в т. ч. под влиянием стремления достижения планов роста производительности труда в ходе структурной реформы.

Оценка индекса интенсивности различия структур по занятости за 2017–2023 гг. показала низкий уровень различия для ДФО на фоне РФ. Для макрорегиона это не может быть оценено положительно, поскольку функции транспорта и его роль в национальной транспортной системе характеризуются повышенной значимостью. Дальний Восток в условиях «поворота на Восток» и изменения геополитических факторов становится полигоном транспортного обслуживания значимой части внешнеэкономических грузопотоков. Организация адекватного по качеству процесса перевозки требует привлечения соответствующих ресурсов: инвестиций в развитие инфраструктуры, трудовых ресурсов. И если динамика инвестиций последних лет соответствует целям развития комплекса в связи с повышением роли транспорта восточных районов (за 2017–2023 гг. рост в 4,3 раза до 1,03 трлн руб. – это 18,7% общероссийского показателя), то ситуация с трудовыми ресурсами транспорта может стать ключевым лимитирующим фактором.

Список источников:

1. Алехин, Б. И. Кадровый дефицит в российских регионах // *Пространственная экономика*. 2024. Т. 20. № 1. С. 163–186. DOI: 10.14530/se.2024.1.163-186 EDN: EJTXII
2. Амирова, З. Б., Аристова, Л. Б., Баженов, Ю. М. и др. Актуализация транспортной стратегии России как необходимое условие обеспечения экономического прорыва и национальной безопасности страны на этапах геополитического противостояния / Под ред. Васильева С. Н., Варнавского В. Г. и др. Часть 1. – Нижний Новгород: Волжский государственный университет водного транспорта, 2023. – 482 с. EDN: DSCYLA
3. Бардадь, А. Б. Транспорт Востока России в условиях геополитических и геоэкономических изменений // *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*. 2022. № 4 (71). С. 167–175. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-4-167-175 EDN: ZXZMQC
4. Гимпельсон, В. Е. Человеческий капитал в эпоху санкций и контрсанкций: некоторые последствия его перераспределения // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2022. № 3(55). С. 234–238. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-16 EDN: KYTOVM
5. Забелина, И. А., Клевакина, Е. А., Денисенко, И. С. Региональные структур-

⁸ Структура ВРП в 2023 г. / ЦБ РФ. URL: https://www.cbr.ru/vfs/regions/profile/fulldata_wrp.xlsx (дата обращения: 05.05.2025).

- ные сдвиги в занятости населения: восточные регионы нового Шелкового пути // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 39. С. 80–98. DOI: 10.17223/19988648/39/6 EDN: YTPDFX
6. Земцов, С. П., Барина, В. А., Михайлов, А. А. Санкции, уход иностранных компаний и деловая активность в регионах России // Экономическая политика. 2023. Т. 18. № 2. С. 44–79. DOI: 10.18288/1994-5124-2023-2-44-79 EDN: RGUWPN
7. Капелюшников, Р. И. Кривая Бевериджа: что она говорит о ситуации на российском рынке труда? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024а. № 4(65). С. 246–258. DOI: 10.31737/22212264_2024_4_246-258 EDN: GTYWHS
8. Капелюшников, Р. И. Эскалация вакансий на российском рынке труда (динамика, структура, триггеры). – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024б. – 60 с.
9. Колесникова, О. А., Маслова, Е. В., Окопелых, И. В. Кадровый дефицит на современном рынке труда России: проявления, причины, тренды, меры преодоления // Социально-трудовые исследования. 2023. № 4(53). С. 179–189. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-53-4-179-189 EDN: DLOSFN
10. Минакир, П. А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 4. С. 1016–1029. DOI: 10.17059/2017-4-4. EDN: ZXQJZV
11. Нехода, Е. В., Пань, Л. Трансформация рынка труда и занятости в цифровую эпоху // Экономика труда. 2021. Т. 8. № 9. С. 897–916. DOI: 10.18334/et.8.9.113408 EDN: DDOMCI
12. Никитин, В. Н., Подсорин, В. А. Институционализация факторов повышения производительности труда на железнодорожном транспорте // Социально-трудовые исследования. 2024. № 4(57). С. 130–138. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-57-4-130-138. С. 137. EDN: LMHWQJ
13. Положихина, М. А. Глобальные тенденции рынка труда и специфика занятости в России // Социальные новации и социальные науки. 2024. № 2(15). С. 10–35. DOI: 10.31249/snsn/2024.02.01 EDN: LYXJCY
14. Рынок труда отдельных отраслей экономики России: текущая ситуация и ожидаемый фокус перемен. III квартал 2024 года. – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 60 с.
15. Савчишина, К. Е. Отраслевая структура занятости как фактор ограничения экономического роста // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2023. Т. 21. № 3. С. 145–159. DOI: 10.47711/2076-3182-2023-3-145-159 EDN: BLKOJD

References:

1. Alekhine, B. I. (2024) Personnel shortage in Russian regions *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economy], vol. 20, no. 1, pp. 163–186. DOI: 10.14530/se.2024.1.163-186 EDN: EJTXII (in Russ.).
2. Amirova, Z. B., Aristova, L. B., Bazhenov, Yu. M., et al. (2023) Updating Russia's transport strategy as a necessary condition for ensuring an economic breakthrough and national security of the country at the stages of geopolitical confrontation / ed. By Vasiliev S. N., Varnavsky V. G., et al. Part 1. – Nizhny Novgorod: Volga State University of Water Transport, 482 p. EDN: DSCYLA (in Russ.).
3. Bardal, A. B. (2022) Transport of the East of Russia in the Context of Geopolitical and Geo-economic Changes *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya* [Economy of the North-West: Problems and Prospects of Development], no. 4 (71), pp. 167–175. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-4-167-175 EDN: ZXZMQC (in Russ.).
4. Gimpelson, V. E. (2022) Human Capital in the Era of Sanctions and Counter-Sanctions: Some Consequences of Its Redistribution *ZHurnal Novej ekonomicheskoy associacii* [Journal of the New Economic Association], no. 3(55), pp. 234–238. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-16 EDN: KYTOVM (in Russ.).
5. Zabelina, I. A., Klevakina, E. A., Denisenko, I. S. (2017) Regional Structural Shifts

in Employment: Eastern Regions of the New Silk Road *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of Tomsk State University. Economics], no. 39, pp. 80–98. DOI: 10.17223/19988648/39/6 EDN: YTPDFX (in Russ.).

6. Zemtsov, S. P., Barinova, V. A., Mikhailov, A. A. (2023) Sanctions, Exit of Foreign Companies, and Business Activity in Russian Regions *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], vol. 18, no. 2, pp. 44–79. DOI: 10.18288/1994-5124-2023-2-44-79 EDN: RGUWPN (in Russ.).

7. Kapelyushnikov, R. I. (2024a) Beveridge Curve: What Does It Say About the Situation on the Russian Labor Market? *ZHurnal Novoj ekonomicheskoy associacii* [Journal of the New Economic Association], no. 4(65), pp. 246–258. DOI: 10.31737/22212264_2024_4_246-258 EDN: GTYWHS (in Russ.).

8. Kapelyushnikov, R. I. (2024b) Escalation of Vacancies on the Russian Labor Market (Dynamics, Structure, Triggers). – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 60 p. (in Russ.).

9. Kolesnikova, O. A., Maslova, E. V., Okolelykh, I. V. (2023) Personnel shortage in the modern Russian labor market: manifestations, causes, trends, and measures to overcome it *Social'no-trudovye issledovaniya* [Social and labor studies], no. 4 (53), pp. 179–189. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-53-4-179-189 EDN: DLOSFN (in Russ.).

10. Minakir, P. A. (2017) Expectations and realities of the “pivot to the East” policy *Ekonomika regiona* [Economy of the region], vol. 13, is. 4, pp. 1016–1029. DOI: 10.17059/2017-4-4. EDN: ZXQJZV (in Russ.).

11. Nekhoda, E. V., Pan, L. (2021) Transformation of the labor market and employment in the digital era *Ekonomika truda* [Labor Economics], vol. 8, no. 9, pp. 897–916. DOI: 10.18334/et.8.9.113408 EDN: DDOMCI (in Russ.).

12. Nikitin, V. N., Podsorin, V. A. (2024) Institutionalization of factors increasing labor productivity in railway transport *Social'no-trudovye issledovaniya* [Social and labor studies], no. 4(57), pp. 130–138. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-57-4-130-138. P. 137. EDN: LMHWQJ (in Russ.).

13. Polozhikhina, M. A. (2024) Global trends in the labor market and the specifics of employment in Russia *Social'nye novacii i social'nye nauki* [Social innovations and social sciences], no. 2(15), pp. 10–35. DOI: 10.31249/snsn/2024.02.01 EDN: LYXJCY (in Russ.).

14. The labor market of individual sectors of the Russian economy: the current situation and the expected focus of change. III quarter of 2024. – Moscow: ISSEK HSE, 60 p. (in Russ.).

15. Savchishina, K. E. (2023) Sectoral structure of employment as a factor limiting economic growth *Nauchnye trudy: Institut narodnohozyajstvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences], vol. 21, no. 3, pp. 145–159. DOI: 10.47711/2076-3182-2023-3-145-159 EDN: BLKOJD (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 07.05.2025; одобрена после рецензирования 09.06.2025; принята к публикации 11.06.2025.

The article was submitted 07.05.2025; approved after reviewing 09.06.2025; accepted for publication 11.06.2025.

Информация об авторе

А. Б. Бардаль – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

A. B. Bardal – Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Leading researcher, the Economic Research Institute, FEB RAS.

Научная статья
УДК 314.8(571.6)
<https://elibrary.ru/BFCSQD>

Демографическая динамика на Дальнем Востоке России: устойчивые тренды и новые вызовы

Мария Анатольевна Грицко

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
gritsko@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7853-0413>

Аннотация. В статье проведен анализ долгосрочного тренда демографических процессов на Дальнем Востоке России. Показано, что на протяжении 1991–2024 гг. демографическая динамика характеризовалась высокой устойчивостью, сохраняя отрицательную направленность. За более чем тридцатилетний период население Дальнего Востока сократилось на четверть при среднероссийском показателе 2%. Выделены три группы субъектов в зависимости от масштабов демографических потерь. Для первой, наиболее благополучной, было характерно снижение общей численности населения в пределах 10% относительно 1991 г. (Республики Бурятия и Саха (Якутия)). Вторая группа характеризовалась значительной потерей демографического потенциала за анализируемый период, порядка 70% населения (Магаданская область, Чукотский автономный округ). В состав третьей группы вошли все остальные дальневосточные субъекты, сокращение населения в которых варьировало в диапазоне 20–40%. Для идентификации наиболее неблагоприятных в демографическом развитии макрорегиона периодов была проанализирована динамика общего, естественного и миграционного прироста. Показано, что 55% от общего сокращения населения в макрорегионе пришлось на первое десятилетие анализируемого периода. Основная часть потерь была обусловлена отрицательным сальдо миграции. В последующие периоды интенсивность убыли населения сократилась. С 2020 г. трансформировалась традиционная для макрорегиона структура факторов демографической динамики. Убыль населения стала следствием, прежде всего, отрицательной результативности естественного движения. Прогнозные оценки перспективной численности населения Дальнего Востока свидетельствуют о сохранении ведущей роли естественных процессов, отрицательная результативность которых будет определять сокращение демографического потенциала.

Ключевые слова: численность населения, общий прирост, естественный прирост, миграционный прирост, субъект РФ, Дальний Восток

Для цитирования: Грицко, М. А. Демографическая динамика на Дальнем Востоке России: устойчивые тренды и новые вызовы // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 2 (111). С. 18–25. EDN: BFCSQD

Demographic Dynamics in the Far East of Russia: Stable Trends and New Challenges

Maria A. Gritsko

The Economic Research Institute, FEB RAS, Khabarovsk, Russia
gritsko@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7853-0413>

Abstract. *The article analyzes the long-term trend of demographic processes in the Russian Far East. It is shown that during 1991-2024, the demographic dynamics were characterized by high stability, maintaining a negative trend. Over a more than thirty-year period, the population of the Far East has decreased by a quarter with the average Russian indicator of 2%. Three groups of subjects are identified depending on the scale of demographic losses. The first, most favorable, was characterized by a decrease in the total population within 10% compared to 1991 (the Republics of Buryatia and Sakha (Yakutia)). The second group was characterized by a significant loss of demographic potential during the analyzed period, about 70% of the population (Magadan Oblast, Chukotka Autonomous Okrug). The third group included all other Far Eastern entities, the population decline in which varied in the range of 20-40%. To identify the most unfavorable periods in the demographic development of the macroregion, the dynamics of total, natural and migration growth were analyzed. It was shown that 55% of the total population decline in the macroregion occurred in the first decade of the analyzed period. The bulk of the losses were due to a negative migration balance. In subsequent periods, the intensity of population decline decreased. Since 2020, the traditional structure of demographic dynamics factors for the macroregion has been transformed. Population decline was primarily a consequence of the negative performance of natural movement. Forecast estimates The prospective population size of the Far East indicates the continued leading role of natural processes, the negative impact of which will determine the reduction of the demographic potential.*

Keywords: *population size, total growth, natural growth, migration growth, subject of the Russian Federation, the Far East*

For citation: Gritsko, M. A. (2025) Demographic Dynamics in the Far East of Russia: Stable Trends and New Challenges *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (111), pp. 18–25. EDN: BFCSQD

Введение

Социально-экономическое развитие России и ее регионов на современном этапе сталкивается с острыми демографическими вызовами, обусловленными нарастанием естественной убыли населения, сокращением миграционных потоков, неспособных компенсировать сокращение населения в результате естественных причин [Агеев, Золотарева, 2023; Антонов, Карпова, 2025; Архангельский, Золотарева, Кучмаева, 2024]. В 2024 г. уровень

рождаемости в Российской Федерации достиг исторического минимума, опустившись до 8,4 промилле. В совокупности с высокими показателями смертности это обуславливает ежегодный рост естественной убыли населения¹. Демографическая повестка и острота проблемы сокращения демографического потенциала обсуждаются на всех уровнях власти, в научном и экспертном сообществе, предлагаются различные инициативы, направленные на повышение рождаемости, в особенно-

¹ Естественное движение населения. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_03-2025.htm (дата обращения: май 2025 г.).

сти среди молодых когорт женщин². При этом проявление демографического кризиса в регионах значительно различается, на карте есть как субъекты, сохраняющие высокие показатели рождаемости (прежде всего, субъекты Северо-Кавказского федерального округа), так и территории с крайне низкими показателями, значительно уступающими среднероссийским параметрам (Ленинградская область) [Безвербный, Мирязов, 2022].

Динамика численности населения Дальнего Востока, в отличие от общероссийской, описывается устойчивой нисходящей кривой, остающейся неизменной с 1991 г. Демографические проблемы Дальнего Востока регулярно обсуждаются среди политического и академического сообщества, а с присвоением в 2013 г. макрорегиону приоритетного статуса дискуссия только усилилась [Грицко, 2024; Развитие ..., 2024].

Обширный пакет стратегических документов развития, принятых за последнее десятилетие в отношении макрорегиона, повсеместно содержат цель по сохранению населения в округе и дальнейшему наращиванию человеческого потенциала³. В отношении макрорегиона была принята Концепция демографического развития Дальнего Востока до 2025 г., устанавливающая нормативные индикаторы в рамках двух этапов ее реализации (2017–2020 гг. и 2021–2024 гг.). Принятие подобного документа и отсутствие аналогов для других территорий с отрицательной динамикой численности населения сформировало завышенные ожидания в отношении перспектив демографического развития макрорегиона. Однако срок реализации Концепции завершился в 2024 г., а реальные результаты оказались далеки

от запланированных [Грицко, 2021]. Высокая вероятность невыполнения заложенных в документе показателей была очевидна уже на первом этапе реализации, поскольку реальная динамика с каждым годом все сильнее отклонялась от запланированного тренда. Возникновение в начале 2020-х гг. факторов шоковой природы, с которыми столкнулась социально-экономическая система (пандемия новой коронавирусной инфекции, усиление санкционного давления на экономику и др.) только усилило разрыв между планируемыми и фактическими результатами.

Долгосрочные демографические тренды

На начало 2025 г. население Дальнего Востока продолжило сокращаться и составило 7860,3 тыс. человек. Относительно предшествующего года численность жителей макрорегиона снизилась чуть более чем на 6 тыс. человек. Если же сопоставлять данные текущего учета населения с максимально наблюдавшейся численностью в 1991 г., то демографический потенциал сократился практически на четверть. При этом при среднем по макрорегиону 25%-ом показателе в региональном разрезе ситуация характеризуется высокой неоднородностью. По темпу сокращения можно выделить как минимум три группы субъектов: наиболее благополучная, демографические потери в которых составили не более 10%, включает Республику Бурятия и Саха (Якутию). За период 1991–2025 гг. население этих субъектов уменьшилось на 7,7% и 10% соответственно. Крайне неблагополучная группа включает Магаданскую область и Чукотский автономный округ, которые за период потеряли 65,0% и 69,8% своего населения. Третья

² В Государственной Думе обсуждается инициатива о выделении дополнительно к материнскому капиталу 1 млн рублей за рождение первого ребенка в возрасте до 24 лет (Молодым россиянкам до 24 лет готовят щедрую надбавку к маткапиталу. URL: <https://penzavzglyad.ru/novosti-rossii/184227/-molodym-rossiyankam-do-24-let-gotovyat-schedruyu-nadbavku-k-matkapitalu>) (дата обращения: май 2025 г.).

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.06.2017 №1298-р (с изм. на 29.11.2023) «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года» (URL: <https://docs.cntd.ru/document/436744671>) (дата обращения: май 2025 г.); Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.09.2020 №2464-р «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года» URL: <http://static.government.ru/media/files/NAiSPJ8QMRZUPd9LIMWJoeVhn1l6eGqD.pdf> (дата обращения: май 2025 г.).

группа включает субъекты со средним уровнем падения в диапазоне 20–40%. В состав этой группы вошли Забайкальский край – 25,4%, Камчатский край – 39,8%, Приморский край – 22,1%, Хабаровский край – 21,6%, Амурская область – 28,6%, Сахалинская область – 36,0% и Еврейская автономная область – 34,2%.

Рисунок 1 наглядно иллюстрирует масштаб демографических потерь Дальнего Востока и входящих в его состав субъектов относительно начала 1991 г. в сравнении со среднероссийским показателем. В целом по стране население на начало 2025 г. составило 98,5% от уровня 1991 г. На Дальнем Востоке масштаб сокращения населения был более значительным, относительно 1991 г. макрорегион в результате естественной и миграционной убыли потерял практически четверть жителей.

Демографическая динамика на Дальнем Востоке, отличаясь постоянством отрицательной направленности на протяжении более трех десятилетий, характеризовалась разной интенсивностью естественных и миграционных процессов в отдельные периоды. С целью идентификации наиболее сложных в демографическом измерении периодов развития макрорегиона была проанализирована динамика общего, естественного и миграционного прироста в разрезе пятилетних периодов,

начиная с 1991 года (рис. 2).

Приведенный график демонстрирует, что основная доля от общих демографических потерь макрорегиона за период 1991–2024 гг. была следствием масштабной убыли населения в 1990-е гг. Из общего сокращения численности дальневосточников на 2,5 млн чел. 55% пришлось на первое десятилетие анализируемого периода. Мгновенной реакцией на происходящие социально-экономические трансформации в этот период стал резкий рост миграционного оттока населения. При общей убыли населения за 1991–1995 гг. в размере 792,2 тыс. человек потери за счет отрицательного миграционного прироста составили 826,6 тыс. чел. Незначительный компенсационный эффект принес естественный прирост населения.

В последующие периоды в отрицательной зоне находился как естественный прирост, так и миграционный, но масштабы последнего уже не были столь значительными, как в первый пятилетний период. Вплоть до 2010 г. сохранялась отрицательная результативность естественных и миграционных процессов. При этом с каждым пятилетним периодом масштабы потерь постепенно сокращались. К 2006–2010 гг. отрицательный естественный прирост уменьшился до 15,9 тыс. чел., чему способствовал начавшийся в этот период рост рождаемости, благодаря

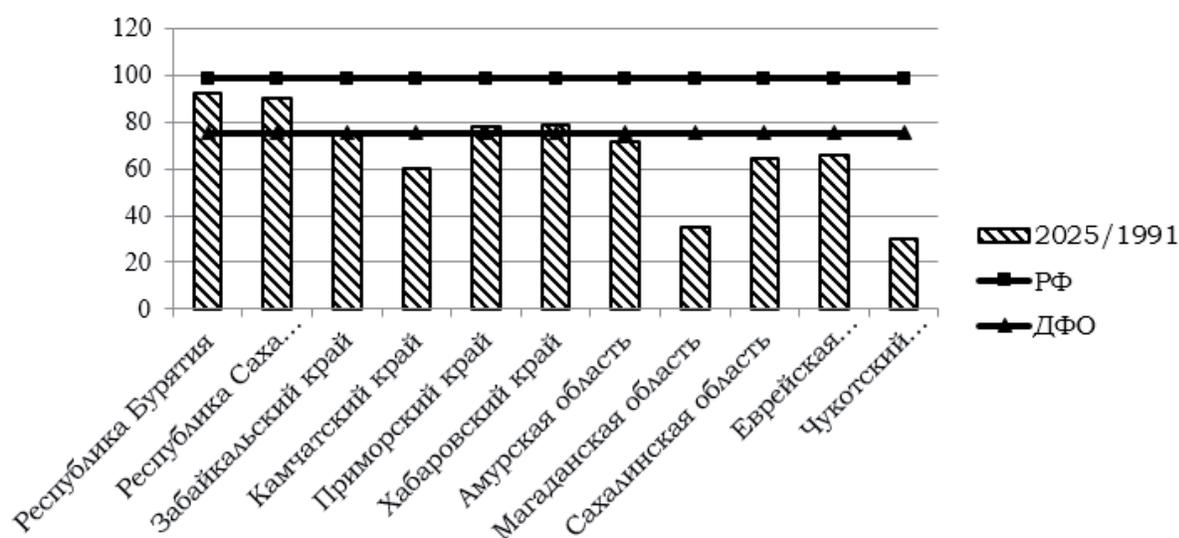

Рис. 1. Темп сокращения населения, %⁴

⁴Численность постоянного населения на 1 января. <https://fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения: май 2025 г.)

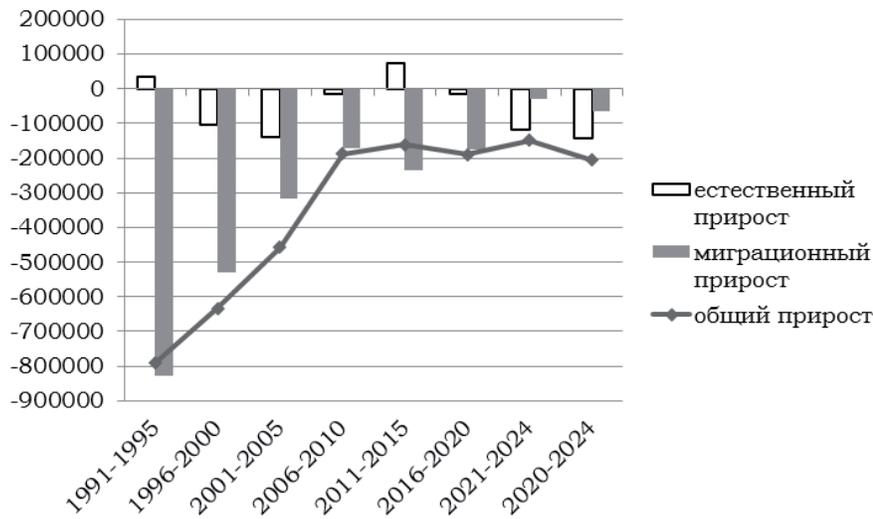

Рис. 2. Общий, естественный и миграционный прирост населения Дальнего Востока, чел.

вхождению в активный репродуктивный возраст многочисленных поколений, рожденных в 1980-е годы, а также введение в 2006 г. мер государственной поддержки при рождении вторых и последующих детей (материнский капитал) [Вакуленко, Рыжкина, 2024; Архангельский, Золотарева, Кучмаева, 2024]. Благоприятное сочетание тенденций в области рождаемости и смертности привело к тому, что демографическим результатом 2011–2015 гг. стал естественный прирост населения в размере 72377 чел. Вместе с тем, он не повлек за собой увеличения численности населения Дальнего Востока, поскольку миграционное сальдо сохранилось отрицательным. Период 2016–2020 гг. вновь характеризовался отрицательной результативностью. При естественной убыли 14,7 тыс. чел. миграционная составила 175,8 тыс. чел.

Следует отметить, что переломный с точки зрения траектории естественных процессов 2020 г. (при используемой в статье периодизации) попал в пятилетний период 2016–2020 гг., и следующий интервал включал уже только четыре года с 2021 г. по 2024 г. Но дополнительно был выделен период 2020–2024 гг. с целью совокупной оценки последствий пандемии для демографического потенциала макрорегиона. Рисунок 2 наглядно демонстрирует «новое» для Дальнего Востока соотношение между естественной и миграционной убылью, которое

возникло в результате распространения пандемии новой коронавирусной инфекции, а в настоящее время усиливается за счет сокращения рождаемости. За все предыдущие годы, начиная с 1991 г., не наблюдалось естественной убыли, превышающей по своему масштабу миграционный отток. Совокупная естественная убыль населения за 2021–2024 гг. практически в 4 раза превысила миграционную: 119082 человек против 30569. Если включить в анализ год начала пандемии, то потери населения в результате естественной убыли увеличатся до 141946 чел., а миграционное сальдо составит 64420 чел.

До пандемии новой коронавирусной инфекции динамика населения на Дальнем Востоке характеризовалась устойчивым во времени и неизменным с 1991 г. соотношением между демографическими факторами: основная причина убыли населения – это отрицательное миграционное сальдо, которое всегда по своему масштабу превышало отрицательное сальдо рождаемости и смертности. Если же наблюдался естественный прирост населения, то его масштабы не позволяли компенсировать миграционные потери.

С 2020 г. развитие Дальнего Востока описывается «новой» демографической траекторией, отличительной характеристикой которой выступает то, что определяющим фактором динамики численности населения становится результативность

естественных процессов. О сохранении в перспективе до 2046 г. подобной структуры факторов свидетельствуют данные демографического прогноза Федеральной службы государственной статистики (рис. 3).⁴ На протяжении всего прогнозного периода ожидается сохранение отрицательной результативности естественного движения, миграционный прирост с 2043 г. перейдет в положительную плоскость. При этом масштабы потерь в результате естественных процессов в разы превышают прогнозируемое миграционное сальдо. Следует отметить, что прогноз включал в себя и 2024 г., официальные статистические данные по которому уже размещены в открытом доступе. Исходя из сопоставления фактических и прогнозируемых данных можно заключить, что в отношении естественного прироста прогнозные значения и реальное практически идентичны (-31,3 тыс. чел. по прогнозу и -30,3 фактически), по миграционному приросту фактические данные кардинально отличаются от прогнозных. По итогам 2024 г. на Дальнем Востоке был зафиксирован положительный миграционный прирост практически по всем субъектам (исключение составил Чукотский автономный округ), что обеспечило

прирост населения макрорегиона на 24,2 тыс. человек. По прогнозным данным миграционный прирост должен был составить -10,0 тыс. чел.

Заключение

Общий демографический тренд на Дальнем Востоке, несмотря на отдельные периоды положительной результативности основных демографических процессов, остается отрицательным. Принимаемые государством меры, направленные на стабилизацию численности населения в макрорегионе, не приносят ожидаемых результатов [Грицко, 2023]. На фоне общего сокращения населения с 2020 г. произошел перелом в распределении влияния демографических факторов на общий прирост. Длительно существовавший тренд первостепенного отрицательного влияния миграции сменился, и на первое место вышли естественные причины убыли населения. Прогнозные оценки свидетельствуют, что в ближайшие двадцать лет сохранится естественная убыль населения, значительно превышающая по своему масштабу потери в результате отрицательного миграционного прироста. Совокупное отрицательное влияние этих двух демографических факторов сохранит в перспективе проблему дефицита трудо-

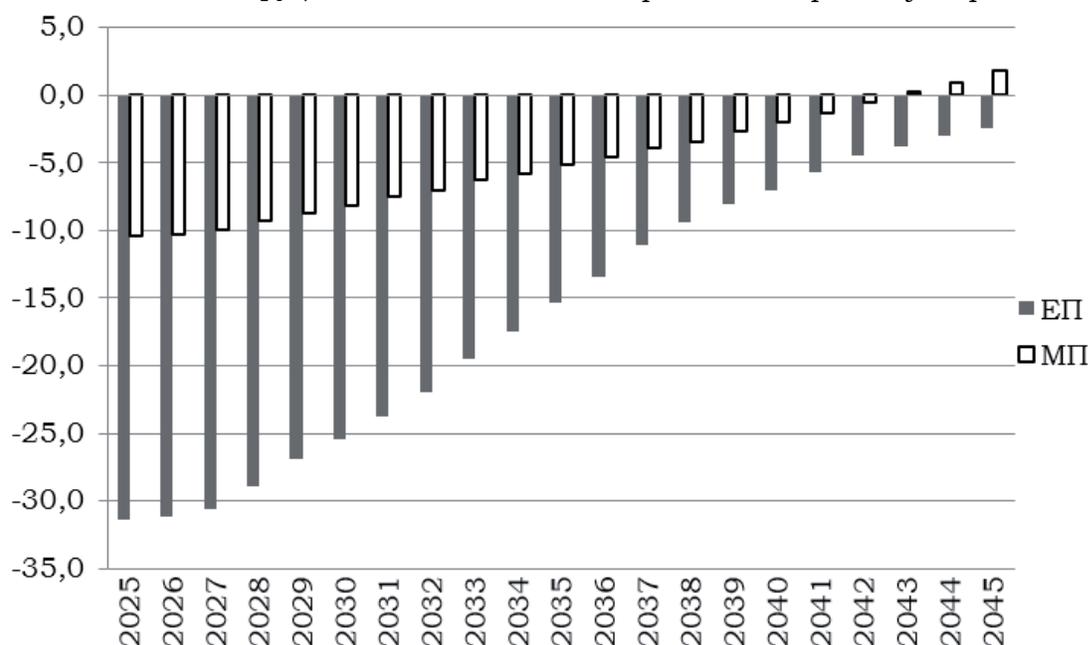

Рис. 3. Прогнозная динамика естественного (ЕП) и миграционного прироста (МП), тыс. чел.

⁴ Предположительная численность населения Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285> (дата обращения: май 2025 г.).

вых ресурсов, что в условиях приоритетного развития дальневосточного макрорегиона будет оказывать сдерживающее влияние на экономический рост и потребует поиска компенсаторов существенного недостатка ресурсов труда [Белоусова, Грицко, 2024; Прокапало, Бардаль, Исаев, Мазитова, 2025].

Список источников:

1. Агеев, А. И., Золотарева, О. А. Демографическая политика в России: оценка результативности // Вопросы статистики. 2023. № 30 (2). С. 53–71. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-2-53-71> EDN: HUAWAW
2. Антонов, А. И., Карпова, В. М. Сравнительный анализ демографических прогнозов: оценка долгосрочных тенденций для мира и России // Проблемы прогнозирования. 2025. № 2 (209). С. 180–191. DOI: 10.47711/0868-6351-209-180-191 EDN: TLRBPN
3. Архангельский, В. Н., Золотарева, О. А., Кучмаева, О. В. Два подхода к измерению результативности демографической политики (на примере федерального материнского капитала) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 6. С. 77–97. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.4 EDN: MTOVAR
4. Безвербный, В. А., Мирязов, Т. Р. Депопуляция геостратегических территорий Российской Федерации в зеркале пространственной демографии // Политическая наука. 2022. № 4. С. 185–206. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.09> EDN: DSMFBV
5. Белоусова, А. В., Грицко, М. А. Оценка перспективных потребностей экономики в трудовых ресурсах: сценарные эксперименты для Дальнего Востока России // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 6. С. 46–63. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.6.46> EDN: AXZNGA
6. Вакуленко, Е. С., Рыжкина, А. Е. APC-моделирование связи коэффициентов рождаемости по очередности рождения с экономическими шоками в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3 (64). С. 84–102. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_84-102 EDN: RAIUOI
7. Грицко, М. А. Социально-демографические параметры Дальнего Востока России в условиях реализации документов стратегического развития // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 2 (95). С. 36–46. DOI 10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46 EDN: VELQQU
8. Грицко, М. А. Демографическая динамика в дальневосточных субъектах РФ в 2013–2022 гг. // Регионалистика. 2023. Т. 10. № 4. С. 7–28. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2023.4.7> EDN: FDILUO
9. Грицко, М. А. Демографическая динамика Дальнего Востока и ее компоненты: итоги 2014–2023 гг. // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 2 (107). С. 36–42 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-36-42> EDN: QYIAYE
10. Прокапало, О. М., Бардаль, А. Б., Исаев, А. Г., Мазитова, М. Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2024 г. // Пространственная экономика. 2025. Т. 21. № 2. С. 138–183. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2025.2.138-183>
11. Развитие больших социально-экономических систем: Дальневосточный макрорегион / отв. ред. П. А. Минакир, А. Г. Исаев; Институт экономических исследований ДВО РАН. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2023. 352 с.

References:

1. Ageev, A. I., Zolotareva, O. A. (2023) Demographic Policy in Russia: Performance Evaluation *Voprosy Statistiki* [Questions of statistics], no. 30 (2), pp. 53–71. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-2-53-71> EDN: HUAWAW (in Russ.).
2. Antonov, A. I., Karpova, V. M. (2025) Comparative analysis of demographic forecasts: assessment of long-term trends for the world and Russia *Problemy prognoziro-*

vaniya [Studies on Russian Economic Development], vol. 36, no. 1, pp. 180–191. DOI: 10.47711/0868-6351-209-180-191 EDN: TLRBPN (in Russ.).

3. Arkhangel'skiy, V. N., Zolotareva, O. A., Kuchmaeva, O. V. (2024). Two approaches to assessing the effectiveness of demographic policy (using the example of federal maternity capital) *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye izmeneniya: fakty, tendentsii, prognozy* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], no. 17 (6), pp. 77–97. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.4 EDN: MTOVAP (in Russ.).

4. Bezverbny, V. A., Miryazov, T. R. (2022) Depopulation of geostrategic territories of the Russian Federation in the mirror of spatial demography. *Political science (RU)*, no. 4, pp. 185–206. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.09> EDN: DSMFBV (in Russ.).

5. Belousova, A. V., Gritsko, M. A. (2024) Assessment of the Economy's Prospective Labor Resources Needs: Scenario Experiments for the Russian Far East *Regionalistika* [Regionalistics], vol. 11, no. 6, pp. 46–63. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.6.46> EDN: AXZNGA (in Russ.).

6. Vakulenko, E. S., Ivashina, N. V. & Svistylnik, Y. O. (2023). Regional Maternity Capital Programmes: Impact on Fertility in Russia *Ekonomika regiona* [Economy of regions], 19(4), pp. 1077–1092. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-10> EDN: RAIUOI (in Russ.).

7. Gritsko, M. A. (2021) Socio-demographic parameters of the Far East of Russia in the conditions of the implementation of documents of strategic development *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (95), pp. 36–46. DOI 10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46 EDN: VELQQU (in Russ.).

8. Gritsko, M. A. (2023) Demographic Dynamics in the Far Eastern Subjects of the Russian Federation in 2013–2022 *Regionalistika* [Regionalistics], vol. 10, no. 4, pp. 7–28. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2023.4.7> EDN: FDILUO (in Russ.).

9. Gritsko, M. A. (2024) Demographic dynamics of the Far East and its components: results of 2014–2023 *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (107), pp. 36–42 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-36-42> EDN: QYIAYE (in Russ.).

10. Prokapalo, O. M., Bardal, A. B., Isaev, A. G., Mazitova, M. G. (2025) Economic Situation in the Far Eastern Federal District in 2024 *Prostranstvennaya Ekonomika* = Spatial Economics, vol. 21, no. 2, pp. 114–137. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2025.2.138-183> (in Russ.)

11. Development of Large Socio-Economic Systems: Far Eastern Macroregion / Ed. P. A. Minakir, A. G. Isaev; Economic Research Institute FEB RAS. – Khabarovsk : ERI FEB RAS, 2023. 352 p. (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.05.2025; одобрена после рецензирования 10.06.2025; принята к публикации 16.06.2025.

The article was submitted 12.05.2025; approved after reviewing 10.06.2025; accepted for publication 16.06.2025.

Информация об авторе

М. А. Грицко – кандидат экономических наук, ученый секретарь, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

M. A. Gritsko – Candidate of Economic Sciences, scientific Secretary, the Economic Research Institute, FEB RAS.

Научная статья
УДК 314(571.56)
<https://elibrary.ru/BNYXKA>

Демографическая ситуация в Республике Саха (Якутия): региональные особенности

Галина Николаевна Строева

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия
gstro@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2605-9399>

Аннотация. Стабилизация демографической ситуации и увеличение численности населения во всех субъектах Российской Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ, является одним из основных условий обеспечения национальной безопасности страны, сохранения ее территориальной целостности, а также успешного социально-экономического развития Дальнего Востока. Объектом исследования является Республика Саха (Якутия) – единственный дальневосточный регион, в котором численность постоянного населения начиная с 2014 г. растет. Рост численности населения Республики обеспечивается в основном благодаря естественному приросту. Цель исследования – выявить особенности демографической ситуации и проблемы, сдерживающие демографическое развитие в Республике Саха (Якутия). Исследование проблем, сдерживающих демографическое развитие региона, необходимо для корректировки мер реализации региональной демографической политики. Исследование выполнено по официальным статистическим данным с применением методов системного и сравнительного анализа, табличной и графической интерпретации данных, регрессионного анализа. Представлены результаты анализа динамики и структуры численности населения Республики Саха (Якутия). Исследование позволило установить, что значения многих демографических показателей в Республике Саха (Якутия) лучше, чем по Дальнему Востоку и России, однако в демографическом развитии региона есть ряд проблем: высокое число рожденных вне брака детей и аборт, высокий уровень нерегистрируемых браков и смертности населения от внешних причин, миграционный отток населения и др. Достичь целевых значений индикаторов, поставленных органами власти в демографической сфере, пока не получилось.

Ключевые слова: рождаемость, смертность, естественное движение населения, коэффициент суммарной рождаемости, миграция населения, демография

Для цитирования: Строева, Г. Н. Демографическая ситуация в Республике Саха (Якутия): региональные особенности // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 2 (111). С. 26–40. EDN: BNYXKA

Original article

Demographic situation in the Republic of Sakha (Yakutia): regional features

Galina N. Stroeва

The Pacific State University, Khabarovsk, Russia
gstro@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2605-9399>

Abstract. *Stabilization of the demographic situation and increase in the population in all subjects of the Russian Federation including the Far Eastern Federal District is one of the main conditions for ensuring the national security, preserving territorial integrity, as well as the successful socio-economic development of the Russian Far East. The subject of the study is the Republic of Sakha (Yakutia) – the only one Far Eastern region of Russia with increasing of permanent population since 2014. The growth of the republic's population is achieved through natural increase mainly. The purpose of the study is to identify the features of the demographic situation and problems that prevent demographic development in the Republic of Sakha (Yakutia). The research is necessary to adjust measures for implementing regional demographic policy. The study has been conducted based on official statistical data using methods of system and comparative analysis, tabular and graphical interpretation of data, and regression analysis. The analysis results of the population of the Republic of Sakha (Yakutia) dynamics and structure are presented. The study allowed us to state that the values of many demographic indicators in the Republic of Sakha (Yakutia) are better than in the Russian Far East and Russia, however, there is a number of problems of the demographic development of the Region: a high number of abortions and children born out of wedlock, a high level of unregistered marriages and mortality from external causes, migration outflow of the population, etc. It has not been possible to achieve the target values of the indicators set by authorities yet.*

Keywords: *birth rate, death rate, natural population movement, total fertility rate, population migration, demography*

For citation: Stroeve, G N. (2025) Demographic situation in the Republic of Sakha (Yakutia): regional features *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (111), pp. 26–40. EDN: BNYXKA

Введение

Население Дальнего Востока – самого крупного по площади территории и имеющего самую низкую плотность населения региона России – на протяжении двух столетий формировалось за счет переселенцев из западных регионов страны. Благодаря реализации переселенческой политики царского правительства в конце XIX – начале XX вв. численность населения Дальнего Востока выросла до 2,2 млн человек к 1914 г. Затем за счет планового переселения населения, организованного Советским правительством, к 1991 г. она достигла максимального значения и составила 8,06 млн человек. С 1991 г. идет процесс деформации демографической структуры населения Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО), ставший следствием интенсивного миграционного оттока его жителей в другие

регионы страны и за ее пределы [Авдеев, Ушакова, 2023]. К 2017 г. численность населения ДФО сократилась до 6,2 млн человек. Включение в состав ДФО в 2018 г. Республики Бурятия и Забайкальского края увеличило численность населения округа до 8,2 млн человек. Дальний Восток стал единственным регионом страны, для которого разработана и утверждена в 2017 г. Концепция демографической политики, стратегической целью которой обозначена стабилизация численности населения региона на уровне 8,3 млн человек к 2020 г. и ее увеличение к 2025 г. до 8,6 млн человек.¹ Однако остановить процесс сокращения численности населения пока не удалось, на начало 2025 г. численность постоянного населения ДФО составила 7,86 млн человек².

Республика Саха (Якутия) (далее – РС(Я), Республика) – единственный ре-

¹ Об утверждении концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 г. № 1298-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/436744671> (дата обращения: 26.04.2025).

² Данные Росстата. URL: <https://showdata.rosstat.gov.ru/report/278928/> (дата обращения: 26.04.2025).

гион в составе ДФО, численность населения которого, начиная с 2014 г. ежегодно росла (за исключением 2022 г.) и к началу 2025 г. составила 1 006,6 тыс. человек. Главным фактором увеличения численности населения региона стал естественный прирост. В 2023 г. Республика заняла 7-е место среди 15 регионов страны, имевших естественный прирост населения. По показателям рождаемости РС(Я) на протяжении многих лет занимает лидирующие позиции в округе. Благодаря реализации мер демографической политики, демографическая ситуация в регионе постепенно улучшается, но достичь целевых значений показателей демографического развития, обозначенных в различных документах стратегического планирования и Указах Президента РФ, Республика пока не смогла. Демографическое развитие является важным условием формирования трудовых ресурсов любого региона. Для своевременного принятия мер по улучшению демографической ситуации важно проводить регулярный анализ динамики демографических показателей с целью выявления основных тенденций и проблемных мест.

Обзор литературы

Непрекращающийся процесс сокращения численности населения России и большей части ее регионов, начавшийся еще в 90-х годах прошлого века, ведет к ухудшению демографической ситуации на большей части ее территории. Одна из основных причин сокращения численности населения – низкий уровень рождаемости и устойчивая тенденция его снижения, несмотря на различные меры поддержки, оказываемые государством семьям, имеющим детей. Сложившаяся ситуация побуждает российских исследователей к изучению факторов, влияющих на рождаемость, и поиску действенных мер, способствующих улучшению демографической ситуации в целом.

Уровень рождаемости в стране определяется уровнем рождаемости в ее регионах, поэтому в научных публикациях достаточно часто отражаются результаты исследований региональных особенностей влияния различных факторов на рождаемость и репродуктивное поведение. Л. А.

Попова определила многодетность как этническую особенность репродуктивного поведения коренного населения Республики Коми. Автор также отметила, что учет данной особенности при разработке мер финансовой поддержки семей при рождении третьего и последующих детей (реализация программы регионального материнского капитала и введение ежемесячного пособия на третьего и последующих детей малообеспеченным семьям) способствовали повышению рождаемости и увеличению числа многодетных семей. Еще одной этнической особенностью репродуктивного поведения коренного населения Республики Коми является высокий уровень внебрачной рождаемости, обусловленной исторически сложившейся экономической самостоятельностью коми женщины. По мнению Л. А. Поповой, снижению доли внебрачных рождений и улучшению качественной структуры рождаемости способствует реализация крупномасштабных мер просемейной демографической политики [Попова, 2024].

Применение комплексного подхода, основанного на оценке влияния объективных (полученных на основе корреляционно-регрессионного анализа взаимосвязей между различными социально-экономическими показателями и результативными показателями) и субъективных (выявленных по результатам социологических опросов) факторов на репродуктивное поведение и рождаемость в России, позволило авторам данного метода получить интересные результаты. Оценивая влияние различных факторов на величину двух показателей: суммарного коэффициента рождаемости по очередности рождений и числа детей, рожденных у 40–44-летних женщин (это возраст близкий к окончанию детородного периода женщин, поэтому число детей у женщин этой группы можно использовать в качестве итогового показателя), авторы установили наличие различий в факторах, влияющих на суммарный коэффициент рождаемости по очередности рождения детей. Решение о рождении первого и второго ребенка определяется в основном общей экономической ситуацией в стране, благосостоянием семьи и доступностью социальной инфраструктуры, а рождение

третьего и последующих детей зависит от обеспеченности жильем и возможностей трудоустройства. Анализ субъективных факторов показал, что число детей в семьях зависит в первую очередь от желания родителей иметь детей [Козлова, Макарова, Архангельский, 2024].

Комплексным индикатором благополучия демографической ситуации в регионе, состояния здоровья его населения и уровня социально-экономического развития является ожидаемая продолжительность жизни при рождении (далее – ОПЖ). Ожидаемая продолжительность жизни используется в качестве целевого индикатора во многих документах стратегического планирования, национальных проектах («Демография» до 2024 г. и «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи» с 2025 г.) и Госпрограмме «Развитие здравоохранения». Поэтому изучение факторов, оказывающих влияние на ожидаемую продолжительность жизни, занимает важное место в исследованиях российских и зарубежных ученых. Результаты анализа факторов ожидаемой продолжительности жизни в России и ее регионах также представлены в работах российских исследователей [Теплых, 2013; Шибалков, Недоспасова, 2020].

Для выявления влияния факторов на динамику численности населения и ожидаемую продолжительность жизни авторами используются различные методы. Достаточно популярной является методика корреляционно-регрессионного анализа [Климова, Кузьмина, Малогулова, 2019; Винничек, Волкова, Суханова, Ментюкова, 2024]. В процессе такого анализа Л. Ю. Архангельская и И. Н. Жалнина установили, что в Воронежской области между среднедушевыми доходами населения и уровнем рождаемости существует сильная обратная зависимость, что характерно для регионов с высоким уровнем благосостояния [Архангельская, Жалнина, 2023].

Т. В. Коссова на основе эконометрического анализа установила, что в совре-

менных условиях ОПЖ как мужчин, так и женщин России в наибольшей степени зависит от величины среднедушевых доходов и обеспеченности населения жильем (общей площади жилых помещений, кв. м на человека), значимое положительное влияние оказывают расходы на здравоохранение, обеспеченность врачами и потребление мясных продуктов. Негативное влияние на ОПЖ оказывают уровень преступности и употребление алкоголя [Коссова, 2020].

Ряд работ российских авторов посвящен исследованию демографической ситуации в Республике Саха (Якутия). В составе основных причин сокращения численности постоянного населения РС(Я) в период с 1991 г. до 2014 г. Г. В. Толстых выделил миграционный отток населения, сокращение численности женщин репродуктивного возраста, а также высокую смертность населения от внешних причин [Толстых, 2017]. А. А. Пахомов и Т. С. Мостахова отмечают, что основным фактором формирования постоянного населения РС(Я), начиная с 90-х годов прошлого века, стал естественный прирост. На основе структурного анализа авторы выявили причины, повлиявшие на динамику общего коэффициента рождаемости в 1980–2011 гг., и сделали вывод, что помимо численности и структуры женщин детородного возраста, на его величине сказываются ценностные ориентации женщин, их стремление обдуманно подходить к заключению брака и рождению детей [Пахомов, Мостахова, 2013].

Информационная база и методы оценки

В составе пространственных приоритетов Стратегии пространственного развития России выделены территории Арктической зоны РФ и геостратегические территории – территории, играющие важную роль в обеспечении территориальной целостности и национальной безопасности страны, развитие которых требует дополнительных ресурсов из-за специфических условий жизни и ведения хозяйственной деятельности³. Среди основных проблем пространственного развития России обо-

³ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1310767692> (дата обращения: 26.04.2025).

значено ухудшение демографической ситуации в большинстве субъектов РФ, обусловленное естественной убылью и миграционным оттоком населения. Поэтому одной из целей национального развития Указом Президента РФ определено сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи⁴.

В Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. (далее Стратегия СЭР ДВ и БР) сформулирована стратегическая цель их развития – закрепление населения на данных территориях за счет формирования развитой экономики и комфортной среды обитания человека, а также достижения среднероссийского уровня социально-экономического развития⁵.

Республика Саха (Якутия) также, как и все остальные субъекты РФ, входящие в ДФО, включена в перечень геостратегических территорий страны, а 13 муниципальных образований данного региона признаны сухопутными территориями Арктической зоны РФ.⁶ Поэтому на часть ее территорий также распространяются положения Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года⁷.

Исследование состояния и динамики демографической ситуации в РС(Я) выполнено по официальным данным Федеральной службы государственной статисти-

стики РФ с применением различных методов экономико-статистического анализа.

В исследовании также проведена оценка достижения целевых показателей, характеризующих достижение целей в области улучшения демографической ситуации, утвержденных в документах стратегического планирования РФ и Республики Саха (Якутия). Данные таблицы 1 позволяют увидеть различия как в составе показателей, применяемых для характеристики изменений демографической ситуации, так и их целевых значений. В большинстве документов используются два целевых показателя – ожидаемая продолжительность жизни при рождении и суммарный коэффициент рождаемости. В 2024 г. завершилась реализация Нацпроекта «Демография», целевыми показателями которого также были ОПЖ (78 лет) и суммарный коэффициент рождаемости (1,7 рождений на одну женщину)⁸. Одной из основных задач, поставленных в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, является повышение рождаемости (увеличение суммарного коэффициента рождаемости в 1,5 раза), благодаря рождению в семьях второго ребенка и последующих детей⁹.

С 2020 г. в РС(Я) реализуется Госпрограмма «Развитие здравоохранения Республики Саха (Якутия) на 2020–2024 годы» (далее – ГП «Здравоохранение»), в составе шести целевых индикаторов которой обозначены: ОПЖ (в 2024 г. –

⁴ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1305894187> (дата обращения: 26.04.2025).

⁵ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 года № 2094-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902195483> (дата обращения: 26.04.2025).

⁶ О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации. Федеральный закон от 13.07.2020 г. № 193-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565285996> (дата обращения: 26.04.2025).

⁷ О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 года № 645. URL: <https://docs.cntd.ru/document/566091182> (дата обращения: 26.04.2025).

⁸ Паспорт национального проекта «Демография» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). URL: <http://government.ru/info/35559/> (дата обращения: 26.04.2025).

⁹ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 года № 1351. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902064587> (дата обращения: 26.04.2025).

Таблица 1

**Целевые показатели демографического развития
РФ и Республики Саха (Якутия)**

Показатель	Стратегия СЭР ДВ и БР до 2025 г. (для РС(Я))⁵	Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204¹⁰	Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 (до 2030 и 2036 гг.)⁴	Стратегия СЭР РС(Я) до 2032 г.¹¹
Коэффициент естественного прироста населения (на 1000 человек)	7,2	-	-	6,4
Суммарный коэффициент рождаемости (Крожд.) (число детей, рожденных одной женщиной в репродуктивном возрасте)	2	1,7	1,6 к 2030 г. и 1,8 к 2036 г. ежегодный рост Крожд. третьих и последующих детей	2,3
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	74	78	78 (2030 г.) и 81 (2036 г.)	80
Ожидаемая продолжительность здоровой жизни, лет	-	67	опережающий рост ожидаемой продолжительности здоровой жизни	64,4 к 2024 г.
Увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, %	-	до 55	-	До 67
Темп роста суммарного коэффициента рождаемости	-	-	не ниже среднероссийских темпов роста к 2030 г. в субъектах РФ, где за 2023 г. значение Крожд. было ниже среднероссийского	-
Дифференциация показателей ожидаемой продолжительности жизни	-	-	сократить к 2036 г. не менее, чем на 25% по сравнению с уровнем 2023 г.	-
Стандартизированный коэффициент смертности (случаев на 1 000 человек)	-	-	-	7,0
Младенческая смертность (случаев на 1 000 родившихся живыми)	-	-	-	3,7

Источник: составлено автором.

¹⁰ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 26.04.2025).

¹¹ О Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 года. Закон Республики Саха (Якутия) от 19 декабря 2018 года 2077-3 № 45-VI. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550299670> (дата обращения: 26.04.2025).

73,27 лет), общая смертность населения от всех причин (в 2024 г. – 8,4‰) и младенческая смертность (на 1000 родившихся живыми) (в 2024 г. – 4,5)¹². Постановлением Правительства Республики Саха (Якутия) от 18 июля 2022 года № 440 утверждена новая Госпрограмма «Развитие здравоохранения Республики Саха (Якутия)», основными целями которой до 2028 г. являются: повышение ОПЖ до 78,43 лет, снижение смертности населения от всех причин до 7,1‰ и повышение удовлетворенности населения медицинской помощью до 75%¹³. Для сравнения, целевые индикаторы Госпрограммы РФ «Развитие здравоохранения»: ОПЖ – 78 лет к 2030 г. и 81 год к 2036 г., смертность населения от всех причин – 11,5‰ к 2030 г., удовлетворенность населения медицинской помощью – 55% к 2030 г.¹⁴

Результаты исследования

Республика Саха (Якутия) является самой крупной по площади территории административно-территориальной единицей не только в России, но и в мире (ее территория составляет 3 083 523 м² или 17% всей территории страны и около 2,1% общей сухопутной территории мира). Численность населения Республики на начало 2024 г. составила 1 001,7 тыс. чел. (это 0,7% от численности населения страны и 12,7% – населения ДФО), а плотность населения – 0,32 чел. на 1 м². По численности населения РС(Я) занимает 3-е место в ДФО.

Основной причиной непрекращающегося с 90-х годов XX века сокращения численности населения в большинстве субъектов РФ, входящих в ДФО, является миграционный отток. С 2019 г. положение усугубляется еще и естественной убы-

лью населения. За 32 года, прошедшие с 1991 г., численность населения РС(Я) сократилась с 1 119 до 1 001,7 тыс. чел., минимальное значение этого показателя составило 949 тыс. чел. в 2003 г. и 2004 г. Затем ситуация постепенно начала улучшаться. Республика Саха (Якутия) – единственный регион округа, где численность населения ежегодно росла с 2014 г. до 2022 г. и в 2023 г. в основном благодаря его естественному приросту (рис.1).

Выявить тенденции в динамике численности населения позволяют трендовые модели, полученные с помощью программы MS Excel (табл. 2). Наибольшее значение коэффициента детерминации ($R^2 = 0,9379$) соответствует уравнению линейной регрессии $y = 4,8618t + 947,54$, а для нелинейной регрессии – полиномиальной регрессии ($R^2 = 0,9742$) $y = 0,3777t^2 + 0,7077t + 955,85$. Расхождение между значениями коэффициентов детерминации линейной и полиномиальной регрессии менее 0,1, поэтому можно считать, что уравнение линейной регрессии достаточно точно характеризует тенденцию в изменении численности населения в РС(Я), и нет смысла усложнять модель¹⁵. Значение критерия Фишера для линейного уравнения тренда ($F_{\text{факт.}} = 120,82$) > ($F_{\text{табл.}} = 5,32$) подтверждает его значимость на 5 %-ом уровне.

Сокращение численности постоянного населения на 268 человек за 2022 г., несмотря на увеличение его естественного пророста более, чем в 2 раза относительно уровня 2021 г., произошло по причине миграционного оттока. Увеличение численности населения в Республике за счет положительного влияния двух факторов было достигнуто в 2020 г. и 2021 г., когда

¹² О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Развитие здравоохранения Республики Саха (Якутия) на 2020–2024 годы». Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 15 сентября 2021 г. № 356. URL: <https://docs.cntd.ru/document/577914638?marker> (дата обращения: 26.04.2025).

¹³ О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Развитие здравоохранения Республики Саха (Якутия)». Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 18 июля 2022 г. № 440. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406194418> (дата обращения: 26.04.2025).

¹⁴ Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения». Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 1640 (с изменениями на 27 декабря 2024 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/556183184?marker=6580IP> (дата обращения: 26.04.2025).

¹⁵ Эконометрика : учебник / И. И. Елисеева, С. В. Курышева, Т. В. Костеева и др.; под ред. И.И. Елисеевой. М.: Финансы и статистика. 2005. 276 с.

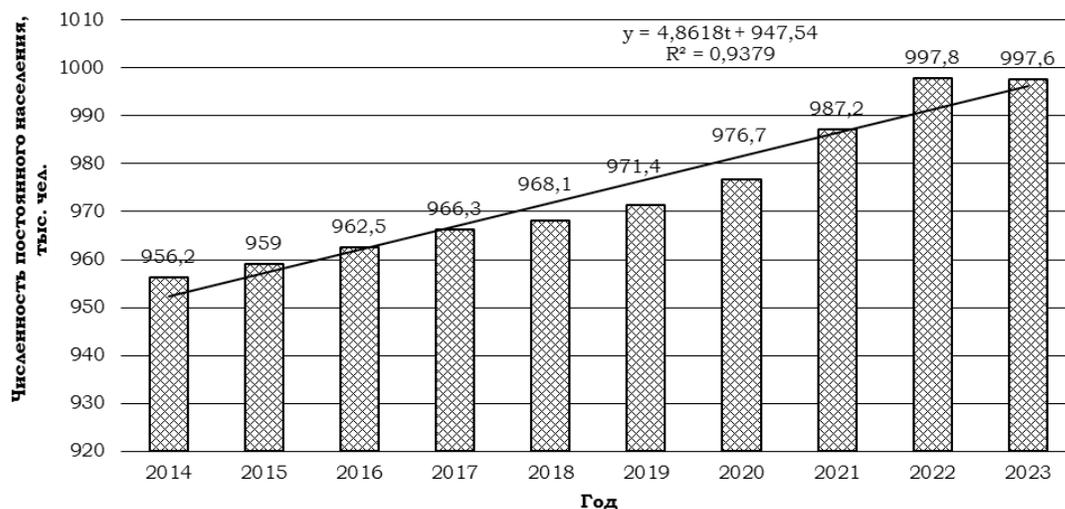

Рис. 1. Динамика численности постоянного населения Республики Саха (Якутия) в 2014–2023 гг. (на начало года)¹⁶

Таблица 2

**Модели динамики численности постоянного населения
Республики Саха (Якутия) в 2014–2023 гг.**

Формат линии тренда	Уравнение тренда	Коэффициент детерминации R ²
Линейная	$y = 4,8618t + 947,54$	R ² = 0,9379
Логарифмическая	$y = 18,042\ln(t) + 947,03$	R ² = 0,7571
Полином 2-го порядка	$y = 0,3777t^2 + 0,7077t + 955,85$	R ² = 0,9742
Степенная	$y = 947,33t^{0,0185}$	R ² = 0,7616
Экспоненциальная	$y = 947,87e^{0,005t}$	R ² = 0,9404

Источник: составлено автором.

миграционный прирост населения значительно перекрыл естественный прирост (в 1,5 и 5,2 раза соответственно), а также в 2023 г., когда доля миграционного прироста в общем приросте населения составила 18% (табл. 3).

Важными показателями естественного движения населения являются общий и суммарный коэффициенты рождаемости. Величина данных показателей в РС(Я) стабильно превышает средние значения по ДФО и России (табл. 4). Динамика общего коэффициента рождаемости в течение 2014–2023 гг. характеризуется ежегодным сокращением. Идет постепенное сближение значений коэффициентов рождаемости в Республике, стране и ДФО, если в 2014 г. общий коэффициент рождаемости в РС(Я) был выше аналогичного показателя по стране в 1,33 раза и 1,27

раза по округу, то в 2023 г. разница сократилась до 1,3 и 1,15 соответственно. За 10 лет значение общего коэффициента рождаемости сократилось в РС(Я) на 37,1%, РФ – 35,3% и ДФО – 30,7%.

Более точным показателем естественного движения населения является суммарный коэффициент рождаемости, показывающий число детей, которых в среднем родила бы одна женщина в течение всего фертильного периода (в возрасте от 15 до 49 лет) при условии сохранения в каждом возрасте уровня рождаемости того года, для которого рассчитывается показатель. Достоинством данного показателя является то, что его значение, в отличие от общего коэффициента рождаемости, не зависит от половозрастного состава населения.

Для стабилизации численности населе-

¹⁶ Построено по: Демографический ежегодник России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 26.04.2025).

Таблица 3

**Показатели движения численности населения регионов ДФО
в 1991–2023 гг., человек**

Субъект РФ	Показатель*	1991– 2010	2011– 2018	2019	2020	2021	2022	2023
ДФО	ΔЧН	-2070929	-174002	-19420	-42790	-32809	-62711	-37520
	Епр	-226301	89428	-8881	-22864	-40254	-25198	-23342
	Мпр	-1844628	-263430	-10539	-19926	7445	-37513	-14178
Республика Бурятия	ΔЧН	-80500	11735	2664	-454	-2802	-3323	-2706
	Епр	11043	38690	1627	896	-1498	-1036	-1264
	Мпр	-91543	-26955	1037	-1350	-1304	-2287	-1442
Республика Саха (Якутия)	ΔЧН	-160725	8751	4987	10081	10144	-268	4099
	Епр	112863	59886	5216	4016	1637	3511	3346
	Мпр	-273588	-51135	-229	6065	8507	-3779	753
Забайкальский край	ΔЧН	-211793	-40370	-6085	-6090	-10018	-8091	-8034
	Епр	-11767	20868	-596	-2000	-4528	-2619	-3132
	Мпр	-200026	-61238	-5489	-4090	-5490	-5472	-4902
Камчатский край	ΔЧН	-156882	-6936	-1707	-850	1037	-3844	217
	Епр	-2678	2704	-139	-733	-1392	-881	-470
	Мпр	-154204	-9640	-1568	-117	2429	-2963	687
Приморский край	ΔЧН	-356156	-50827	-6850	-17313	-14833	-21885	-13683
	Епр	-148574	-23474	-7529	-11098	-14523	-11373	-9825
	Мпр	-207582	-27353	679	-6215	-310	-10512	-3858
Хабаровский край	ΔЧН	-281817	-21414	-5830	-13992	-2149	-8674	-5958
	Епр	-97155	-2081	-3119	-6638	-8650	-5685	-5449
	Мпр	-184662	-19333	-2711	-7354	6501	-2989	-509
Амурская область	ΔЧН	-225607	-35466	-3150	-8054	-9321	-7372	-6115
	Епр	-41770	-5488	-3162	-4910	-6977	-4308	-3690
	Мпр	-183837	-29978	12	-3144	-2344	-3064	-2425
Магаданская область	ΔЧН	-227991	-15300	-1085	-1058	-1267	-1592	-928
	Епр	-3687	-408	-344	-439	-877	-547	-516
	Мпр	-224304	-14892	-741	-619	-390	-1045	-412
Сахалинская область	ΔЧН	-218594	-7101	-1381	-2551	-1444	-5474	-2945
	Епр	-40189	-573	-324	-1104	-2149	-1443	-1624
	Мпр	-178405	-6528	-1057	-1447	705	-4031	-1321
Еврейская автономная область	ΔЧН	-43154	-16391	-1608	-1773	-2669	-2122	-1656
	Епр	-9147	-1870	-582	-878	-1259	-835	-757
	Мпр	-34007	-14521	-1026	-895	-1410	-1287	-899
Чукотский автономный округ	ΔЧН	-107710	-683	625	-736	513	-66	189
	Епр	4760	1174	71	24	-38	18	39
	Мпр	-112470	-1857	554	-760	551	-84	150

*ΔЧН, Епр и Мпр – общий, естественный и миграционный прирост населения.

Источник: составлено автором по данным Росстата¹⁷

ния важно обеспечить уровень рождаемости, необходимый для простого самовоспроизводства населения, то есть для его естественного воспроизводства (значение коэффициента суммарной рождаемости должно быть больше 2), что имело место в РС(Я) в 2014–2016 гг. Максимальное значение данного коэффициента составило 2,247 детей на 1 женщину в 2014 г., а начиная с 2015 г. идет его постепенное снижение. Темп сокращения данного коэффициента в Республике (-30,1%) также выше, чем по ДФО (-20,7%) и России (-18,9%). В 2023 г. значение суммарного

коэффициента рождаемости опустилось до очень низкого уровня.

Одним из факторов рождаемости является половозрастная структура населения. В гендерной структуре населения РС(Я) преобладают женщины (их доля сократилась 51,9% в 2019 г. до 51,7% в 2023 г.). В возрастной структуре жителей региона отмечается увеличение доли лиц трудоспособного возраста (за пять лет с 58,9% до 60,7%), доля лиц младше и старше трудоспособного возраста сократилась на 1,1 п.п. и 0,8 п.п. и составила в 2023 г. 23,5% и 15,7% соответственно.

¹⁷ Численность и миграция населения Российской Федерации. Статистический бюллетень. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283> (дата обращения: 26.04.2025).

Таблица 4

**Отдельные показатели демографической ситуации
в РФ, ДФО и Республике Саха (Якутия) в 2014–2023 гг.**

Показатель	Регион	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	РФ	70,93	71,39	71,87	72,70	72,91	73,34	71,54	70,06	72,73	73,41
	ДФО	68,21	68,68	69,22	70,09	70,20	70,22	69,15	68,06	69,54	69,81
	РС(Я)	69,81	70,29	70,84	71,68	72,72	73,00	71,10	69,98	72,67	73,55
Суммарный коэффициент рождаемости (число детей на 1 женщину)	РФ	1,739	1,762	1,744	1,601	1,556	1,477	1,474	1,470	1,416	1,41
	ДФО	1,930	1,944	1,899	1,765	1,718	1,647	1,671	1,629	1,565	1,53
	РС(Я)	2,216	2,152	2,046	1,880	1,801	1,762	1,794	1,659	1,618	1,548
Общий коэффициент рождаемости (число родившихся на 1 000 чел. населения)	РФ	13,3	13,3	12,9	11,5	10,9	10,1	9,7	9,5	8,9	8,6
	ДФО	14,0	13,9	13,3	12,1	11,9	11,1	11,2	10,7	10,1	9,7
	РС(Я)	17,8	17,1	16,0	14,5	13,7	13,2	13,3	12,3	11,8	11,2
Общий коэффициент смертности (число умерших на 1 000 человек населения)	РФ	13,1	13,0	12,9	12,4	12,5	12,3	14,5	16,6	12,9	12,1
	ДФО	12,6	12,6	12,5	12,1	12,0	12,2	14,1	15,8	13,3	12,7
	РС(Я)	8,6	8,5	8,4	8,1	7,8	7,8	9,2	10,6	8,3	7,8
Коэффициенты младенческой смертности (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1 000 родившихся живыми)	РФ	7,4	6,5	6,0	5,6	5,1	4,9	4,5	4,6	4,4	4,2
	ДФО	9,0	7,5	6,5	5,8	5,4	5,7	5,1	5,0	5,2	4,7
	РС(Я)	8,0	7,6	7,2	5,1	5,0	4,4	5,1	3,3	4,0	3,2

Источник: составлено по данным Росстата¹⁸

Такая динамика показателей свидетельствует о сокращении демографической нагрузки на население трудоспособного возраста с 707 до 646‰¹⁹.

Негативным образом на рождаемости сказывается сокращение численности женщин репродуктивного возраста, имевшее место в РС(Я) с 2014 г. по 2019 г. Рост численности женщин данной возрастной группы, начавшийся в 2020 г., можно рассматривать как резерв повышения рождаемости (рис. 2).

В РС(Я) отмечается характерное и для других регионов России повышение возраста рождения первого ребенка. Если в 2014 г. большинство женщин рожали первого ребенка в возрасте 20–24 лет, то в 2022 г. величина коэффициента рождаемости в этой возрастной группе сократилась в 2,8 раза, то есть все чаще молодые женщины откладывают рождение детей на более старший возраст (рис. 3).

Величина общего коэффициента рождаемости определяется влиянием трех факторов: долей женщин репродуктивного возраста в общей численности на-

селения региона, сдвигами в возрастной структуре женщин детородного возраста и возрастными коэффициентами рождаемости. Первые два фактора меняются при изменении возрастной структуры населения, а третий – зависит от репродуктивных установок населения. Женщины, получившие высшее образование, стремятся реализовать себя в профессии и к карьерному росту, поэтому они менее склонны к созданию семьи и рождению детей и чаще откладывают рождение первого ребенка на более поздний возраст [Филимонова и др., 2023]. Именно на репродуктивные установки населения могут повлиять меры демографической политики.

В составе показателей демографической статистики есть показатель, который опосредованно характеризует распространение неофициальных форм брака (сожительство, консенсуальный, гостевой брак и др.): число детей, родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке. По доле таких детей от общего числа родившихся РС(Я)

¹⁸ Данные Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 06.05.2025).

¹⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели. Статистический сборник. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 06.05.2025).

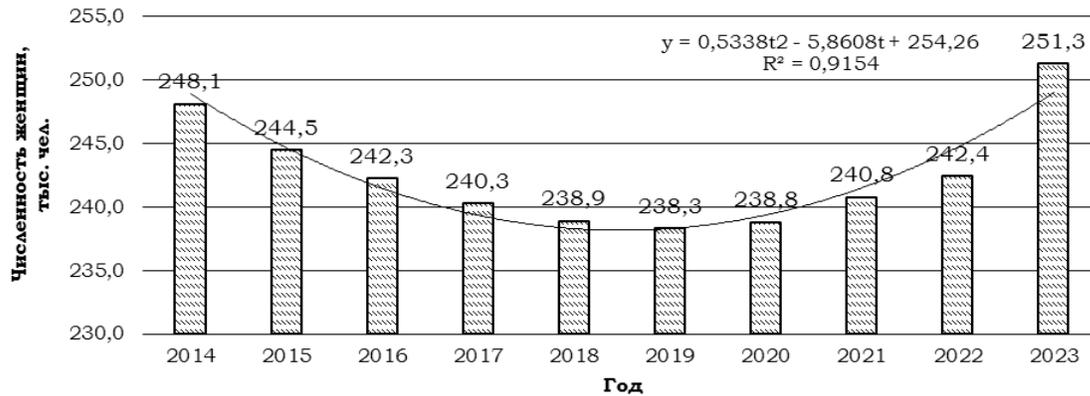

Рис. 2. Динамика численности женщин в возрасте 15–49 лет в Республике Саха (Якутия) в 2014–2023 гг. (на начало года)²⁰

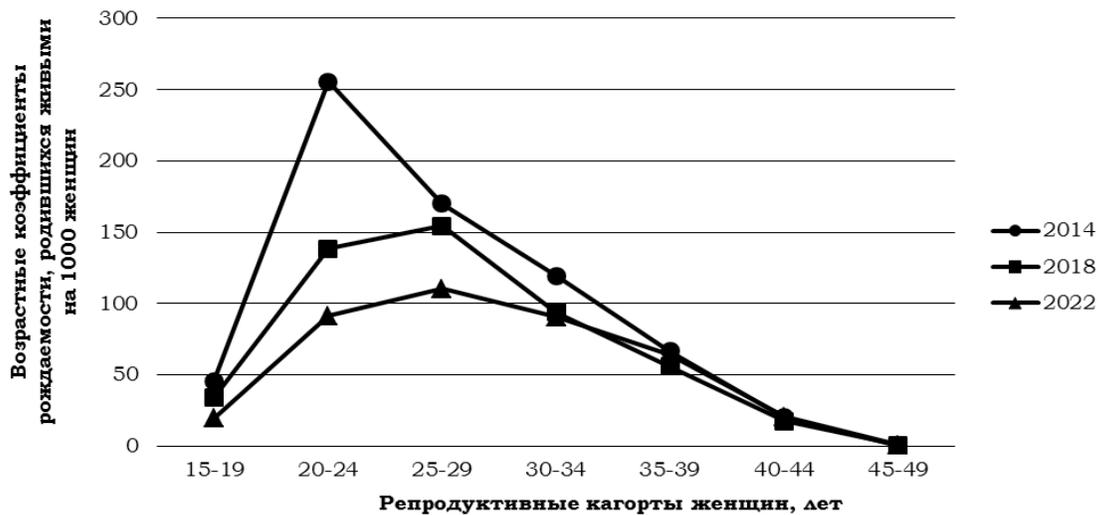

Рис. 3. Возрастные коэффициенты рождаемости в Республике Саха (Якутия) в 2014, 2018 и 2022 гг.²¹

занимала 1-е место в ДФО в 2014 г. (35%), затем с 2015 по 2018 гг. величина показателя сократилась с 34,4% до 32,5%, но в 2019 г. она составила 39,8%. С 2019 г. РС(Я) занимает лидирующие позиции в ДФО по числу рожденных вне брака детей, несмотря на их общее сокращение с 5103 детей в 2019 г. до 3912 детей в 2023 г. (доля 35,1%)²².

Внебрачная рождаемость имеет определенную значимость для динамики рождаемости. Число детей у одиноких

матерей чаще всего ограничивается одним ребенком, поэтому рост внебрачной рождаемости может привести к ограничению рождаемости в целом [Пахомов, Мостахова, 2013].

К числу факторов повышения рождаемости также относится сокращение числа абортов (в РС(Я) за 10 лет на 38% с 11446 в 2014 г. до 7083 в 2023 г.). Это самый низкий темп сокращения числа прерываний беременности в округе (в целом по ДФО сокращение составило

²⁰ Построено по: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13284> (дата обращения: 06.05.2025).

²¹ Построено по: Демографический ежегодник России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 26.04.2025).

²² Естественное движение населения Российской Федерации. Статистический бюллетень. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269> (дата обращения: 26.04.2025).

48,5%). Ежегодное сокращение данного показателя происходило в 2014–2021 гг., но затем начался его рост. По числу аборт-ов РС(Я) в течение 8 лет занимала 3-е место в округе, в 2019 г. – 2-е место, а в 2023 г. – стала лидером²³.

Еще одним фактором естественного прироста населения является его смертность. Величина общего коэффициента смертности в Якутии стабильно значительно ниже средних значений как по ДФО, так и по стране и до 2019 г. ежегодно сокращалась. Причем темп сокращения коэффициента смертности за 10 лет составил 9,3%, что выше среднего по России (7,6%), а в целом по ДФО коэффициент смертности вырос на 0,8%. Основной причиной увеличения смертности населения в 2020–2021 гг. стала коронавирусная инфекция COVID-19. Далее ситуация постепенно выравнивается, и в 2023 г. достигнуто значение общего коэффициента смертности допандемийного периода.

Важным положительным изменением в демографической ситуации РС(Я) является значительное сокращение коэффициента младенческой смертности с 8,0‰ в 2014 г. (пятое место из 11 регионов, входящих в ДФО с 2018 г.) до 3,2‰ в 2023 г. (лучшее значение в округе и новый исторический минимум в регионе). РС(Я) в 2023 г. вошла в десятку регионов России с минимальными значениями коэффициента младенческой смертности. Снижение общей и младенческой смертности стало возможным благодаря повышению качества и доступности медицинских услуг в результате реализации мероприятий ГП «Здравоохранение».

Одним из основных индикаторов демографической ситуации, уровня социально-экономического развития территории, а также состояния здоровья, уровня и качества жизни ее населения является ожидаемая продолжительность жизни при рождении, определяющая число лет, которое может прожить новорожденный при условии неизменности текущего уровня смертности. Величина

данного индикатора в РС(Я) на протяжении практически всего изучаемого периода (исключение 2021 г.) имеет устойчивую тенденцию роста (за 10 лет его общий прирост составил 3,74 года), тем не менее достичь ни одного целевого значения этого показателя, поставленного в различных документах стратегического планирования, нацпроекте и госпрограмме (табл. 1), пока не удалось.

ОПЖ жителей Якутии стабильно выше, чем в среднем по ДФО, и за 10 лет разрыв увеличился (с 1,6 года в 2014 г. до 3,74 лет в 2023 г.), но до 2023 г. она была ниже, чем в среднем по России. РС(Я) на протяжении многих лет имеет самую высокую ОПЖ населения среди регионов ДФО и в 2023 г. заняла 24 место в стране. Повышению ОПЖ в РС(Я) способствует ряд факторов: благодаря мероприятиям ГП «Здравоохранение» улучшается качество медицинского обслуживания, серьезное внимание в регионе уделяется профилактике заболеваний; положительное влияние на состояние здоровья населения и его психологическое благополучие оказывают образ жизни и местные традиции, основанные на гармонии с природой; программы социальной поддержки граждан, направленные на улучшение жилищных условий и повышение уровня жизни.

К числу факторов, влияющих на рождаемость и ОПЖ, относятся среднедушевые денежные доходы (далее – СДД) и обеспеченность населения жильем. По данным Росстата СДД населения РС(Я) выросли в 2,09 раза с 32 994 руб. в месяц в 2014 г. до 79 684 руб. в месяц в 2023 г. Величина данного показателя в Республике все время превышает средний размер СДД по ДФО и РФ. По размеру СДД РС(Я) стабильно занимает 5-е место в округе и 11-е место среди всех субъектов РФ. Обеспеченность населения РС(Я) жильем хуже, чем в среднем по ДФО и РФ. В 2023 г. на одного жителя РС(Я) приходилось 24,1, ДФО – 25,9, а РФ – 28,8 кв. м жилых помещений²⁴.

²³ Данные Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 26.04.2025).

²⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 26.04.2025).

Заключение

Проведенное исследование позволило установить, что значения многих показателей демографического развития в Республике Саха (Якутия) лучше, чем в среднем по ДФО и России. Республика смогла обеспечить лучшее по сравнению с целевым значение показателя младенческой смертности 3,2 (целевое значение Стратегии СЭР РС(Я) – 3,7). Однако достичь целевых значений суммарного коэффициента рождаемости и ОПЖ населения, обозначенных в разных документах стратегического планирования и Указах Президента РФ, пока не получилось. Следует отметить, что ОПЖ населения имеет тенденцию к росту, а суммарный коэффициент рождаемости – к снижению.

Снижение рождаемости ведет к старению населения и сокращению численности трудоспособного населения, что повышает нагрузку на систему социального обеспечения и препятствует достижению задач социально-экономического

развития региона. С целью повышения мотивации губернаторов к достижению национальных целей по устранению проблем в демографической сфере регионов страны Указом Президента РФ от 28 ноября 2024 года, начиная с 2026 г. суммарный коэффициент рождаемости введён в состав критериев оценки эффективности деятельности глав регионов²⁵.

Улучшению демографической ситуации в РС(Я) способствовал комплекс мер, реализованных в рамках Нацпроекта «Демография». Однако в регионе есть проблемы в демографической сфере, требующие принятия дополнительных мер для их решения. К числу таких проблем относятся: высокое число случаев прерывания беременности и детей, рожденных вне брака, высокий уровень нерегистрируемых браков и смертности населения от внешних причин, повышение возраста рождения первого ребенка в результате изменения репродуктивных установок населения, миграционный отток населения и др.

Список литературы:

1. Авдеев, А. Ю., Ушакова, В. А. Демографические вызовы, или почему демографическая политика Дальнего Востока не ведёт к желаемому результату // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 1. С. 9–24. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24 EDN: EBFBEQ
2. Архангельская, Л. Ю., Жалнина, И. Н. Комплексный структурно-динамический анализ движения численности населения Воронежской области за 2017–2021 годы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. №13(5). С. 104–113. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-104-113 EDN: WGRWWO
3. Винничек, Л. Б., Волкова, Г. А., Суханова, О. Н., Ментюкова, О. В. Модели анализа особенностей демографической ситуации Пензенской области // Московский экономический журнал. 2024. № 11. С. 293–310. DOI: 10.55186/2413046X_2024_9_11_436 EDN: MRFCXL
4. Климова, Т. М., Кузьмина, А. А., Малогулова, И. Ш. Региональные аспекты смертности населения Республики Саха (Якутия) // Экология человека. 2019. № 4. С. 31–38. doi: 10.33396 / 1728-0869-2019-4-31-38 EDN: TQCOLX
5. Козлова, О. А., Макарова, Н. М., Архангельский, В. Н. Методический подход к оценке факторного влияния на рождаемость в России // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 1. С. 76–90. DOI: https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_7_76_90 EDN: HUISTQ
6. Коссова, Т. В. Факторы роста ожидаемой продолжительности жизни в современной России // Вопросы статистики. 2020. №27(5). С.76–86. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-5-76-86> EDN: XINPSD

²⁵ Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации. Указ Президента РФ от 28 ноября 2024 года № 1014. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1310303214> (дата обращения: 26.04.2025).

7. Пахомов, А. А., Мостахова, Т. С. Особенности процессов рождаемости в Республике Саха (Якутия) // Региональная экономика: теория практика. 2013. № 25 (304). С. 37–41 EDN: QCLHGR
8. Попова, Л. А. Уровень и структура рождаемости населения Республики Коми: факторы, тенденции, перспективы // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26. № 6. С. 77–93. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.5 EDN: OKKUYU
9. Теплых, Г. В. Выявление факторов ожидаемой продолжительности жизни в регионах России: анализ панельных данных // Региональная экономика: теория практика. 2013. № 7. С. 53–64 EDN: PUQLAH
10. Толстых, Г. В. Демографическое развитие Республики Саха (Якутия) – проблемы, тенденции, перспективы // Уровень жизни населения регионов России. 2017. №2 (204). С. 29–34 EDN: YQY TZB
11. Филимонова, И. В., Ивершинь, А. В., Комарова, А. В., Кривошеева, О. И. Факторы влияния на решение о рождении ребёнка и количестве детей у женщин в России // Народонаселение. 2023. Том 26. № 1. С. 55–69. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.5>; EDN: NLQTTN
12. Шибалков, И. П., Недоспасова, О. П. Комплексная оценка влияния социально-экономических факторов на ожидаемую продолжительность жизни населения регионов России : монография. Томск : STT, 2020. 332 с. EDN: JSCOWC

References:

1. Avdeev, A. Yu., Ushakova, V. L. (2023) Demographic Challenges or Why the Demographic Policy of the Far East does not Lead to the Desired Result. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], vol. 19, no 1, pp. 9–24. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24 EDN: EBFBEG (in Russ.)
2. Arkhangel'skaya, L. Yu., Zhalnina, I. N. (2023) Comprehensive structural and dynamic analysis of the change in the population of the Voronezh region during 2017–2021 *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta* [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University], no. 13(5). pp. 104–113. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-104-113 EDN: WGRWWO (in Russ.)
3. Vinnichuk, L. B., Volkova, G.A., Suhanova, O.N., Mentukova, O.V. (2024) Models of analysis of the features of the demographic situation of the Penza region *Moskovskiy ekonomicheskii zhurnal* [Moscow economic journal], no. 11, pp. 293–310. DOI: 10.55186/2413046X_2024_9_11_436 EDN: MRFCXL (in Russ.)
4. Klimova, T. M., Kuzmina, A. A., Malogulova, I. Sh. (2019) Regional Aspects of Mortality in the Republic of Sakha (Yakutia) *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology], no. 4, pp. 31–38. DOI: 10.33396 / 1728-0869-2019-4-31-38 EDN: TQCOLX (in Russ.)
5. Kozlova, O. A., Makarova, M. N., Arkhangel'skiy, V. N. (2024) Methodological Approach to Assessing Factor Influence on Fertility in Russia *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], no. 20(1), pp. 76–90. DOI: https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_7_76_90 EDN: HUISTQ (in Russ.)
6. Kossova, T. V. (2020) Growth Factors of Life Expectancy in Modern Russia. *Voprosy Statistiki* [Questions of statistics], no. 27(5), pp. 76–86. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-5-76-86> EDN: XINPSD (in Russ.)
7. Pakhomov, A. A., Mostahova, T. S. (2013) Features of birth rate processes in the Republic of Sakha (Yakutia) *Regional'naya ekonomika: teoriya praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], no. 25 (304), pp. 37–41 EDN: QCLHGR (in Russ.)
8. Popova, L. A. (2020) Birth rate of the Komi Republic Population: Factors, trends, prospects *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], no. 26 (6), pp. 77–93. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.5 EDN: OKKUYU (in Russ.)
9. Teplykh, G. V. (2013) Identification of factors of life expectancy in the regions of Russia: analysis of panel data *Regional'naya ekonomika: teoriya praktika* [Regional

Economics: Theory and Practice], no. 7(286), pp. 53–64 EDN: PUQLAH (in Russ.)

10. Tolstykh, G. V. (2017) Demographic Development of the Republic of Sakha (Yakutiya) – Problems, Trends, Prospects *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living standards of the population in the regions of Russia], no. 2(204), pp. 29–34 EDN: YQYTZB (in Russ.)

11. Filimonova, I. V., Ivershin, A. V., Komarova, A. V., Krivosheeva, O. I. (2023) Factors affecting the decision about having a child and the number of children by women in Russia. *Narodonaselenie* [Population], vol. 26, no. 1, pp. 55–69. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.5> EDN: NLQTTN (in Russ.)

12. Shibalkov, I. P., Nedospasova, O. P. (2020) Comprehensive assessment of the influence of socioeconomic factors on the life expectancy of the population of the regions of Russia : monograph. Tomsk : STT, 332 p. EDN: JSCOWC

Статья поступила в редакцию 12.05.2025; одобрена после рецензирования 10.06.2025; принята к публикации 11.06.2025.

The article was submitted 12.05.2025; approved after reviewing 10.06.2025; accepted for publication 11.06.2025.

Информация об авторе

Г. Н. Строева – кандидат социологических наук, доцент, доцент высшей экономической школы, Тихоокеанский государственный университет.

Information about the author

G. N. Stroeveva – Candidate of Sociology, associate professor, associate professor of the Higher Economic School, the Pacific State University.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья
УДК 338.246(571.6)
<https://elibrary.ru/CUHASI>

Оценка уровня административного давления в регионах Дальнего Востока России: итоги 2024 года

Денис Викторович Андреев

Инвестиционный уполномоченный в Дальневосточном федеральном округе, Хабаровск,
Россия
invest@dfo.gov.ru

Аннотация. В статье проанализирована динамика контрольных и профилактических мероприятий в субъектах Российской Федерации Дальневосточного федерального округа в 2024 г. Выявлена смена тренда в виде роста количества проверочных мероприятий со стороны как федеральных органов контроля, так и региональных надзорных ведомств. На основе авторской методики проведена оценка уровня административного давления на бизнес в разрезе территориальных подразделений органов контроля в Дальневосточном федеральном округе по итогам 2024 г., на основании которой проведено ранжирование 121 территориального подразделения федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих контрольную деятельность в субъектах Российской Федерации Дальневосточного федерального округа.

Ключевые слова: государственное управление, инвестиционный климат, контрольно-надзорная деятельность, методика оценки, административное давление, Дальний Восток

Для цитирования: Андреев, Д. В. Оценка уровня административного давления в регионах Дальнего Востока России: итоги 2024 года // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 2 (111). С. 41–50. EDN: CUHASI

Original article

Assessment of the Administrative Pressure Level in the Far-Eastern Regions by the End of 2024

Denis V. Andreev Investment Commissioner in the Far-Eastern Federal District,
Khabarovsk, Russia
invest@dfo.gov.ru

Abstract. The article analyzes the dynamics of control and preventive measures in the subjects of the Russian Federation of the Far-Eastern Federal District in 2024. A growing trend in the number of verification activities by both federal control bodies and regional supervisory authorities has been identified. Based on the author's methodology, an assessment of the level of administrative pressure on business in the context of territorial divisions of control bodies in the Far-Eastern Federal District was carried out by the end of 2024, on the basis of which a ranking of 121 territorial divisions of federal executive authorities carrying out control activities in the subjects of the Russian Federation of the Far-Eastern Federal District was conducted.

Keywords: public administration, investment climate, control and supervisory activities, assessment methodology, administrative pressure, the Far East

For citation: Andreev, D. V. (2025) Assessment of the Administrative Pressure Level in the Far-Eastern Regions by the End of 2024 *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (111), pp. 41–50. EDN: CUHASI

Введение

Вопросы развития системы государственного управления инвестиционным развитием и дерегулирования в отношении бизнеса рассмотрены в отечественной научной литературе достаточно подробно [Административные ..., 2002; Аюзан, Крючкова, 2001; Валько, 2018; Мау, Жаворонков, Черный, Яновский, 2001; Романовская, 2017; Тамбовцев, 2004].

Совершенствование контрольно-надзорных функций государства является одним из ключевых направлений работы в сфере государственного регулирования предпринимательской деятельности. Формирование комфортных условий для ведения бизнеса, последовательное снижение административной нагрузки при сохранении высокой эффективности государственного регулирования – это принципиальные задачи, поставленные Президентом Российской Федерации¹.

Ключевые достижения в сфере совершенствования контрольно-надзорной деятельности ежегодно отражаются в публикуемом Правительством Российской Федерации Сводном докладе о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации. В нем отражается широкий круг вопросов, связанных с динамикой проверок, их структурой, досудебным обжалованием, профилактикой, цифровизацией и другими значимыми аспектами деятельности органов контроля.

В то же время пространственный аспект контрольной деятельности в данном докладе практически не освещается. Конечно, можно спроецировать отдельные тренды трансформации контрольной деятельности федерального уровня на региональный, но учет региональной специфи-

ки является принципиально важным, так как именно «на земле» в конечном счете претворяются в жизнь федеральные инициативы.

Автор в силу профессиональных обязанностей инвестиционного уполномоченного в Дальневосточном федеральном округе более 5 лет осуществляет плотное взаимодействие с предпринимательским и экспертным сообществом, уполномоченными по защите прав предпринимателей, общественными объединениями бизнеса, с одной стороны, а также с контрольными ведомствами, органами прокуратуры, с другой стороны. Поэтому очень важным для понимания истинного положения дел, для установления реальных точек высокого уровня административного давления является контроль ситуации на местах, сравнение деятельности одних и тех же ведомств в разных регионах, а также их межведомственное сопоставление.

В данной статье представляются результаты анализа уровня административного давления в субъектах Российской Федерации Дальневосточного федерального округа в разрезе органов контроля по итогам 2024 года.

На базе авторской методики, первично апробированной в 2023 году [Андреев, Потанин, 2024], дается текущая оценка ситуации в форме ранжирования территориальных подразделений федеральных органов контроля, осуществляющих деятельность в пределах Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО).

В научной литературе по оценкам и рейтингованию инвестиционного климата представлено достаточно профессиональных исследований [Князева, Бондаренко, 2014; Курбанов, 2016; Мирошников, Чаркина, 2016; Никитин, 2016].

¹ Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2023 году. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/sovershenstvovanie_kontrolno_nadzornoj_i_razreshitelnoj_deyatelnosti/svodnyy_doklad_o_gosudarstvennom_kontrol_nadzore_municipalnom_kontrol_v_rossiyskoj_federacii_v_2023_godu.html

При этом особенностью авторской методики является ориентация на прикладной аспект, т. е. представление лицам, принимающим решение, максимально формализованный подход к определению зон риска излишней административной нагрузки. Данный подход является новаторским, так как ориентирован прежде всего на региональный срез и представляет широкие возможности для оценки ситуации как в конкретном субъекте Российской Федерации, так и в целом в федеральном округе.

Динамика контрольной деятельности в 2024 году: смена тренда

В условиях текущей внешнеполитической конъюнктуры важно создать максимально комфортные условия для ведения и развития отечественного бизнеса. Поэтому улучшение инвестиционного климата и снижение административного давления – одно из важнейших условий для опережающего экономического развития Дальнего Востока России.

В этой связи регулярный мониторинг ситуации и оценка точек напряжения является обязательным условием эффективной системы управления инвестиционным развитием на уровне субъекта Российской Федерации и федерального округа.

Ключевым показателем контрольно-надзорной деятельности традиционно является количество проведенных контрольных и профилактических мероприятий.

Согласно данным Единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий, в период 2021–2023 гг. в регионах ДФО отмечалось устойчивое снижение количества проверочных мероприятий и резкий рост количества профилактических мероприятий, прежде всего в форме предостережений (табл. 1).

Количество проверок в 2023 г. сократилось по отношению к 2021 г. в 2,6 раза на фоне увеличения в 26,6 раза количества профилактических визитов и в 24,5 раза количества предостережений. Таким образом, портрет проверочных мероприятий претерпел значимую структурную трансформацию за очень короткий промежуток времени, что в обуславливает риски неустойчивости.

Указанный тренд был задан правительственными решениями в период ковидных ограничений. Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» в целях содействия бизнесу вводились заградитель-

Таблица 1

Количество контрольных мероприятий в отношении хозяйствующих субъектов в Дальневосточном федеральном округе в 2021–2023 гг.

Период / уровень контроля	Количество проверок, ед.	Профилактические визиты, ед.	Предостережения, ед.
2021	63 233	2 757	8 191
федеральный	42 449	2 737	7 925
региональный	19 038	20	264
муниципальный	1 746	-	2
2022	24 941	38 202	109 029
федеральный	17 056	35 262	78 871
региональный	7 519	2 677	21 858
муниципальный	366	263	8 300
2023	25 068	73 289	200 895
федеральный	15 873	69 085	163 718
региональный	8 652	3 214	23 308
муниципальный	543	990	13 869

Источник: составлено автором по данным Единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий. URL: <https://proverki.gov.ru/portal>

ные ограничения на формы и основания контрольной деятельности. Эта практика оказалась востребованной и показала огромный потенциал оптимизации контрольных мероприятий, развития механизмов профилактики.

По итогам 2024 года указанный тренд можно считать прерванным. Число проверочных мероприятий в округе выросло на 3 237 единиц или 12,9% и составило 28 305 ед. При этом произошло снижение количества профилактических мероприятий в части предостережений на 36 169 ед. или на 18% (табл. 2). Вместе с тем количество профилактических визитов выросло за год на 17,4%.

Данная динамика обусловлена ростом за год количества проверок со стороны территориальных подразделений федеральных органов контроля на 1 387 ед. (+8,7% к 2023 г.), в том числе со стороны ФНС России (+3 655 ед. или 802,9% к 2023 году), Росприроднадзора (624 ед. / 203,7%), Ростехнадзора (197 ед. / 114,6%), Роструда (148 ед. / 123,9%) (табл. 3).

В результате наибольшая доля прове-

денных проверок по всем уровням приходится в 2024 г. на ФНС России – 4 175 ед. или 14,8% (24,2% от федеральных проверок), Роспотребнадзор – 3 955 ед. или 14% (22,9% от федеральных проверок), МЧС России – 2 938 ед. или 10,4% (17% от федеральных проверок) и Ростехнадзор – 1 525 ед. или 5,4% (8,8% от федеральных проверок).

В региональном разрезе наибольшее количество проверок приходится на Хабаровский край (5,7 тыс. ед.), Республику Саха (Якутия) (5,5 тыс. ед.), Приморский (4,1 тыс. ед.) и Забайкальский края (3,2 тыс. ед.) (табл. 4).

Рост количества проверок в 2024 г. (табл. 5) отмечен в 8 из 11 регионов округа. Наибольший прирост – в Сахалинской области (154,3%), Хабаровском (152,9%) и Камчатском краях (125,7%). Снижение в Республике Саха (Якутия) составило 15,2%, в Еврейской автономной области – 6,7% и Чукотском автономном округе – 18,9%.

Обращает на себя внимание тот факт, что в 2024 г. в 6 из 11 субъектов Россий-

Таблица 2

Количество контрольных мероприятий в отношении хозяйствующих субъектов в Дальневосточном федеральном округе в 2024 году

Период / уровень контроля	Количество проверок, ед.	Профилактические визиты, ед.	Предостережения, ед.
1 квартал	4 224	18 448	30 670
федеральный	2 225	17 207	23 609
региональный	1 834	902	4 746
муниципальный	165	339	2 315
2 квартал	6 790	21 821	40 178
федеральный	4 279	20 030	28 669
региональный	2 316	1 167	8 304
муниципальный	195	624	3 205
3 квартал	8 897	20 669	37 373
федеральный	6 112	18 987	28 598
региональный	2 689	1 011	5 991
муниципальный	96	671	2 784
4 квартал	8 253	25 082	56 505
федеральный	4 634	22 740	45 383
региональный	3 386	1 275	7 997
муниципальный	233	1 067	3 125
Итого	28 305	86 020	164 726
федеральный	17 260	78 964	126 259
региональный	10 356	4 355	27 038
муниципальный	689	2 701	11 429

Источник: составлено автором по данным Единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий. URL: <https://proverka.gov.ru/portal>

Таблица 3

**Структура федеральных проверок (ТОП-10) в разрезе органов контроля
в 2024 году**

Наименование органа	Количество проверок, ед.	Доля, %	Прирост к 2023 году, %
ИТОГО	17 250	100,0	108,7
ФНС России	4 175	24,2	802,9
Роспотребнадзор	3 953	22,9	98,9
МЧС России	2 938	17,0	42,3
Ростехнадзор	1 522	8,8	114,6
Росприроднадзор	1 226	7,1	203,7
Роструд	752	4,4	123,9
Росздравнадзор	657	3,8	155,3
Россельхознадзор	525	3,0	144,2
МВД России	446	2,6	170,9
Минюст России	337	2,0	112,3

Источник: составлено автором по данным Единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий. URL: <https://proverki.gov.ru/portal>

Таблица 4

**Количество контрольных мероприятий в ДФО в разрезе субъектов
Российской Федерации в 2024 г.**

Субъект РФ	Количество проверок, ед.	Профилактические визиты, ед.	Предостережения, ед.
Республика Бурятия	2 487	8 108	11 845
Республика Саха (Якутия)	5 618	11 509	26 757
Забайкальский край	3 160	9 650	21 974
Камчатский край	1 228	3 803	7 854
Приморский край	4 148	22 135	35 649
Хабаровский край	5 659	11 278	33 493
Амурская область	2 218	13 357	12 356
Магаданская область	1 222	1 817	3 834
Сахалинская область	1 854	2 952	7 528
Еврейская автономная область	458	1 403	1 767
Чукотский автономный округ	253	1 009	668

Источник: составлено автором по данным Единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий. URL: <https://proverki.gov.ru/portal>

ской Федерации Дальневосточного федерального округа допущен рост количества проверок со стороны региональных контрольных ведомств. Общий прирост к 2023 г. составил 1 704 ед. (+19,7% к 2023 г.). Лидеры роста в 2024 г. по количеству проверок – Хабаровский край (+821 ед. или 157,8% к 2023 году), Республика Саха (Якутия) (585 ед. / 117,8%) и Сахалинская область (352 ед. / 180,4%).

Наибольшую долю (суммарно больше 60%) в проведенных региональных контрольных проверках занимают 5 органов контроля. Абсолютным лидером является Управление госстройнадзора Республики Саха (Якутия), доля которого превышает 30%, за ним следует Комитет госстройнадзора Правительства Хабаровского края с долей более 10% и приростом к 2023 г. на уровне более 206% (табл. 6).

Таблица 5

Динамика количества контрольных мероприятий в разрезе субъектов Российской Федерации в 2024 г.

Период / уровень контроля	Прирост / спад общего количества проверок, %	Прирост / спад количества федеральных проверок, %	Прирост / спад количества региональных проверок, %
Республика Бурятия	120,4	119,8	113,1
Республика Саха (Якутия)	86,5	62,3	117,8
Забайкальский край	101,8	98,4	111,5
Камчатский край	125,7	157,1	92,2
Приморский край	115,1	120,2	97,7
Хабаровский край	152,9	149,9	157,8
Амурская область	107,0	117,9	85,2
Магаданская область	116,3	129,9	98,3
Сахалинская область	154,5	139,2	180,4
Еврейская автономная область	93,3	103,5	84,4
Чукотский автономный округ	81,1	80,1	109,1

Источник: составлено автором по данным Единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий. URL: <https://proverki.gov.ru/portal>

Таблица 6

Структура региональных проверок (ТОП-5) в разрезе органов контроля в 2024 г.

Наименование органа	Количество проверок. ед.	Доля, %	Прирост к 2023 году, %
ИТОГО	10 225	100,0	118,2
Управление госстройжилнадзора Республики Саха (Якутия)	3 070	30,2	115,9
Комитет госстройнадзора Правительства Хабаровского края	1 031	10,1	206,6
Инспекция регионального стройнадзора и контроля в области долевого строительства Приморского края	862	8,4	99,1
Госинспекция Забайкальского края	696	6,8	112,3
Инспекция госстройнадзора Сахалинской области	538	5,3	88,5

Источник: составлено автором по данным Единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий. URL: <https://proverki.gov.ru/portal>

Анализ приведенных выше данных позволяет констатировать, что контрольная деятельность административно сдерживалась в постпандемийный период и не находилась в равновесном состоянии, как только были сформированы ведомственные сигналы о приведении контрольной деятельности в соответствии с задачами органов контроля, естественным образом начался откат, вырази-

вшийся в росте количества проверок.

Конечно, маловероятно, что будут достигнуты допандемийные значения контрольной деятельности, однако для бизнеса это уже стало вполне конкретным сигналом о необходимости постоянной готовности к возможному усилению контрольной нагрузки, административного давления, что, естественно, негативно влияет как на ожидания бизнеса, так и

на состояние инвестиционного климата в субъекте Российской Федерации и федеральном округе.

Безусловно, фактическое количество проверочных мероприятий со стороны конкретного контрольного органа важный показатель, но для комплексной оценки необходимо определить дополнительный перечень показателей.

Методический подход

Развитие Дальнего Востока, в соответствии с решениями Президента Российской Федерации, является приоритетной государственной задачей, поэтому складывающаяся ситуация в сфере контрольной деятельности требует особого внимания для недопущения рисков ухудшения инвестиционного и предпринимательского климата в округе.

Ответом на этот запрос, по мнению автора, не может выступить методика Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации по ряду причин, включая периодичность составления рейтинга (ежегодно), а также временной лаг между оценкой и текущим состоянием дел, что ранее подробно рассмотрено автором [Андреев, Потанин, 2024. С. 39–50].

В отношении рейтингов, используемых в Сводном докладе о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации, необходимо отметить следующее. Периодичность оценки (ежегодно) ограничивает возможности решения оперативных задач и своевременного реагирования в отношении органа контроля. Кроме этого, важно отметить, что в рамках Рейтинга федеральных органов исполнительной власти оценки даются только на уровне федерального ведомства без разбивки по территориальным подразделениям, а в части Рейтинга субъектов Российской Федерации предполагаются общие оценки по региону без разбивки по органам контроля, итогом рейтинга выступает место региона в округе.

Поэтому по данным причинам требуется иной подход, ориентированный на территориально-ведомственный срез и адаптированный к перманентной системе реагирования.

Одним из решений данной задачи, по

мнению автора, является методика оценки уровня административного давления на бизнес на основе 5 ключевых критериев, позволяющая установить предпосылки к формированию административного давления со стороны конкретного территориального подразделения федерального органа контроля.

Для получения более сбалансированной и оперативной оценки административного давления предложен и ранее апробирован следующий методический подход.

Расчет рейтинга проводится на основе балльной системы по 5 ключевым показателям (табл. 7):

1. Доля проверок территориального органа в общем объеме всех проверок территориальных органов, %;
2. Доля инспекционных визитов в структуре проверок территориального органа, %;
3. Доля профилактических мероприятий от общего числа контрольно-надзорных и профилактических мероприятий территориального органа, %;
4. Среднее время принятия решения по жалобе на действия и (или) решения территориального органа, дней;
5. Доля жалоб на действия и (или) решения соответствующего территориального органа от количества всех жалоб, %.

В расчете рейтинга территориальных органов Дальневосточного федерального округа использованы данные Государственной информационной системы «Управление» по состоянию на 17.02.2025. Все данные приведены за 2024 год и включают только мероприятия контрольных органов федерального уровня, проведенные в соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

Оценкой был охвачен 121 территориальный орган федеральных органов власти в 11 субъектах Российской Федерации Дальневосточного федерального округа.

Наилучшие показатели (минимальное давление на бизнес) зафиксированы у шести территориальных подразделений федеральных органов власти: Управление Росреестра по Хабаровскому краю; МРУ

Таблица 7

**Показатели оценки уровня административной нагрузки со стороны
контрольно-надзорных органов**

№	Показатель	Оценка показателя в баллах					
		0	1	2	3	4	5
ПРОВЕРКИ							
1	Доля проверок территориального органа в общем объеме всех проверок	≥ 20%	< 20%	< 10%	< 5%	< 3 %	0 %
2	Доля инспекционных визитов в структуре проверок	0 %	< 1%	< 3%	< 5%	< 7%	≥ 7 %
ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ							
3	Доля профилактических мероприятий от общего числа контрольно-надзорных и профилактических мероприятий	0 %	< 5%	< 10%	< 30%	< 50%	≥ 50 %
ДОСУДЕБНОЕ ОБЖАЛОВАНИЕ							
4	Среднее время принятия решения по жалобе, дней	> 20	= 20	< 20	< 18	< 15	< 10
5	Доля жалоб на действия и (или) решения соответствующего территориального органа от количества всех жалоб	≥20 %	< 20 %	< 15 %	< 10 %	< 5 %	0 %
ИТОГОВЫЙ БАЛЛ							
Итоговый балл по всем показателям		< 10	< 13	< 16	< 19	< 22	≤ 25

Источник: составлено по авторской методике [Андреев, Потанин, 2024. С. 39-50].

Росалкогольтабакконтроля по ДФО; ФГКУ «Специальное управление ФПС № 25 МЧС России»; Межрегиональное управление № 107 ФМБА России; Управление Росреестра по Сахалинской области; Управление Росреестра по Камчатскому краю; Управление Росреестра по Магаданской области и Чукотскому автономному округу.

Худшие показатели (максимальный уровень давления на бизнес) в соответствии с суммарной оценкой отмечаются в Северо-Восточном Управлении Ростехнадзора, далее следуют Главное Управление МЧС России по Приморскому краю, Управление ФНС России по Хабаровскому краю и Управление ФНС России по Амурской области, а также Дальневосточное межрегиональное управление Росприроднадзора, Сахалинское управление Ростехнадзора и Управление ФНС России по Забайкальскому краю.

Заключение

Тренд на ежегодное снижение объема контрольной деятельности в округе оста-

новлен ростом в 2024 г. количества проверочных мероприятий. Рост проверок отмечен как на федеральном, так и на региональном уровне, что говорит о неустойчивости данной системы и необходимости дальнейшего анализа факторов отрицательной динамики и точек формирования административного давления.

Предложенная автором методика оценки уровня административного давления на бизнес на основе 5 ключевых критериев позволяет

сформировать в любой момент времени профиль субъекта Российской Федерации с ранжированием территориальных контрольно-надзорных органов с позиции уровня административного давления;

установить предпосылки к формированию административного давления со стороны конкретного территориального подразделения федерального органа контроля на конкретной территории для принятия своевременных решений для выстраивания эффективной системы управления

инвестиционным развитием в регионе.

Анализ данных по итогам 2024 года представляет большой управленческий интерес и требует более детальной интерпретации в разрезе каждого отдельного субъекта Российской Федерации и ве-

домства в рамках текущей работы инвестиционных советов в дальневосточных субъектах Российской Федерации, аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе.

Список источников:

1. Административные барьеры в экономике: институциональный анализ / Под ред. А. А. Аузана, П. В. Крючковой. – М., 2002, 133 с.
2. Андреев, Д. В., Потанин, М. М. Влияние административной нагрузки системы государственного управления на инвестиционный климат Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 39–50. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-109-4-39-50 EDN: AQUGLE
3. Аузан, А. А., Крючкова, П. В. Административные барьеры в экономике: задачи деблокирования // Вопросы экономики, 2001, № 5. С. 73–88.
4. Валько, Д. В. Безопасность предпринимательской среды: институциональные факторы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14. № 4. С. 698–708.
5. Князева, И. В., Бондаренко, И. В. Системные характеристики рейтингов, содержащих оценку предпринимательского и инвестиционного климата // Рейтинг России. Вопросы управления. 2014. № 4. С. 101–114.
6. Курбанов, С. А. Факторы, влияющие на развитие инвестиционного климата в регионах России // Проблемы современной экономики. 2016. № 35. С. 44–50. EDN: XEABIN
7. Мау, В. А., Жаворонков, С. В., Черный, Д. С., Яновский, К. Э. Дерегулирование российской экономики. – М., ИЭПП, 2001. С. 70.
8. Мирошников, С. Н., Чаркина, Е. С. Актуальные вопросы улучшения инвестиционного климата в регионах России // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. № 11. С. 1311–1320. DOI: 10.18334/rp.17.11.35356 EDN: WCDTWV
9. Никитин, А. С. Инвестиционный рейтинг как инструмент стимулирования эффективности управления развитием регионов России // Экономическая политика. 2016. № 6. С. 192–221. EDN: XKPFPL
10. Романовская, О. В. Понятие дерегулирования в российской правовой науке // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 4. С. 24–28. EDN: YTOHON
11. Романовская, О. В. Государственное регулирование и дерегулирование: право и экономика в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, № 4. С. 450–459. DOI: 10.18500/1994-2540-2023-23-4-450-459 EDN: PKOKXS
12. Тамбовцев, В. Л. Экономическая теория контрольно-надзорной деятельности государства // Вопросы экономики. 2004. № 4. С. 91–106. DOI: 10.32609/0042-8736-2004-4-91-106 EDN: PJFFMX

References:

1. Administrative barriers in the economy: an institutional analysis. Edited by A. A. Auzan, P. V. Kryuchkova. Moscow: 2002, 133 p. (in Russ.).
2. Andreev, D. V., Potanin, M. M. (2024) The influence of the administrative burden of the public administration system on the investment climate of the Far East *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 39–50. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-109-4-39-50 EDN: AQUGLE (in Russ.).
3. Auzan, A. A., Kryuchkova, P. V. (2001) Administrative barriers in the economy: unblocking tasks *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], no. 5, pp. 73–88 (in Russ.).
4. Valko, D. V. (2018) Security of the business environment: institutional factors *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and secu-

rity], vol. 14, no. 4, pp. 698–708. DOI: 10.24891/ni.14.4.698 EDN: YVLVEO (in Russ.).

5. Knyazeva, I. V., Bondarenko, I. V. (2014) System characteristics of ratings containing an assessment of the business and investment climate *Reyting Rossii. Voprosy upravleniya* [Russia's rating. Management Issues], no. 4, pp. 101–114 (in Russ.).

6. Kurbanov, S. A. (2016) Factors influencing the development of the investment climate in the regions of Russia *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of Modern Economics], no. 35, pp. 44–50. EDN: XEABIN (in Russ.).

7. Mau, V. A., Zhavoronkov, S. V., Cherny, D. S., Yanovsky, K. E. (2001) Deregulation of the Russian economy. Moscow, IEPP. P. 70 (in Russ.).

8. Miroshnikov, S. N., Charkina, E. S. (2016) Actual issues of improving the investment climate in the regions of Russia *Rossiyskoye predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship], vol. 17, no. 11, pp. 1311–1320. DOI: 10.18334/rp.17.11.35356 EDN: WCDTWV (in Russ.).

9. Nikitin, A. S. (2016) Investment rating as a tool to stimulate the effectiveness of regional development management *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], no. 6, pp. 192–221. EDN: XKPFPL (in Russ.).

10. Romanovskaya, O. V. (2017) The concept of deregulation in Russian legal science *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal policy and legal life], no. 4, pp. 24–28. EDN: YTOHOH (in Russ.).

11. Romanovskaya, O. V. (2023) State regulation and deregulation: law and economics in modern Russia *Izvestiya Saratovskogo universiteta Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravleniye. Pravo* [Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Right], vol. 23, no. 4, pp. 450–459. DOI: 10.18500/1994-2540-2023-23-4-450-459 EDN: PKOKXS (in Russ.).

12. Tambovtsev, V. L. (2004) Economic theory of control and supervisory activities of the state *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], no. 4, pp. 91–106. DOI: 10.32609/0042-8736-2004-4-91-106 EDN: PJFFMX (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 02.06.2025; принята к публикации 05.06.2025.

The article was submitted 21.04.2025; approved after reviewing 02.06.2025; accepted for publication 05.06.2025.

Информация об авторе

Д. В. Андреев – инвестиционный уполномоченный в Дальневосточном федеральном округе.

Information about the author

D. V. Andreev – Investment Commissioner in the Far-Eastern Federal District.

Научная статья
УДК 338(571.6)
<https://elibrary.ru/FEGUXU>

Формальные и неформальные институты и устойчивость хозяйственного развития арктических территорий Дальнего Востока

Борис Хананович Краснополюский

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
boriskrasno@gmail.com

Аннотация. Цель данного исследования – на основе анализа ряда международных и отечественных научных работ, а также, используя результаты ранее выполненных разработок автора, выявить направления трансформации институциональных структур и механизмов в управлении арктическими территориями Дальнего Востока России. В результате исследования автор в теоретико-методическом плане обосновывает необходимость формирования здесь «мезокластера», представляющего собой единый комплекс добычных отраслей специализации данных территорий, который выступит базовой структурообразующей основой для дальнейших институциональных преобразований в управлении арктическими территориями Дальнего Востока. Акцент в этом плане сделан на решении весьма специфических проблем согласования формальных и неформальных институтов в управлении развитием как «мезокластера», так и всего вновь формируемого пространственно-хозяйственного образования.

Ключевые слова: Дальний Восток, арктические территории, «мезокластер», формальные и неформальные институты, пространственно-хозяйственное образование

Благодарность: статья подготовлена в рамках исполнения программы НИР «Трансформация институциональных механизмов и структур в управлении развитием арктических территорий Дальнего Востока с учетом новых реалий пространственного развития» по плановой теме № 2 ИЭИ ДВО РАН на 2025 г. «Исследование закономерностей социально-экономического развития Дальневосточного региона России с учетом новых вызовов».

Для цитирования: Краснополюский, Б. Х. Формальные и неформальные институты и устойчивость хозяйственного развития арктических территорий Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 2 (111). С. 51–61. EDN: FEGUXU

Original article

Formal and Informal Institutions and the Sustainability of Economic Development of the Arctic Territories of the Russian Far East

Boris Kh. Krasnopolsky

The Economic Research Institute, FEB RAS, Khabarovsk, Russia
boriskrasno@gmail.com

Abstract. The purpose of study is to identify the directions of transformation of institutional structures and mechanisms of the Arctic Territories of the Russian Far East

management on the basis of a number of international and domestic scientific works analysis, as well as using the results of the author's earlier developments. As a conclusion of the study, the author on theoretical and methodological level substantiates the need to form a «mesocluster» as a complex of specialized industries specific for these Territories. It will act as a structure-forming basis for further institutional transformation in management of the Arctic Territories of the Russian Far East. The emphasis on solving specific problems of coordinating formal and informal institutions in managing the development of the «mesocluster» and forming spatial-economic entity has been made.

Keywords: the Russian Far East, the Arctic Territories, «mesocluster», formal and informal institutions, spatial-economic entity

For citation: Krasnopolsky, B. Kh. (2025) Formal and Informal Institutions and the Sustainability of Economic Development of the Arctic Territories of the Far East *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (111), pp. 51–61. EDN: FEGUXU

Введение. Теоретико-методические походы к исследованию

Одной из представляющих интерес в теоретико-методологическом плане в области согласования функционирования формальных и неформальных институтов для поддержания устойчивости различного рода хозяйственных систем является, по мнению автора, недавно вышедшая статья в международном научном издании «Журнал институциональной экономики» под названием: «Введение в симпозиум: «Кризис и устойчивость: динамика институциональных изменений на стыке формальных и неформальных институтов» [Douarin, Schnyder, 2025]. Статья содержит анализ ведущих научных работ, представленных на научном симпозиуме, который состоялся в сентябре 2021 года в Лондоне. Семинар был организован Ассоциацией институциональных исследований – коллективом, включающим сотрудников и членов Центра политической экономии и институциональных исследований, Центра новых экономических переходов, Института международного менеджмента в Университете Лафборо в Лондоне и других организаций.

Доклады на этом симпозиуме были сосредоточены на кризисах, начиная от турбуленций политической власти до социально-экономических потрясений и стихийных экологических бедствий. Оценивались последствия их влияния на согласование функционирования формальных и неформальных институтов. Во всех работах подчеркивается, что и

в настоящее время, и в будущем кризисы различного рода становятся все более частыми и глубокими. Тем не менее, кризисы могут приводить как к отрицательным, так и положительным изменениям в институциональной системе, и в настоящее время необходимо сосредоточить усилия научной общественности на изучении роли кризисов как определенной силы, способствующей позитивным переменам и росту устойчивости общественного развития на всех его иерархических «этажах» [Arvanitidis, Papagianitsis, 2024; Buchen, 2024; Choutagunta et al., 2024; Rayamajhee et al., 2024].

Обобщая ведущие статьи, представленные на этом симпозиуме, можно выделить четыре различных типа взаимодействия формальных и неформальных институтов (табл. 1). В них проявляются: антагонистические отношения между формальными и неформальными институтами, причиной которых являются несовместимые логики их действий;

комплементарные отношения, при которых формальный институт усиливает неформальный, и совместно они ориентированы на реализацию конечного результата;

отношения взаимовлияния, при которых неформальная норма (например, какое-либо общинное правовое положение) влияет на практику соблюдения формальных институциональных правил, в то время как отклонение от неформальной институциональной нормы может привести к распаду формального

института;

отношения кооперации и замещения, при которых формальные и неформальные институты опираются на альтернативные логики и выполняют практически эквивалентные функции.

Широкий диапазон взаимодействий между формальными и неформальными институтами в рассмотренных статьях подчеркивает сложность протекания институциональных процессов на практике (табл. 1).

В таблице 1 на основании проведенных широких международных исследований представлены четыре наиболее характерных типа взаимодействия институциональных структур на различных иерархических уровнях пространственной организации хозяйства. Есть ли среди них тот тип, который будет в наибольшей степени соответствовать тем процессам, которые происходят в изучаемом объекте, в нашем случае – на дальневосточных арктических территориях? Эти процессы, скорее всего, относятся к типу № 4 взаимодействия формальных и неформальных институтов, когда действуют две альтернативные логики, связанные с конкуренцией и кооперацией и выполняющие эквивалентные равномасштабные и равнозначные функции в развитии данных территорий. Именно подобные процессы согласования институтов данного типа определяют тот теоретико-методический подход, который использован при анализе и оценке институциональных трансформаций в управлении исследуемыми в данной статье территориями.

Обсуждение результатов исследования

Ранее в статье, опубликованной в журнале «Регионалистика» [Краснопольский, 2024], автор обосновывал создание так называемого «мезокластера» добычных отраслей специализации минерально-сырьевой направленности на всех исследуемых в данной статье территориях, который должен являться структурообразующей основой вновь формирующегося здесь крупного пространственно-хозяйственного образования – Северо-Восточного мезорегиона. Использование

методического подхода по согласованию формальных и неформальных институтов применительно к данной хозяйственной системе дает возможность сделать следующий вывод: институты управления «мезокластера» создаются на *неформальной* договорной основе его хозяйствующих партнеров, что же касается всей хозяйственной системы в целом, то ее институты управления создаются на *формальной* основе и включают ведомственные федерального уровня и административные регионального уровня институты.

Экономическая основа взаимодействия и согласования институциональных органов данной хозяйственной системы зиждется на установлении определенного консенсуса между:

конкурентными отношениями хозяйствующих партнеров в рамках создающегося «мезокластера», действующих в основном на базе рыночных методов их управления, что отражает бизнес-интересы партнеров;

кооперативными отношениями территорий, входящих в Северо-Восточную хозяйственную зону, действующими в рамках планово-программных методов управления, что отражает политико-экономические интересы государства.

То есть в данном случае создаются возможности формирования комплементарной (взаимодополняющей) системы управления плановыми (в интересах государства) и рыночными (в бизнес-интересах хозяйствующих субъектов) методами.

В таблице 1 представлен именно такой тип под № 4, выявленный на базе изучения международного опыта взаимодействия формально-неформальных структур управления хозяйственными образованиями. И это подтверждает, что те процессы, которые протекают в этой области на исследуемых нами территориях, являются достаточно распространенными в мировой практике, только они имеют свою страновую специфику.

Здесь важно отметить, что именно экзогенный (внешний) стихийный процесс или кризис в данном случае выступает в качестве некоего «спускового крючка» для формирования именно та-

Таблица 1

Типы взаимодействия формальных и неформальных институтов						
Тип взаимодействия	Авторы статей	Формальное-неформальное институциональное взаимодействие	Тип кризиса или реакции	Процесс изменений/устойчивости	Актеры изменений или устойчивости	Вопросы для будущих исследований
1	Arvanitidis and Papagianitsis (2024)	Антагонизм и замена: соперничество двух несовместимых логик и процессов	Экзогенный экономический шок, вызывающий кардинальные изменения в действии эндогенных сил и их подчас несовместимое противодействие	Вытеснение/замена, если формальные институты достаточно сильны, что открывает систему для внешних воздействий. Рост внутренней устойчивости, если неформальные институты достаточно сильны	Политические деятели как законодатели, местные деятели как законодатели	Что делает общинные (местные) правила устойчивыми? Когда они теряют свою силу? Как можно спроектировать и внедрить государственные институты, действующие сверху вниз, опираясь на общинные правила, а не на их вытеснение?
2	Buchen (2024)	Дополняющие функции: формальный институт, укрепляющий неформальный институт	Экзогенный экономический шок, вызывающий нарушение эндогенной устойчивости	Формальные институты, усиливающие неформальные, повышают устойчивость	Политические акторы как законодатели	Как различные типы кризисов влияют на склонность к сотрудничеству? Какие особенности формальных институтов необходимы для поддержания норм сотрудничества? Когда внешние «толчки» слишком велики для соблюдения устойчивости?
3	Choutagunta et al. (2024)	Дополняющие функции: неформальный институт, укрепляющий формальный институт	Внешние экономические, политические и природные кризисы, ослабляющие ограничения на соблюдение эндогенных норм	Формальные институты могут быть изменены из-за несоблюдения неформальных норм в зависимости от силы шока	Экономические акторы как законодатели	Какие функции должны быть реализованы, чтобы сделать внешние конституции устойчивыми к кризисам и ограничить декларирование новых норм в соблюдении конституций?
4	Rayamajhee et al (2024)	Конкуренция и кооперация: две альтернативные логики, выполняющие эквивалентную функцию	Экзогенный стихийный процесс, активизирующий и стимулирующий конкуренцию и кооперацию	Изменение масштаб формальной и неформальной институциональной сферы: неформальные институты становятся равными по влиянию формальным институтам	Федеральные и местные акторы как равнозначные законодатели и исполнители	Как сделать так, чтобы различные институциональные сферы усиливали друг друга во время кризиса, а не конкурировали?

Источник: [Douarin, Schnyder, 2025] (перевод и интерпретации автора)

кого типа взаимодействия формальных и неформальных институтов. В качестве такого экзогенного кризиса в случае исследуемых территорий на национальном уровне выступают существенные инверсионные противоречия в государственно-плановых и рыночных методах управления их пространственно-хозяйственным развитием, начиная со сферы их добычных отраслей. На международном уровне на это накладываются еще и кризисные явления в связи с их трансграничным положением как восточного форпоста арктических зон РФ (АЗРФ) на границе со штатом Аляска (США) и Канадой, а также в связи с геостратегическими проблемами страны в целом, с ролью этих территорий как части мирового сектора Тихоокеанской Арктики в обеспечении пропускного судоходного режима в Берингской зоне на трассе Севморпути [Журавель, Тимашенко, 2020; Лаженцев, 2024; Минакир и др., 2020; Дальневосточная и Тихоокеанская Арктика, 2021; Baker, 2021].

Что касается зарубежных работ, то с позиций данного исследования интерес представляет также статья о практике США по использованию кластеров как драйверов регионального экономического развития [Растворцева, Череповская, 2024]. В ней авторы проводят анализ развития кластеров США по группам, ориентированным на внешние и внутренние рынки, и демонстрируют важность кластерного подхода на современном этапе развития американской экономики. Интересна также статья «Институциональные перспективы регионального экономического развития»

[Амин, 1999], в которой доказывалось, что наиболее высокие показатели инновационного развития за счет внутренних резервов имеют регионы, ориентированные на мобилизацию эндогенного потенциала региональной экономики и формирование сильных локальных взаимосвязей, используя дополнительные возможности развития неформальных (кластерных) институтов.

В развитии данных территорий естественным образом возникает ситуация, когда акцент в их стратегическом развитии снова перемещается с преимущественно отраслевого на территориальное пространственно-хозяйственное планирование и прогнозирование¹. В нашем случае использование межрегиональной модели добычного «мезокластера», предлагаемое автором данной статьи, как раз и является методом и способом мобилизации локальных резервов отраслей минерально-сырьевой специализации, входящих в Северо-Восточную хозяйственную зону. Их интеграция позволит в максимальной степени концентрировать все имеющиеся внутренние ресурсы для повышения как их отраслевой эффективности, так и эмерджентного эффекта в целом всей данной зоны.

Обращает на себя внимание, что в рассматриваемой выше статье, характеризующей зарубежный опыт, упомянуты *мобилизационные методы* в использовании различного рода ресурсов в региональном экономическом развитии с акцентом в основном на их экзогенных (внешних) резервах, что связано с деятельностью формальных институтов

¹ Напомним, что, как известно, первый этап концентрации внимания нашего государства к территориальному планированию связан с опытом прошлого из истории нашей страны 1950–60-х годов прошлого века, когда во времена СССР на этих территориях был создан так называемый Северо-Восточный совнархоз в составе Якутии и Магаданской области, включая Чукотку, которая тогда административно входила в ее состав. Эта структура была связана с политико-административными реформами, происходившими тогда в стране, с переходом от в основном отраслевого управления экономикой страны к территориальному. Совнархоз внес огромный вклад в комплексное развитие этого региона, в создание базы освоения добычных ресурсов, системы расселения, магистральной транспортной инфраструктуры, например, Колымской автотрассы Магадан–Якутск с ее ответвлениями, речных и авиационных транспортных коммуникаций, морских портов на трассе Севморпути, системы энергообеспечения и др. Речь здесь, конечно, не идет о полном восстановлении подобной территориальной структуры. Но в качестве совершенствования институциональных механизмов разработки и реализации стратегических программ исследуемых территорий, о которых идет речь, некоторый инструментарий, показавший себя в прошлом достаточно эффективно, вполне можно и нужно использовать.

федерального уровня. Что же касается России, то мобилизационное использование ресурсов в связи с обострившимися политико-экономическими кризисами, по мнению многих ученых, тем более должно здесь стать ведущим методом управления, но оно в первую очередь должно быть направлено на эндогенные (внутренние) ресурсные резервы в связи с существенными ограничениями их федеральных источников.

Мобилизационный подход, по нашему мнению, должен стать ведущим методом реализации текущих и перспективных программ развития нашей страны в настоящее время. Например, о мобилизационном подходе при освоении арктических территорий России (АЗРФ)

говорит В. Н. Лаженцев в своей недавно вышедшей статье в журнале «Арктика и Север», подчеркивая, что такой подход является ведущим направлением методологии исследования северных территорий. В этой статье подчеркивается: «Поэтому для Севера России, и особенно для её арктической зоны, становится весьма актуальным метод мобилизационного управления. Научный и практический аспекты методологии северо-арктической деятельности имеют общую методологическую установку: переход от позиции «чем больше, тем лучше» к позиции «хорошее качество важнее большого количества». В Арктике к тому же всё более осознаётся необходимость перехода «от максимально необходимого к реально

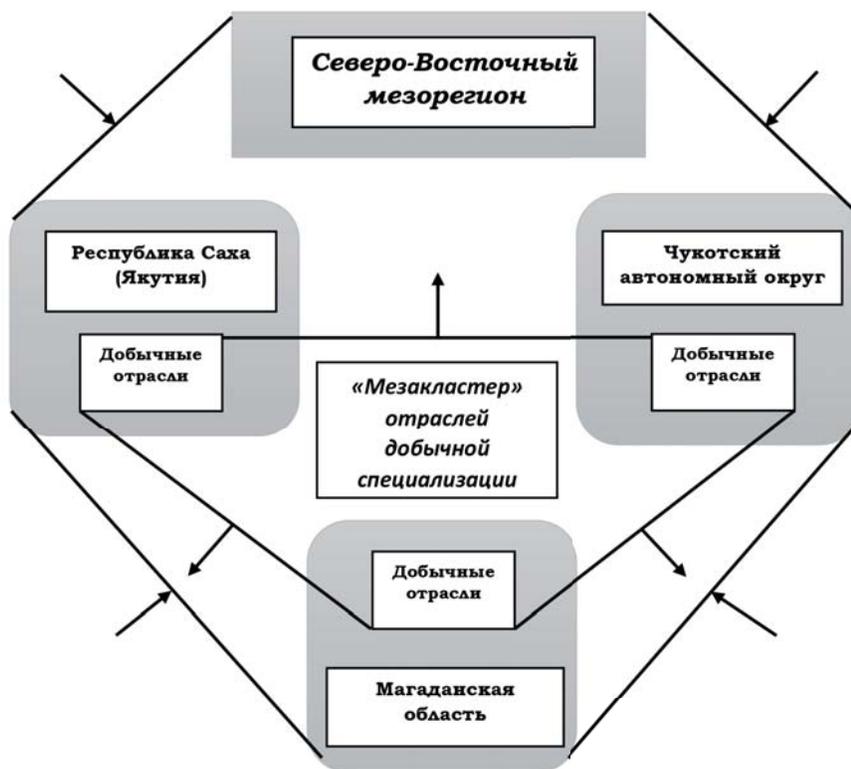

Рис. 1. Принципиальная схема «мезокластерного» подхода к совершенствованию институциональных механизмов управления развитием северо-арктических территорий Дальнего Востока России (Северо-Восточного мезорегиона)²

² На рисунке стрелками обозначены воздействия внешней среды на институциональные структуры управления мезорегионом, т. е. формальных институтов более высокого иерархического ранга, а также внутренние воздействия добычного «мезокластера» на те же структуры управления мезорегионом, т. е. неформальных институтов. Как видно, они имеют противоположный, т. е. инверсионный характер, что требует специальных методов и приемов согласования возникающих противоречий во всей институциональной системе управления вновь формирующегося пространственно-хозяйственного образования.

возможному» [Лаженцев, 2024].

Структурно этот подход на его принципиальной схеме выглядит несложно (рис. 1), но в его реализации по всем параметрам институциональных преобразований в системе регулирования взаимоотношений добычных отраслей и «большой» системы Северо-Восточного мезорегиона, включающего территории трех субъектов Российской Федерации, существуют специфические особенности.

Ведущей особенностью на данном этапе развития исследуемого хозяйственно-образовательного образования, как считает автор, является обострение инверсионных (противодействующих) процессов и противоречий в функционировании формальных и неформальных институтов управления этим хозяйственным конгломератом. Автор в ранее опубликованных работах достаточно подробно исследовал инверсионные взаимоотношения различных элементов в структуре пространственно-хозяйственных систем [Краснопольский, 2023]. Процессы инверсии возникают и во взаимодействии формально-неформальных институциональных связей на изучаемых территориях, в нашем случае – во взаимодействии кластерных (неформальных) и общесистемных (формальных) механизмах управления.

В данном случае нужно обратить внимание на то, что существенной особенностью организации кластеров является ситуация, когда подобная хозяйственная структура создается именно на *неформальной* основе, то есть определяющим принципом ее формирования является *добровольное* объединение хозяйствующих партнеров [Бобрышева, 2023]. Направленность ее деятельности в данном случае имеет специфический характер, а именно она ориентирована в первую очередь на реализацию выполнения частных целей входящих в нее партнеров, а не всей объединенной системы в целом. На это направлены и ее неформальные институциональные механизмы и структуры, создающиеся на договорной основе³. И именно в данном случае возникают инверсионные противоречия

в ее функционировании в кооперации с формальными институтами более высокого иерархического ранга, которые действуют не в частных, а в государственных интересах, что и требует постоянного согласования их совместного функционирования.

Обоснованный в проведенных автором исследованиях «мезокластерный» подход по своей научно-прикладной сути корреспондирует с теми выводами, которые сделаны в ряде отечественных работ в этой области.

Например, в работе А. Клепача по вопросам «прорывных» технологий в новой организации пространственного развития страны доказывается необходимость следующих мероприятий:

«реализация кластерной политики (инструмент экономики предложения, цель которого – развитие *стратегических территорий* для максимизации вклада в экономику страны в средне- и долгосрочном периоде);

«переход от *конкуренции* за ресурсы к *межрегиональной кооперации* (это достигается посредством перестройки бюджетной политики, в том числе через внедрение кластерных трансфертов, направленных на формирование межрегиональных цепочек добавленной стоимости)»⁴. Интересные результаты исследований, близко корреспондирующие с авторскими, представлены в статье, касающейся ресурсно-институционального подхода к формированию промышленного кластера в регионе [Ханина, Сорокина, 2020].

«Мезокластер», в авторской интерпретации, интегрирует хозяйствующие бизнес-структуры в добычной сфере не во внутренней среде отдельных территорий, а в рамках межрегиональных взаимодействий достаточно самостоятельных субъектов Российской Федерации. И именно эти особенности вызывают использование весьма специфических приемов и методов создания кластера, формирования его пространственной структуры, поддержания устойчивости развития всего региона, институцио-

³ Куценко, Е. С. Управление кластером как профессия. Кластерный саммит, 14-15 ноября 2013 г., Москва. URL: <https://cluster.hse.ru/mirror/pubs/share/216157624> (дата обращения: 12.04.2025).

⁴ Клепач, А. Восточный вызов пространственного развития. 5 апреля 2024 г.. URL: <https://russiancouncil.ru/analyticals-and-comments/comments/vostochnyy-vyzov-prostranstvennogo-razvitiya/> (дата обращения: 18.04.2025).

нального управления хозяйственными процессами на всех иерархических этапах хозяйственного образования (табл. 2).

Таблица 2

Основные цели, причины, механизмы и результаты институциональных преобразований в управлении формированием «мезокластера» в северо-арктической зоне Дальнего Востока

<p>Цель и причины создания «мезокластера»</p> <p>Необходимость качественных изменений в регулировании управления развитием добычных отраслей специализации и в целом северо-арктической зоны Дальнего Востока, включающей несколько локализованных в пространстве территорий, в связи с:</p> <ul style="list-style-type: none"> экстремальными условиями развития, враждебностью природной среды для функционирования; возникающими турбуленциями в их экзогенной среде, что вызвано различного рода природно-экологическими, политико-экономическими и прочими шоками и кризисами; новыми требованиями перехода к более современным научно-техническим достижениям, технико-технологическим новациям и укладам; усилением контроля над инверсионными (противонаправленными) процессами во взаимодействии планово-программных и рыночных методов управления и реализующих их кооперационных и конкурентных взаимоотношений
<p>Вид кластера</p> <p>Ресурсно-институциональный, формируется на основе координации отраслей добычной специализации нескольких территорий, которые в дальнейшем претерпевают существенное усиление кооперационных связей благодаря:</p> <ul style="list-style-type: none"> новым технологическим решениям в организации их функционирования, а также инновациям в пространственной организации за счет развития межрегиональной магистральной инфраструктуры; согласованию функционирования формальных и неформальных институтов в управлении развитием «мезокластера» и пространственно-хозяйственного образования в целом в условиях возникающих кризисных ситуаций
<p>Особенности объектов и пространственной структуры кластера</p> <p>Идентичные по специализации группы крупных структурообразующих предприятий на объединяемых территориях (базовые, «якорные» предприятия), определяющие стратегические направления и пространственное структурообразование их дальнейшего развития, состав вспомогательных и обслуживающих производств, а также экзогенных и эндогенных элементов инфраструктуры</p>
<p>Влияние на хозяйственную устойчивость</p> <p>Усиление определяющего значения кооперационных связей для отраслей добычной специализации нескольких территорий в границах «мезорегиона»</p> <p>Координация взаимодействия участников кластера по согласованным производственным программам развития их отраслей специализации, что повлияет на повышение эффективности инновационных процессов в технико-технологической сфере и хозяйственной результативности как кластера, так и региона в целом</p> <p>Усиление направленности производства продукции в отраслях специализации «мезокластера» на внутренние и внешние рынки или импортозамещение</p>
<p>Общие преимущества в управлении</p> <p>Существенное повышение уровня эндогенной координации взаимодействия администраций регионов с бизнесом в отраслях добычной специализации рассматриваемых территорий, а также экзогенного согласования с федеральными структурами</p> <p>Непосредственное участие администрации в управляющих структурах «мезокластера» и координационных решениях в качестве равноправных партнёров, что влияет на повышение эффективности в принятии организационно-экономических решений как в «мезокластере», так и в отраслевых ведомствах федерального уровня</p> <p>Усиление возможности определять проблемы и сильные стороны отрасли специализации как ведущего сектора экономики по совокупным показателям добычи идентичных природных ресурсов на нескольких комплементарных (взаимодополняющих) территориях на базе анализа достоверной информации о деятельности отраслевых предприятий, рынках сбыта продукции, трудовых ресурсах и др.</p>

Повышение общей экономической устойчивости предприятий отраслей специализации «мезокластера» за счёт более рационально организованных процессов конкуренции и кооперации, что даёт возможность вспомогательным и обслуживающим предприятиям получать дополнительную финансовую поддержку, соответствующую совокупным потребностям базовых предприятий
Применение комплексного подхода к инфраструктурному обеспечению территорий и созданию, наряду с критическими видами инфраструктуры, её инновационного элемента по всем современным технологиям в базовых отраслях, научно-исследовательским и опытно конструкторские разработкам, охватывая при этом всю группу комплементарных территорий
Улучшение кадрового обеспечения отраслей специализации «мезокластера», а также вспомогательных, обслуживающих производств и элементов инфраструктуры в рамках пространственно-хозяйственного образования, включающего взаимодополняющие друг друга территории
Формирование объединённых маркетинговых групп для продвижения продукции отраслей специализации на рынки внутреннего и внешнего устойчивого спроса
Создание на базе единых институциональных приемов и норм управленческих структур на принципах государственно-частного и государственно-регионального партнёрства, которые должны включать представителей федеральных ведомств, регионов и частных инвесторов
Создание экспертного совета, включая научные организации, рассматривающего различные проекты по мере их подготовки к реализации, что обеспечит существенный рост информационного взаимодействия в рамках «мезокластера» и мезорегиона и будет являться ключевым источником усиления конкурентных преимуществ рассматриваемой дальневосточной зоны на внутреннем и внешних рынках
Влияние на согласование формальных и неформальных институтов
Возможность создания сбалансированной институциональной модели, обеспечивающей достаточно тесное согласование экзогенных и эндогенных функций формальных (федерального и регионального административного уровня) и неформальных («мезокластера») институтов управления, включая всю систему их методов, приемов и конкретных механизмов, нормативных актов и др.

Источник: составлена автором.

Заключение

Усиление согласования функционирования формальных и неформальных институтов в управлении пространственно-

хозяйственным развитием рассматриваемых территорий даст существенный эмерджентный социально-экономический эффект в их комплексном развитии.

Список источников:

1. Бобрышева, А. А. К вопросу об определении понятия кластера как интегрированной структуры в производственной сфере деятельности // Экономическая наука современной России, 2023. № 2. С. 58–71. DOI: [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-2\(101\)-58-71](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-2(101)-58-71) EDN: DPGNPC
2. Дальневосточная и Тихоокеанская Арктика: на перекрестке двух океанов и континентов / отв. ред. Б. Х. Краснопольский; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. 248 с.
3. Журавель В. П., Тимошенко Д. С. Российская Арктика в период санкционного давления и геополитической нестабильности // Арктика и Север, 2020. № 49. С. 105–124. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.49.105> EDN: QRPNZN
4. Краснопольский, Б. Х. Северо-арктические территории Дальнего Востока России: механизмы организационно-управленческой координации отраслей минерально-сырьевой специализации макрорегиона // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 4. С. 24–42. DOI: [http://doi.org/10.14530/gional Economic Development // International Journal of Urban and Regional Research. № 23\(2\). pp. 365–378](http://doi.org/10.14530/gional Economic Development // International Journal of Urban and Regional Research. № 23(2). pp. 365–378). DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/1468-2427.00201>
5. Краснопольский, Б. Х. Инфраструктура и пространственная экономика: теоретические и прикладные исследования / отв. ред. П.А. Минакир. – Хабаровск:

ИЭИ ДВО РАН, 2023. 234 с. EDN: NJIBHM

6. Лаженцев, В. Н. Северо-арктическая специфика предмета экономических исследований (методологические аспекты) // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 64–76. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.64> EDN: UTOGYU

7. Минакир, П. А., Исаев, А. Г., Демьяненко, А. Н., Прокапало, О.М. Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 1. С. 66–99. DOI: <https://doi.org/10.14530/se.2020.1.066-099> EDN: IBWCWF

8. Растворцева, С., Череповская, Н. Кластеры как драйверы регионального экономического развития: практика США // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 2. С. 27–38. DOI: [10.20542/0131-2227-2024-68-2-27-38](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-2-27-38) EDN: TEQZJR

9. Ханина, А. В., Сорокина, Ю. В. Ресурсно-институциональный подход к формированию промышленного кластера в регионе // В сб. Инновационная экономика и менеджмент: методы и технологии. М: 2020. С. 349–355 EDN: MGZYDC.

10. Amin A. (1999). An Institutional Perspective on Regional Economic Development // International Journal of Urban and Regional Research. № 23(2). pp. 365–378. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/1468-2427.00201>

11. Arvanitidis, P. A. and Papagiannitsis, G. (2024) Community and informal institutions in reforms under crises: the odyssey of a 350-year-old functionally credible water commons // Journal of Institutional Economics, vol. 20, e33. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137424000183> EDN: UMHLCZ

12. Baker, B. (2021). Beyond the Northern Sea Route: Enhancing Russian-United States Cooperation in the Bering Strait Region // Polar Perspectives. No. 8. Pp. 1–27.

13. Buchen, C. (2024) Institutional resilience: how the formal legal system sustains informal cooperation // Journal of Institutional Economics. Vol. 20, e1. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137422000418> EDN: RYXPSX

14. Choutagunta, A., Gutmann, J. and Voigt, S. (2024) Shocking resilience? Effects of extreme events on constitutional compliance // Journal of Institutional Economics. Vol. 20, e3. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137423000279> EDN: XAHMVJ

15. Douarin, E., Schnyder, G. (2025). Introduction to the symposium on “crisis and persistence: dynamics of institutional changes at the interface between formal and informal institutions. Published online by Cambridge University Press: 05 March 2025 // Journal of Institutional Economics. Vol. 21, e6. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137424000328> EDN: XWTOCG

16. Rayamajhee, V., March, R. J. and Clark, C. C. T. (2024). Shock me like a Hurricane: how Hurricane Katrina changed Louisiana’s formal and informal institutions. Journal of Institutional Economics, Vol. 20, e2. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137423000267> EDN: MZZVYN

References:

1. Bobrysheva, A. A. (2023). On Defining the Concept of Clusters as an Integrated Structure in the Production Sphere of Activity. *Economicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economics of Contemporary Russia], 2, pp. 58–71 [http://dx.doi.org/10.33293/1609-1442-2023-2\(101\)-58-71](http://dx.doi.org/10.33293/1609-1442-2023-2(101)-58-71) EDN: DPGNPC (in Russ.)

2. Far Eastern and Pacific Arctic: At the Crossroads of Two Oceans and Continents. Ed. by B.Kh. Krasnopolski. Khabarovsk, 2021. 248 p. (in Russ.)

3. Zhuravel, V. P., Timoshenko, D. S. (2022). The Russian Arctic, Sanctions Pressure and Geopolitical Instability *Arktika i Sever* [Arctic and North], no. 49, pp. 105–124 <http://dx.doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.49.105> EDN: QRPNZN (in Russ.)

4. Krasnopolski, B. H. (2024). North Arctic Territories of the Russian Far East: Mechanisms of Organizational and Managerial Coordination of Mineral Resource Sectors of the Macroregion *Regionalistica* [Regionalistics], vol. 11, no. 4, pp. 24–42. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.4.24> EDN: LYNLJJ (in Russ.)

5. Krasnopolski, B. H. (2023). Infrastructure and Spatial Economics: Theoretical and Applied Research. Ed. by P.A. Minakir. – Khabarovsk, 2023. 234 p. EDN: NJIBHM (in Russ.)

6. Lazhentsev, V. N. (2024). North-Arctic Specificity of the Subject of Economic Research (Methodological Aspects) *Arktika i Sever* [Arctic and North], no. 57, pp. 64–76. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.64>. EDN: UTOGY (in Russ.)
7. Minakir, P. A., Isaev, A. G., Demyanenko, A. N., Prokapalo, O. M. (2020). Economic Macroregions: An Integration Phenomenon or a Political Geographic Rationale? Far Eastern Russia Case. [Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics], vol. 16, no. 1, pp. 66–99. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2020.1.066-099> EDN: IBWCWF (in Russ.)
8. Rastvortseva, S., Cherepovskaya, N. (2024). Clusters as Drivers of Regional Economic Development: US Practice *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], vol. 68, no. 2, pp. 27–38 DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-27-38 EDN: TEQZJR (in Russ.)
9. Khanina, A. V., Sorokina, Yu. V. (2020). Resource-institutional approach to the formation of an industrial cluster in the region. V sb. *Innovacionnaya ekonomika i menedzhment: metody i tekhnologii* [In: Innovative Economy and Management: Methods and Technologies]. Moscow, pp. 349–355 EDN: MGZYDC (in Russ.)
10. Amin, A. (1999). An Institutionalist Perspective on Regional Economic Development *Mezhdunarodnyy zhurnal gorodskikh i regional'nykh issledovaniy* [International Journal of Urban and Regional Research], no. 23(2), pp. 365–378 DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/1468-2427.00201>
11. Arvanitidis, P. A. and Papagiannitsis, G. (2024). Community and informal institutions in reforms under crises: the odyssey of a 350-year-old functionally credible water commons *Zhurnal institutsional'noy ekonomiki* [Journal of Institutional Economics], vol. 20, e33. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137424000183> EDN: UMHLCZ
12. Baker B. (2021). Beyond the Northern Sea Route: Enhancing Russian-United States Cooperation in the Bering Strait Region *Polyarnyye perspektivy* [Polar Perspectives], no. 8, pp. 1–27.
13. Buchen, C. (2024). Institutional resilience: how the formal legal system sustains informal cooperation *Journal of Institutional Economics*, vol. 20, e1. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137422000418> EDN: RYXPSX
14. Choutagunta, A., Gutmann, J. and Voigt, S. (2024). Shocking resilience? Effects of extreme events on constitutional compliance *Zhurnal institutsional'noy ekonomiki* [Journal of Institutional Economics], vol. 20, e3. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137423000279> EDN: XAHMVJ
15. Douarin, E., Schnyder, G. (2025). “Introduction to the symposium on “crisis and persistence: dynamics of institutional changes at the interface between formal and informal institutions”. Published online by Cambridge University Press: 05 March 2025 *Zhurnal institutsional'noy ekonomiki* [Journal of Institutional Economics], vol. 21, e6. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137424000328> EDN: XWTOCG
16. Rayamajhee, V., March, R. J. and Clark, C. C. T. (2024) Shock me like a Hurricane: how Hurricane Katrina changed Louisiana’s formal and informal institutions *Zhurnal institutsional'noy ekonomiki* [Journal of Institutional Economics], vol. 20, e2. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137423000267> EDN: MZZVYN

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 02.06.2025; принята к публикации 04.06.2025.

The article was submitted 21.04.2025; approved after reviewing 02.06.2025; accepted for publication 04.06.2025.

Информация об авторе

Б. Х. Краснополяский – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН

Information about the author

B. Kh. Krasnopolsky – Doctor of Economics, Professor, chief Researcher, the Economic Research Institute, FEB RAS

Научная статья
УДК 332.12:353.1
<https://elibrary.ru/FGNQZK>

Интеграция принципов устойчивого развития в региональные документы стратегического планирования

Александра Анатольевна Кисленок

Федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования», Хабаровск, Россия
a.kislenok@vostokgosplan.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8324-7233>

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы интеграции принципов устойчивого развития в систему документов стратегического планирования региона. Предмет исследования охватывает теоретические и методические аспекты внедрения концепции устойчивого развития в практику стратегирования на региональном уровне. Цель работы заключается в разработке предложений по совершенствованию подходов к стратегическому планированию социально-экономического развития региона, обеспечивающих сквозную интеграцию принципов устойчивого развития на всех его этапах. В ходе исследования проведен анализ текущего состояния внедрения принципов устойчивого развития в стратегическое управление регионами России, выявлены основные проблемы и ограничения существующей практики. Предложена логическая модель стратегического планирования, которая позволяет интегрировать принципы устойчивого развития на всех его этапах, обеспечить синхронизацию целей территориального, отраслевого и корпоративного уровней, а также использовать многосценарный подход, способствующий оперативному реагированию на изменение внешних условий и оптимальному использованию ресурсов. Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их применения при актуализации региональных стратегий социально-экономического развития. Предложенные методические подходы могут быть использованы органами государственной власти при разработке документов стратегического планирования, а также при формировании механизмов мониторинга и контроля их реализации. Применение логической модели позволит повысить эффективность регионального управления и обеспечить сбалансированное развитие территорий в парадигме устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, стратегия социально-экономического развития, стратегическое планирование, пространственное развитие

Для цитирования: Кисленок А. А. Интеграция принципов устойчивого развития в региональные документы стратегического планирования // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 2 (111). С. 62–74. EDN: FGNQZK

Original article

The integration of sustainable development principles into regional strategic planning documents

Aleksandra A. Kislenok

The Federal Autonomous Research Institution «The Eastern State Planning Center», Khabarovsk, Russia
kislenok@vostokgosplan.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8324-7233>

Abstract. *The article considers the integration of sustainable development principles into the document system of region strategic planning. The subject of study includes theoretical and methodical aspects to apply sustainable development concept into practice on region level. The purpose of the study is to develop suggestion for improving approaches to strategic planning of region development. Sustainable development principles must be integrated at each stage. During the study, an analysis of the current state of applying sustainable development concept into strategic management in Russia was carried out. Some challenges and constraints were identified. The logical model of strategy planning is proposed for integration principles of sustainable development at all its stages and aligning goals on territorial, industrial and corporate levels. The model allows to apply a multi-scenario approach for prompt response to changing of external environments and optimal using of resources. Practical relevance of the obtained results provides the ability to use them for strategy updating of socio-economic development of regions. Proposed methodical approaches can be used by public authorities in the development of strategic planning documents and for setting up mechanism for monitoring and control their implementation. Applying this model will allow improve the efficiency of regional management and provide balanced economic and social growth of territories in sustainable development paradigm.*

Keywords: *sustainable development, socio-economic development strategy, strategic management, strategic planning, spatial development*

For citation: Kislenok, A. A. (2025) The integration of sustainable development principles into regional strategic planning documents *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (111), pp. 62–74. EDN: FGNQZK

Введение

Концепция устойчивого развития¹ является своего рода ориентиром для определения будущего развития всего мира. Она стала не только актуальной повесткой для научных исследований, но и основой для принятия практических решений международными организациями, а также государствами при разработке национальных долгосрочных программ. Во многих странах в системе государственного управления присутствуют структуры по устойчивому развитию.

О необходимости учёта принципов устойчивого развития при определении

ориентиров стратегического развития территориальных систем любого уровня свидетельствует и многообразие научных работ по устойчивому развитию мира², стран³, регионов⁴ и территорий⁵.

Россия находится в самом начале пути, т. к. экспортно-сырьевая ориентация экономики свидетельствует о неустойчивой модели развития. Экспертами обосновывается необходимость разработки новой модели, которая бы обеспечивала реализацию идеологии устойчивого развития [Бобылев, 2017]. Движение в этом направлении лишь началось – сформирован перечень национальных показателей, который служит ин-

¹ Основные векторы Концепции устойчивого развития сформулированы в соглашении «Преобразование нашего мира: повестка дня 2030 г. для устойчивого развития». (Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development) // Организация Объединенных Наций. URL: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (дата обращения: 10.10.2024).

² посвящены труды Х. Босселя, В. И. Вернадского, В. И. Данилова-Данильяна, О. К. Дрейера, Д. Медоуза, Н. Н. Моисеева, В. В. Новожилова, Дж. Форрестера и др.

³ рассмотрена в трудах Н. П. Ващекина, В. А. Лося, А. Д. Урсула, Н. Т. Агафонова, Р. А. Ислева, В. А. Коптюга, В. К. Левашова, В. М. Матросова, В. В. Попкова, Б. С. Большакова, А. С. Щедулина и др.

⁴ отражены в трудах: И. Я. Блехцина, М. Г. Ганопольского, А. Г. Гранберга, Б. М. Гринчеля, М. А. Гусакова, В. А. Ильина, О. В. Коломийченко, С. В. Кузнецова, В. Н. Лаженцева, В. Н. Лексина, В. В. Окрепилова, О. П. Пчелинцева, В. Е. Рохчина, В. С. Селина, А. И. Татаркина, Т. В. Усковой, А. Н. Швецов и др.

⁵ рассмотрены в работах Н. С. Яшина, А. М. Петрова, Е. Г. Щербань, Р. Р. Салгериева, И. И. Ильиной, В. Н. Ивановой и др.

струментом контроля за достижением целей устойчивого развития в стране⁶. Большинство показателей отражает целевые установки отдельных документов стратегического планирования⁷, но при этом по-прежнему комплексно не сформулирован системный подход к реализации принципов устойчивого развития.

В то же время, в перспективе интеграция принципов устойчивого развития может стать катализатором качественных изменений в экономике и социальной сфере, способствуя формированию более устойчивой и сбалансированной модели развития государства. Однако достижение целей устойчивого развития требует комплексного подхода и согласованных действий всех участников процесса.

Учет принципов устойчивого развития в документах стратегического планирования

Началом перехода России к устойчивому развитию считают издание Указа Президента РФ «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» в 1996 г.⁸ Данный документ определил основные этапы перехода к устойчивому развитию: 1) решение острых экономических и социальных проблем; 2) струк-

турные преобразования в экономике на основе технологического обновления; 3) гармонизация взаимодействия общества с природой. В конце 1990-х гг. была предпринята попытка разработки Государственной стратегии устойчивого развития Российской Федерации [Кочемасова, 2020]. Однако она не была завершена по разным причинам: дефолт, реформирование органов исполнительной власти, изменение приоритетов развития. Проблематика устойчивого развития в документах стратегического планирования вплоть до настоящего времени рассматривается лишь фрагментарно – в большинстве случаев речь идет лишь об отдельных аспектах устойчивого развития – об «устойчивом экономическом росте», «устойчивом социально-экономическом развитии», «экологической безопасности», «критерии проектов устойчивого развития»⁹ и т. д. Отдельные нормативные правовые акты затрагивают вопросы устойчивого развития конкретных территорий или части населения¹⁰. Так, в 2021 году утверждена Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года¹¹.

⁶ В соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/71/313 от 6 июля 2017 года по разработке национальных наборов показателей ЦУР в Российской Федерации сформирован собственный набор показателей, который отражает национальные приоритеты, условия и возможности статистического учета. Сформированный перечень национальных показателей содержит 176 индикаторов и служит инструментом контроля за достижением ЦУР в стране. Национальный набор показателей ЦУР // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/national> (дата обращения: 26.03.2024).

⁷ Указов Президента, Национальных проектов, стратегий РФ.

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 01.04.1996 № 440 «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.05.2024).

⁹ Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ; Федеральный закон «Об охране атмосферного воздуха» от 04.05.1999 № 96-ФЗ; Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.01.2025); Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.05.2024); Постановление Правительства Российской Федерации от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.03.2024) и др.

¹⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 04.02.2009 № 132-р «Об утверждении Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.02.2015 № 151-р «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» и др.

¹¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.10.2021 г. № 3052-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.05.2024).

В региональных стратегиях, несмотря на заявленные цели, устойчивое развитие зачастую сводится к обеспечению стабильного экономического роста, а решение социальных и экологических проблем осуществляется по остаточному принципу [Коршунов, 2023]. Вместе с тем, вопросы экологии, обеспечения рациональных моделей потребления и производства, инноваций, ресурсосбережения все чаще находят отражение в документах стратегического планирования муниципального уровня – стратегиях социально-экономического развития городов [Одинцова, 2020].

Концепция устойчивого развития должна быть основополагающей при определении курса трансформации любых социально-экономических систем. Она должна стать основой при выработке стратегических ориентиров развития территорий. Данный посыл находит отражение и в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹².

Реализация принципов устойчивого развития в системе стратегического управления осложняется повышенной турбулентностью внешней среды, которая вносит существенные коррективы в пространственное развитие страны: пандемия коронавирусной инфекции в 2020–2021 гг., усиление санкционного давления с 2022 г., высокий уровень геополитической напряженности, а также необходимость разработки антикризисных мер¹³. Отсутствие многосценарного

подхода в большинстве разработанных стратегий и/или концентрация внимания преимущественно на наиболее позитивном сценарии привели к невозможности своевременного принятия управленческих решений для смягчения влияния шоков и быстрой адаптации к новым экономическим условиям. В результате разработка комплекса мер, направленных на смягчение последствий влияния шоков, потребовала значительно больших затрат времени и ресурсов.

Однако влияние внешних шоков в разной степени оказало воздействие на социально-экономические системы регионов. По мнению экспертов [Зубаревич, 2022; Михеева, 2023; Kuznetsova, 2023; Zemtsov, 2024], влияние зависело от их географического положения, отраслевой структуры экономики, системы расселения, уровня интеграции в глобальные экономические процессы, роли иностранного капитала и других характеристик. Усиление санкционного давления в большей степени оказало влияние на территории, которые имели тесные хозяйственные связи с недружественными странами¹⁴. Потребовалось время и значительные ресурсы на переориентацию потоков, связей и перестройку экономики. В некоторых регионах экономические агенты смогли воспользоваться новыми возможностями [Земцов, Волошинская, 2024]. Поэтому реакции социально-экономических систем регионов на различного рода шоки и их трансформация вызывает интерес у научного сообщества

¹² определяет стратегическое планирование как «деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленную на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации».

Источник: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.05.2024)

¹³ Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/85fb48440f79df778539e0b215af5345/konceptsiya_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda.pdf (дата обращения: 12.10.2024).

¹⁴ Russia Sanctions Dashboard. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard>.

и практиков¹⁵, так как понимание факторов и инструментов адаптации будет способствовать формированию эффективных управленческих мер, в т. ч. обеспечивающих реализацию принципов устойчивого развития [Одинцова, 2020; Замятина, 2023; Климанов, 2020].

Важность сохранения вектора устойчивого развития в эпоху динамично меняющейся внешней среды отмечается и экспертами Института проблем региональной экономики РАН. «В условиях нестабильности внешней среды, геополитической и геоэкономической турбулентности тенденции устойчивого развития сохраняют свою актуальность на национальном и международном уровнях, о чем свидетельствует опыт России и дружественных стран, в том числе и в кризисном 2022 г. При этом драйверами устойчивого развития в России, наряду с бизнес сектором, становятся регионы и Правительство РФ, рассматривающее устойчивое развитие на принципах ESG как стратегическое направление для России и её регионов» [Замятина, 2023].

Высокую актуальность решение данной задачи приобретает в связи с утверждением Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (далее – СПР), которая представляет собой стратегический документ, концептуально разработанный для обеспечения национальной безопасности, а также *устойчивого и сбалансированного пространственного развития* страны¹³. Утверждение новой СПР создало предпосылки для актуализации стратегических документов на уровне макрорегионов, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, что позволит обеспечить согласованность приоритетов, целей и задач, а также предусмотренных мероприятий как в territori-

альном, так и во временном отношении.

На уровне субъекта Российской Федерации основные ориентиры пространственного развития, как правило, формулируются в пространственном разделе стратегии социально-экономического развития региона, основные рекомендации по подготовке которого содержатся в Методических рекомендациях по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации¹⁶ (далее – Методические рекомендации). В описании структурных элементов пространственного раздела акцент преимущественно делается на «вкладе территорий в обеспечение экономического роста и повышение качества жизни населения». При этом не отмечена необходимость соблюдения принципов устойчивого развития и учета факторов риска, проявление которых может существенно скорректировать траекторию развития территории. В Методических рекомендациях по подготовке и актуализации стратегий социально-экономического развития регионов также отсутствуют рекомендации по интеграции принципов устойчивого развития. В части глобальных вызовов, цикличности кризисов и рисков сказано, что их необходимо принимать во внимание при оценке внешних факторов долгосрочного развития субъекта Российской Федерации. Категория «риск» упоминается при: определении целей, задач социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, которые должны формироваться с учетом риска; описании основных направлений экономического развития («результаты оценки устойчивости отрасли экономики к конъюнктурным рискам»); оценке финансового обеспечения реализации стратегии («необходимо оценивать уровень финансового риска»)¹⁶. В резуль-

¹⁵ Онлайн-семинар «Стратегирование до и после 2020» // Леонтьевский центр [Электронный ресурс]. URL: <https://leontief-centre.ru/conference241> (дата обращения 10.12.2024). Новости стратегического планирования // Ресурсный центр по стратегическому планированию. № 86. 2020. URL: https://stratplan.ru/UserFiles/Files/Stratplan%20news_86.pdf (дата обращения: 10.12.2024).д

¹⁶ Приказ Минэкономразвития России от 23.03.2017 № 132 (ред. от 18.02.2022) «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 10.10.2024).

тате, как отмечает В. В. Климанов¹⁷ «при подготовке стратегий зачастую разработчики не учитывают ни глобальные вызовы, ни цикличность кризисов». Кроме того, «почти нет регионов, которые бы содержательно представили в стратегических документах риски и механизмы их минимизации»¹⁸.

Отсутствие в стратегиях регионов вариативности сценариев развития с учетом возможных рисков, цикличности кризисов и глобальных вызовов привело к сложностям с адаптацией социально-экономических систем регионов к новым условиям. Преодоление последствий шоков или смягчение их действия потребовало времени на поиск возможных решений и дополнительных ресурсов, т. к. антикризисные меры не были предусмотрены. При этом эксперты считают, что «если изначально ориентироваться на многосценарный подход с возможными рисками или негативными траекториями развития можно значительно облегчить выход территорий из кризиса». Около половины стратегий социально-экономического развития регионов в России базируются на многосценарном подходе, делая основные выводы на инновационном, активном, модернизационном сценарии¹⁸, т. е. преимущественно ориентированы на оптимистичный вариант прогноза.

Таким образом, актуализация региональных стратегий должна осуществляться в парадигме устойчивого развития территорий с учетом рисков, цикличности кризисов и глобальных вызовов, которые целесообразно учитывать при проработке вариативных сценариев развития. Кроме того, в разделе стратегии, касающемся управления реализацией, уместно рассмотреть вопросы антикризисных мер и альтернативных вариан-

тов финансового обеспечения, что будет способствовать адаптивности и гибкости практической реализации стратегии.

Логическая модель стратегического планирования региона в парадигме устойчивого развития

В общем виде логическая модель стратегического планирования региона в парадигме устойчивого развития представлена на рисунке 1.

Стратегия социально-экономического развития (далее – СЭР) региона является основным документом в рамках целеполагания на региональном уровне¹⁹.

В соответствии с Методическими рекомендациями¹⁶ при разработке или актуализации документа должны приниматься во внимание отраслевое и территориальное направления социально-экономического развития региона. При подготовке отраслевых разделов стратегии необходимо учитывать «отраслевые стратегии, принятые на федеральном уровне, стратегии государственных корпораций и крупных промышленных предприятий, осуществляющих деятельность на территории субъекта Российской Федерации». В связи с этим логическую модель стратегического планирования региона необходимо рассматривать через призму территориального, отраслевого и корпоративного планирования.

Кроме того, при разработке региональной стратегии считаем целесообразным учитывать национальные и международные инициативы в области устойчивого развития (Цели устойчивого развития ООН – ЦУР), что обеспечит ее соответствие глобальным тенденциям и стандартам.

Процесс подготовки (актуализации) стратегии социально-экономического развития региона, в соответствии с Методическими рекомендациями, осуществляется в рамках 3 блоков: аналитиче-

¹⁷ В. В. Климанов – российский экономист и экономико-географ, доктор экономических наук, директор Центра региональной политики РАНХиГС при Президенте РФ, директор Института реформирования общественных финансов, президент Ассоциации независимых центров экономического анализа, руководитель научно-исследовательских и консалтинговых проектов в сфере экономики и финансов.

¹⁸ Эксперт: Регионам нужен индекс резилентности // Российская газета. 16.06.2020. URL: <https://rg.ru/2020/06/16/reg-szfo/ekspert-regionam-nuzhen-indeks-rezilentnosti.html> (дата обращения: 14.11.2024).

¹⁹ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

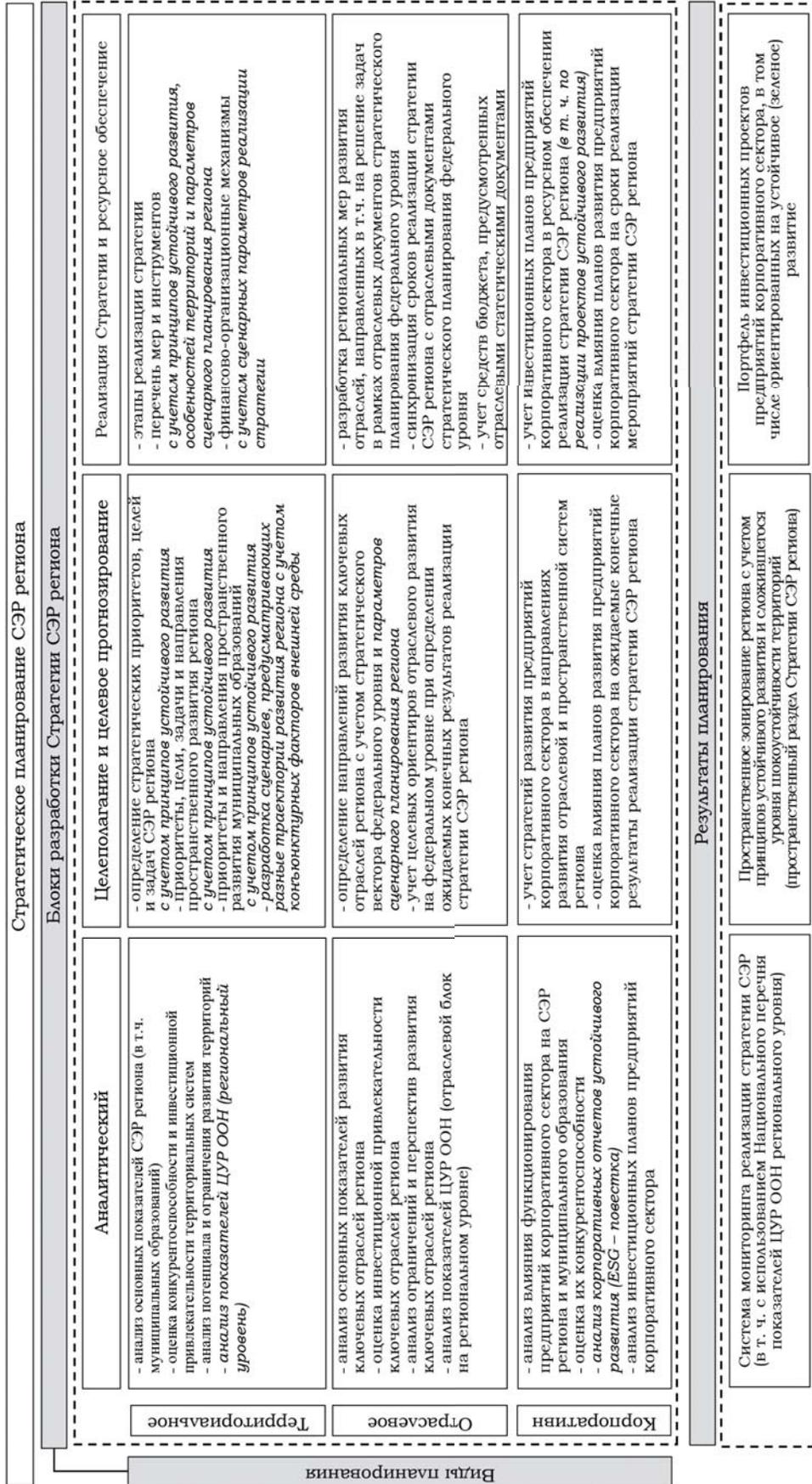

Рис. 1. Логическая модель стратегического планирования СЭР региона в парадигме устойчивого развития

ский, целеполагание и «целевой сценарий», ресурсное обеспечение реализации стратегии. Однако для учета принципов устойчивого развития в условиях турбулентности внешней среды при подготовке стратегий социально-экономического развития региона Методические рекомендации в части содержания этапов разработки необходимо расширить.

Аналитический этап предполагает проведение комплексного анализа социально-экономического развития региона, в ходе которого целесообразно определить его место в экономике макрорегиона и страны, выполнить анализ динамики его развития и определить факторы экономического роста, а также ключевые проблемы социально-экономического развития. Кроме того, рекомендуется осуществить сравнительные оценки конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности в сравнении с другими субъектами Российской Федерации макрорегиона, Российской Федерации, приграничных регионов соседних стран (при необходимости).

Аналитический блок формируется на основе анализа социально-экономических показателей, рекомендованный перечень которых приведен в Методических рекомендациях. Однако, учитывая современные тенденции, данный перечень считаем целесообразно расширить показателями достижения ЦУР, которые обозначены в национальных целях устойчивого развития.

В качестве дополнительного инструмента для определения соответствия траектории развития региона вектору устойчивого развития могут применяться альтернативные методики, в частности оценка регионального богатства и его компонентов.

Кроме того, необходимо учитывать специфику региона не только с точки зрения потенциала его развития, но и понимания его возможностей адаптироваться к условиям повышенной турбулентности внешней среды. Это позволит понять, насколько регион способен справиться с вызовами и угрозами: сможет ли он вернуться на траекторию устойчи-

вого развития после воздействия внешних шоков и адаптироваться к изменениям. В частности, данная оценка может производиться через анализ динамики регионального капитала и его отдельных компонентов. Невосприимчивость капитала к внешним шокам может свидетельствовать о низкой степени его проявления, что обусловлено сбалансированным вектором устойчивого развития СЭР или эффективностью управленческих мер, которые были направлены на нивелирование последствий проявления шока.

Оценка текущего состояния, инвестиционной привлекательности, ограничений и перспектив развития ключевых отраслей осуществляется в рамках разделов, содержащих основные направления развития экономики и социальной сферы региона. Для определения соответствия вектора развития отдельных отраслей принципам устойчивого развития необходимо в систему индикаторов оценки интегрировать национальные показатели ЦУР (региональный уровень, отраслевой блок)²⁰.

Дополнительно, для анализа текущего состояния, а также определения основных проблем и перспектив развития ключевых отраслей считаем целесообразным учитывать показатели деятельности крупных предприятий, в том числе корпоративного сектора, осуществляющих деятельность на территории региона. В частности, в качестве источника информации могут использоваться планы и отчеты по устойчивому развитию компаний, которые, следуя принципам ESG, встраиваются в глобальную повестку по устойчивому развитию.

На втором этапе подготовки стратегии, в соответствии с приказом Министерства экономического развития Российской Федерации¹⁶, рекомендуется выполнять подготовку блока целеполагания и сценарного (проектного) блока. Определение приоритетов, целей и задач развития региона должно осуществляться на основе комплексного анализа, проведенного в рамках аналитического блока, и с учетом принципов устойчивого развития. Целевые ориентиры в парадиг-

²⁰ Национальный набор показателей ЦУР // официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/national> (дата обращения: 10.10.2024).

ме устойчивого развития также должны быть сформулированы и в рамках подготовки пространственного раздела стратегии, в т. ч. при определении основных направлений развития муниципальных образований. При этом выбор предлагается осуществлять через призму оценки территориального богатства и прогнозирования его динамики (в том числе и отдельных компонентов) в случае выбора той или иной траектории развития.

На следующем этапе определяются параметры целевого сценария. В Методических рекомендациях отсутствуют предложения по реализации много-сценарного подхода, а «рекомендуется разрабатывать целевой сценарий развития субъекта Российской Федерации в долгосрочном периоде, отражающий оптимальный, согласованный вариант социально-экономического развития субъекта Российской Федерации»¹⁶. Считаем целесообразным при разработке стратегии СЭР региона предусмотреть вариативность сценариев, учитывая при этом возможные риски, кризисы и глобальные вызовы, не ориентируясь только на оптимистичный вариант развития событий. Именно такой подход позволит в случае неблагоприятных изменений внешней среды своевременно принимать эффективные управленческие решения и использовать соответствующие инструменты и ресурсы, которые будут способствовать адаптации социально-экономических систем регионов к новым условиям.

В рамках данного этапа предполагается определение основных направлений развития региона в отраслевом и территориальном разрезе. Определение направлений развития ключевых отраслей в Методических рекомендациях предлагается осуществлять с учетом вектора федеральной повестки, особен-

ностей территории и стратегий предприятий корпоративного сектора, осуществляющих деятельность в регионе. Данные ориентиры должны учитываться и при формировании пространственного плана развития региона. Кроме того, при подготовке отраслевых и территориальных разделов стратегии социально-экономического развития региона необходимо расчет ожидаемых результатов также рассматривать через призму сценариев, учитывающих динамичность изменений внешней среды.

Завершающие этапы разработки стратегии интегрированы в блок «реализация Стратегии и ресурсное обеспечение». После определения параметров целеполагания осуществляется разработка региональных мер и инструментов, которые будут способствовать достижению ожидаемых результатов. При этом указанные меры должны способствовать устойчивому развитию региона, т. е. не концентрироваться только на обеспечении устойчивого экономического роста и социального развития, но и учитывать «зеленую» повестку²¹. Кроме того, при выборе тех или иных мер и проработке сценариев развития региона необходимо учитывать его способность адаптации к динамичности внешней среды, которая во многом определяется диверсификацией экономики, условиями для развития малого и среднего предпринимательства, надежностью инфраструктуры, качественным состоянием окружающей среды, количественными и качественными параметрами человеческого капитала.

Разработка региональных мер развития ключевых отраслей, направленных в т. ч. на решение задач в рамках отраслевых документов стратегического планирования федерального уровня, также должна осуществляться в парадигме устойчивого развития и способствовать достижению

²¹ Основными мерами в субъектах остаются развитие системы обращения с твердыми коммунальными отходами, снижение уровня вредных выбросов, повышение энергоэффективности. В большинстве регионов ведутся работы по лесовосстановлению и сохранению водных ресурсов. Есть регионы и с расширенной повесткой. Там утверждены нормативы по выбросам, реализуются программы по внедрению альтернативных источников энергии, формируются стратегии социально-экономического развития с учетом факторов ESG. Климат, люди, ресурсы. Основные вызовы устойчивого развития регионов (исследование СберПро). URL: <https://sber.pro/publication/klimat-lyudi-resursy-osnovnye-vyzovy-ustojchivogo-razvitiya-regionov/> (дата обращения 10.12.2024).

ЦУР. В том числе меры могут быть направлены на стимулирование предприятий корпоративного сектора к внедрению ESG-принципов в хозяйственную деятельность, что будет способствовать развитию «зеленых» технологий и повышению качества жизни местного населения.

Также в рамках данного блока определяются этапы реализации стратегии социально-экономического развития региона с учетом основных вех, предусмотренных документами стратегического планирования федерального уровня и реализации крупных инвестиционных проектов (преимущественно инфраструктурных) предприятиями корпоративного сектора. Прежде всего речь идет о синхронизации сроков реализации разрабатываемых мер с ключевыми контрольными точками, предусмотренными федеральными стратегиями и стратегическими планами Госкорпораций.

Финансово-организационные механизмы в условиях динамичности внешней среды должны формироваться с учетом сценарных параметров реализации стратегии и предусматривать некую вариативность финансового обеспечения и возможность реализации антикризисных мер, в случае неблагоприятных изменений внешней среды. Кроме того, в ресурсном обеспечении реализации стратегии СЭР региона необходимо учитывать бюджетные средства, предусмотренные отраслевыми документами стратегического планирования федерального уровня, а также инвестиции предприятий корпоративного сектора (в том числе по проектам устойчивого (зеленого) развития)²².

В рамках реализации предлагаемой логической модели стратегического планирования Стратегия СЭР региона должна учитывать принципы устойчивого развития и динамичность внешней среды.

Кроме того, определение стратегических приоритетов, целей и задач развития региона с учетом принципов устойчивого развития предполагает формирование

соответствующей системы мониторинга реализации стратегии СЭР региона. В соответствии с утвержденным перечнем целевых индикаторов (включая показатели регионального уровня Национального перечня показателей ЦУР ООН) должны осуществляться сбор, систематизация и обобщение информации о социально-экономическом развитии субъекта Российской Федерации и муниципальных образований, а также о достижении целевых ориентиров в рамках устойчивого развития и «зеленой» повестки. На основе собранной информации необходимо осуществлять оценку степени достижения запланированных целей СЭР и соответствия плановых и фактических сроков реализации. Далее проводится оценка результативности и эффективности реализации решений, принятых в процессе стратегического планирования; анализ, выявление возможных рисков и угроз и своевременное принятие мер по их предотвращению; оценка влияния внутренних и внешних условий на плановый и фактический уровни достижения стратегических целей СЭР региона; разработка предложений по повышению эффективности функционирования системы стратегического планирования [Шпакова, Городецкий, 2023].

Определение приоритетов, целей, задач и направлений пространственного развития позволит осуществить зонирование региона и определить направления развития каждого из муниципальных образований в его составе. При этом при формировании основных параметров пространственного развития необходимо учитывать не только достигнутый уровень социально-экономического развития территории и имеющийся потенциал, но и осуществлять выбор траекторий развития, которые не нарушают экологический баланс и обеспечивают его сохранение для будущих поколений. В первую очередь должно соблюдаться минимальное требование устойчивого развития, когда обеспечивается рост богатства территории²³.

²² Постановление Правительства Российской Федерации № 1587 от 21.09.2021 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации».

²³ Совокупность человеческого, созданного и природного капиталов

Также необходимо уделять внимание и структурному соотношению его отдельных компонентов и факторам, которые могут нарушить баланс развития. Здесь важно учитывать экзогенные факторы и способность территорий возвращаться на траекторию устойчивого развития после воздействия внешних шоков или адаптироваться к изменениям.

Региональные власти заинтересованы в развитии на своих территориях бизнеса, который следует принципам устойчивого развития, поскольку от его инициатив также зависит качество жизни местного населения. Поэтому они должны стимулировать применение тех или иных технологий, которые не нарушают экологический баланс и обеспечивают его сохранность для будущих поколений.

В рамках стратегического планирования на уровне субъекта Российской Федерации с целью синхронизации федеральных, региональных и корпоративных планов целесообразно сформировать портфель проектов предприятий корпоративного сектора, в том числе ориентированных на устойчивое (зеленое) развитие. В целях развития инвестиционной деятельности и привлечения внебюджетных средств в проекты, направленные на реализацию национальных целей развития в области зеленого финансирования и устойчивого развития, Правительством Российской Федерации установлены критерии проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации²².

Выводы

Применение предложенной логической модели стратегического планирования социально-экономического развития региона в парадигме устойчивого развития позволит обеспечить сквозную интеграцию соответствующих принци-

пов на всех этапах стратегирования. Это позволит учесть экологические, социальные и экономические аспекты; синхронизировать цели федерального, регионального и муниципального уровней; согласовать интересы государства, бизнеса и населения.

Реализация многосценарного подхода с учётом рисков, кризисов и глобальных трендов будет способствовать оперативному реагированию на изменение внешних условий и снижению затрат на преодоление кризисов за счёт заранее предусмотренных антикризисных мер.

Интеграция показателей ЦУР ООН и ESG-принципов в систему оценки реализации документов стратегического планирования позволит устанавливать плановые значения и оценивать прогресс в достижении целей устойчивого развития как на уровне региона, так и на уровне отдельных территорий.

Интеграция принципов устойчивого развития в стратегическое планирование региона будет способствовать обеспечению баланса при определении вектора развития между экономическим ростом, экологической безопасностью и повышением качества жизни. Кроме того, это создаст стимулы для внедрения «зелёных» технологий, развития «зеленого» финансирования и обеспечения долгосрочного сбалансированного развития территорий.

Таким образом, применение предлагаемой логической модели стратегического планирования СЭР региона позволит актуализировать региональные стратегии с учетом принципов устойчивого развития. Кроме того, использование многосценарного подхода, проработка возможных инструментов антикризисного управления и альтернативных вариантов финансового обеспечения будут способствовать адаптивности и гибкости при практической реализации стратегии.

Список источников:

1. Бобылев, С. Устойчивое развитие: парадигма для будущего // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Том 61. № 3. С. 107–113. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-3-107-113 EDN: YLNPZB
2. Замятина, М. Ф. Устойчивое развитие российских регионов в контексте

современных вызовов: проблемы и перспективы // Теоретико-методологический семинар по региональной экономике. 2023. URL: <https://clck.ru/3Ff6CD> (дата обращения 10.12.2024). EDN: USDSHE

3. Земцов, С. П., Волошинская, А. А. Устойчивость к шокам экономик регионов России в условиях санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3 (64). С. 54–83. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_54-83 EDN: RXIDCD

4. Зубаревич, Н. В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 226–234. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-15 EDN: EVVYVQ

5. Коршунов, И. В. Устойчивое развитие в стратегиях регионов: выбираемые подходы и решения // Экономика региона. 2023. № 19 (1). С. 15–28. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-2 EDN: VEVEGF

6. Кочемасова, Е. Ю. Актуальные проблемы устойчивого развития и их решение в России // Мир новой экономики. 2020. Т. 14. № 3. С. 75–82. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-75-82 EDN: PDIQYP

7. Михеева, Н. Н. Устойчивость экономики российских регионов к внешним шокам: оценка на основе оперативной информации // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2023. Т. 21. № 1. С. 151 – 174. DOI: 10.47711/2076-3182-2023-1-151-174 EDN: MOFVRL

8. Одинцова, А. В. От стратегического планирования к территориальной резилиентности // Федерализм. 2020. Т. 25. № 4 (100). С. 26–41. DOI: 10.21686/2073-1051-2020-4-26-41 EDN: RCISQC

9. Шпакова, Р. Н., Городецкий, Д. И. Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации: мониторинг и контроль реализации // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. Выпуск № 99. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-99-131-143 EDN: KGSSDH

10. Zemtsov, S. P. 2024. Sanctions risks and regional development: Russian case // Baltic Region, vol. 16, no. 1. pp. 23 – 45. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-94184-2>. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-1-2 EDN: FOQBWK (in English).

11. Kuznetsova, O. V. 2023. New Patterns in the Modern Dynamics of Socioeconomic Development of Russian Regions // Regional Research of Russia, vol. 13, no. 4. pp. 671–681. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=59644393>. DOI: 10.1134/S2079970523700995 EDN: EDESQD

References:

1. Bobylev, S. (2017) Sustainable Development: A Paradigm for the Future *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], vol. 61, no. 3, pp. 107–113 DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-3-107-113 EDN: YLNPZB (in Russ.).

2. Zamyatina, M. F. (2023) Development of Russian Regions in the Context of Modern Challenges: Problems and Prospects. URL: <https://clck.ru/3Ff6CD> (data obrashcheniya 10.12.2024) EDN: USDSHE (in Russ.).

3. Zemcov, S. P., Voloshinskaya, A. A. (2024) Resilience of the Economies of Russian Regions to Shocks under Sanctions *ZHurnal Novoj ekonomicheskoy associacii* [Journal of the new economic association], no. 3 (64). pp. 54–83. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_54-83 EDN: RXIDCD (in Russ.).

4. Zubarevich, N. V. (2022) Regions of Russia in the New Economic Conditions *ZHurnal Novoj ekonomicheskoy associacii* [Journal of the new economic association], no. 3 (55), pp. 226–234 DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-15 EDN: EVVYVQ (in Russ.).

5. Korshunov, I. V. (2023) Development in Regional Strategies: Selected Approaches and Solutions *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], no. 19 (1), pp. 15–28 DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-2 EDN: VEVEGF (in Russ.).

6. Kochemasova, E. Yu. (2020) Actual problems of sustainable development and their solution in Russia *Mir novoj ekonomiki* [The world of new economy], vol. 14, no. 3, pp. 75–82 DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-75-82 EDN: PDIQYP (in Russ.).

7. Miheeva, N. N. (2023) Resilience of the economy of Russian regions to external shocks:

assessment based on operational information *Nauchnye trudy: Institut narodnohozyajstvennogo prognozirovaniya RAN*. [Scientific works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences], vol. 21, no. 1, pp. 151–174 DOI: 10.47711/2076-3182-2023-1-151-174 EDN: MOFVRL (in Russ.).

8. Odincova, A. V. (2020) From strategic planning to territorial resilience *Federalizm* [Federalism], vol. 25, no. 4 (100), pp. 26–41 DOI: 10.21686/2073-1051-2020-4-26-41 EDN: RCISQC (in Russ.).

9. SHpakova, R. N., Gorodeckij, D. I. (2023) Strategies for the socio-economic development of the regions of the Russian Federation: monitoring and control of implementation *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik* [E-journal public administration], no. 99. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-99-131-143 EDN: KGSSDH (in Russ.).

10. Zemtsov, S. P. 2024. Sanctions risks and regional development: Russian case // *Baltic Region*, vol. 16, no. 1. pp. 23–45. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-94184-2>. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-1-2 EDN: FOQBWK (in English).

11. Kuznetsova, O. V. 2023. New Patterns in the Modern Dynamics of Socioeconomic Development of Russian Regions // *Regional Research of Russia*, vol. 13, no. 4. pp. 671–681. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=59644393>. DOI: 10.1134/S2079970523700995 EDN: EDESQD

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 24.04.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication 24.04.2025.

Информация об авторе

А. А. Кисленок – кандидат экономических наук, руководитель отдела исследования социально-экономических процессов, федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования».

Information about the author

A. A. Kislenok – Candidate of Economics, Head of the Research Department of Socio-Economic Processes, Federal Autonomous Research Institution «Eastern State Planning Center».

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 371:303.5(571.6)

<https://elibrary.ru/GTBAKE>

Доступность дополнительного образования детей в школе и за ее пределами в оценках студентов

Николай Михайлович Байков¹, Кристина Ивановна Спека²

^{1,2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

¹ baykov-nm@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2114-0201>

² speka-ki@ranepa.ru

Аннотация. В статье представлен анализ концепта «доступность», применительно к системе учреждений дополнительного образования детей в российском обществе, его правовое и научное обоснование. Показано, что доступность дополнительного образования детей как предметная область различных исследований позволяет выделять ее виды (правовая, социальная, экономическая, транспортная, информационная и др.). Государственная образовательная политика приобрела системный характер в обеспечении доступности и институтируется показателем охвата детей занятиями и кружками, финансированием и сертифицированием персонифицированного дополнительного образования, лицензированием программ обучения, направлений образовательной деятельности. С этих методологических подходов в статье проанализированы оценки доступности дополнительного образования в школах и за их пределами студентов Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС. Выявлено, что дополнительное образование в школьный период позитивно сказалось на их личностном развитии и повлияло на выбор направлений профессионального обучения в этом вузе. Большинство студентов в целом положительно оценивают систему дополнительного образования детей, но отмечают наличие ряда проблем, связанных с доступностью к интересующим их программам обучения, финансовыми возможностями семей, удаленностью учреждений от своего места проживания, ограниченностью возможностей обучения по интересующим их программам в период обучения в школах и вне школ. Результаты исследования актуализируют усилия органов государственного и муниципального управления на решение сохраняющихся проблем в доступности дополнительного образования детей, особенно в условиях отдаленных территорий регионов.

Ключевые слова: государственная образовательная политика, доступность дополнительного образования детей, результаты социологического опроса, студенты, Президентская академия в Хабаровске

Для цитирования: Байков Н. М., Спека К. И. Доступность дополнительного образования детей в школе и за ее пределами в оценках студентов // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 2 (111). С. 75–89. EDN: GTBAKE

Accessibility of Additional Education for Children at School and Beyond in Students' Assessments

Nikolay M. Baykov¹, Kristina I. Speka²

^{1,2}The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia

¹ baykov-nm@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2114-0201>

² speka-ki@ranepa.ru

Abstract. *The paper presents the analysis of the concept of «accessibility» in relation to the system of institutions of additional education for children in Russian society, its legal and scientific basis. The accessibility of additional education for children as a subject area of various researchers has been analyzed. It allows us to distinguish different types of accessibility (legal, social, economic, transport, information, etc.). The state educational policy has achieved a systematic character in ensuring accessibility, and it is institutionalized by the coverage of children in classes and clubs, financing and certification of personalized additional education, licensing of training programs, and areas of educational activity. The authors analyze the additional education accessibility at schools and beyond in assessments of students of the Far Eastern Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. It was found that additional education during a school period has influenced positively on student's personal development and the choice of professional higher learning. Most students generally have a positive opinion on the system of additional education for children, but they note a number of problems related to the accessibility of educational programs they are interested in, the financial capabilities of families, and the distance of educational institutions from their place of residence. The results of the research actualize the efforts of state and municipal authorities to resolve the persistent problems of accessibility of additional education for children, especially for children living in remote areas and regions.*

Keywords: *state educational policy, accessibility of additional education for children, results of a sociological survey, students, the Presidential Academy in Khabarovsk*

For citation: Baykov, N. M., Speka, K. I. (2025) Accessibility of Additional Education for Children at School and Beyond in Students' Assessments *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (111), pp. 75–89. EDN: GTBAKE

Введение

Государственная политика в российском обществе в отношении дополнительного образования детей в последние годы приобрела системный характер и направлена на обеспечение его доступности и качества. На институциональном уровне государство регламентирует выполнение показателей охвата детей занятиями в кружках и секциях, финансирование и сертифицирование персонализированной бюджетной поддержки семей на их дополнительное образование

и лицензирование программ обучения.

Современное дополнительное образовательное пространство для детей, представленное государственными/муниципальными учреждениями и частными организациями, создает объективные условия для выбора направлений их личностного развития и начального профессионального ориентирования на занятиях в кружках и секциях. Однако эти возможности детерминированы многими факторами, ограничивающими доступность их реализации в силу многих причин (соци-

альных, финансовых, географических, информационных и др.) для детей из российского социума, противоречий интересов различных групп на разных уровнях управления дополнительным образованием детей в российских регионах, муниципальных образованиях, образовательных организациях и семьях.

Приоритетная государственная задача обеспечения доступности образования детей на региональном уровне и ее отражение в общественном мнении тех, кто был вовлечен в занятия и кружки во время обучения в школе, побуждает нас обратиться к ее рассмотрению в рамках данной статьи.

Методологические подходы и обсуждение темы

Концепт «доступность» в широком смысле – это процесс создания среды, продуктов и услуг общества, определяемый наравне с другими из-за барьеров, имеет как нормативное, так и теоретическое обоснование в отечественной практике управления и научном дискурсе. Согласно терминологии в области образования и обучения «доступность» (access), «равная возможность» (equal opportunity), «равенство результатов» (equality of outcomes), «позитивное действие» (affirmative action) и «справедливость» (equity) часто встречаются в области политики образования. Исходя из этих идей доступности учащиеся могут приступить к программе образования и подготовки, приобретая знания, умения, навыки или способности [Skilbeck M., 2000].

Проблема доступности современного образования представлена в международных и российских законодательных актах и напрямую связана с реализацией права на образование. Применительно к сфере образования определение понятие «доступность» было раскрыто Конституционным Судом Российской Федерации на основе «Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования» (приня-

та Генеральной конференцией ЮНЕСКО 14 декабря 1960 года) и статьи 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации констатировано, что «доступность образования определяют как равные для всех права и возможности его получения, что предполагает не только экономическую доступность (в частности, установление бесплатного начального образования), но и физическую доступность, под которой названные акты понимают безопасную физическую досягаемость образования либо посредством посещения учебного заведения, находящегося на разумном географическом удалении, либо путем получения доступа к современным технологиям»¹.

Согласно государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2018–2025 гг., образовательная система страны ориентирована на обеспечение доступности качественных образовательных услуг для каждого гражданина России. В рамках приоритетного проекта государственной программы «Создание современной образовательной среды для школьников» также ставится задача обеспечить повышение доступности и качества общего образования в нашей стране².

Приоритетные цели, задачи, направления и механизмы развития дополнительного образования детей в Российской Федерации до 2030 г. составляют содержание концепции государственной политики обеспечения его доступности³. Так, в рамках приоритетного проекта «Доступное дополнительное образование для детей» федерального проекта «Успех каждого ребенка», входящего в состав национального проекта «Образование», федерального проекта «Культурная среда», входящего в состав национального проекта «Культура», в 2014–2021 гг. реализован комплекс мероприятий по развитию

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации №5-п от 15 июня 2006 года. URL: <https://www.law.ru/npd/doc/docid/901980808/modid/96?ysclid=mbix8y4l9i806024259>

² Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1642 Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/3a928e13b4d292f8f71513a2c02086a3/download/1337/?ysclid=mbkouec9pk372017893>

³ Концепция развития дополнительного образования детей до 2030 года. (В редакции распоряжений Правительства Российской Федерации от 15 мая 2023 г. № 1230-р, от 21 октября 2024 г. № 2963-р). URL: <http://government.ru/docs/all/140314/>

дополнительного образования детей.

Анализ современной нормативной базы организации дополнительного образования детей в Российской Федерации актуализирует проблему значимости повышения доступности дополнительного образования для одаренных детей, детей с ограниченными возможностями здоровья, а также находящихся в неблагоприятных социальных условиях и живущих на удаленных (сельских) территориях. Концептуальные основы повышения доступности дополнительных общеобразовательных программ, разработанные отечественными исследователями, включают информационные, экономические, социальные, территориальные, институциональные, индивидуально-личностные, педагогические детерминирующие факторы [Золотарева, Куличкина, Синицин, 2018].

Исследование вопросов обеспеченности населения различного рода услугами через призму определения уровня их доступности, сравнения концепций трактовки доступности услуг как частного и общественного блага позволяет выделить различия между отдельными элементами доступности [Поворина, 2010].

Оценки доступности образования, в том числе и дополнительного образования детей, обуславливают необходимость выделения ее видов по отношениям их личностных позиций с экономикой (экономическая, финансовая доступность), «природой» (территориальная, транспортная доступность), обществом (социальная доступность), самой системой образования (содержательная доступность), информационной средой («информационная доступность») [Новиков, 2012].

Проблему доступности образования в российском обществе также определяют индивидуальными и социальными различиями между людьми по целому ряду характеристик. Важнейшие из них находятся в зависимости от социальных (место проживания семьи, социальные связи родителей), культурных (образование и род профессиональной деятельности родителей, качество школьной подготовки) и субъективных (самооценка ребенка, уровень его личных амбиций, выбранная жизненная стратегия) факторов.

Многоаспектность феномена «доступность образования» следует учитывать при выделении его видов:

правовая доступность как законодательно гарантированная возможность получения общего образования для всех детей;

социальная доступность как возможность детей из различных общественных групп и семей получить качественное образование в образовательных учреждениях;

экономическая доступность как финансовая возможность удовлетворения образовательных потребностей ребенка;

информационная (содержательная) доступность, связанная с наличием технической инфраструктуры, подключенной к глобальным информационным сетям, позволяющим получать соответствующее психическим и физическим возможностям ребенка образование дистанционно;

географическая (транспортная) доступность, связанная с территориальным расположением учебного заведения [Калачев, 2021].

Можно согласиться с мнением, что «обеспечение доступности – это не простая и даже не всегда понятная задача, решение которой складывается из множества факторов. Исследования доступности строятся из разных позиций:

доступности образования для маломобильных групп населения;

доступности для социально и экономически уязвимых групп населения;

участия семей в учебном процессе детей, где выбор образовательной услуги во многом строится из родительской вовлеченности, информированности и культурно-образовательного статуса семей;

гендерной доступности образования; финансовой доступности образования» [Попов, Глухов, Ешматов, 2020].

Системный анализ современного состояния дополнительного образования детей и особенностей его финансовой доступности служит основой для систематизации основных тенденции стратегических направлений его развития и определения приоритетов и возможностей трансформации [Сафонова, Шамрай, 2020].

Сравнительный анализ зарубежных и российских практик и подходов к форми-

рованию репертуара программ дополнительного образования в школах указывает на разрозненность подходов и стихийность их формирования в условиях, когда на институциональном уровне регламентируется увеличение охвата и вовлеченности детей. При этом эффективный процесс формирования перечня дополнительных образовательных программ неразрывно связан с учетом запроса родителей и их вовлечением детей в учебный процесс [Абдырахманова, 2023].

С этих позиций проанализируем показатели доступности дополнительного образования, отраженные в общественном сознании студентов в период их обучения в школах и за пределами их стен.

Общая характеристика исследования

В опросе приняли участие 420 студентов, репрезентирующих распределение обучающихся по курсам и направлениям подготовки (специальностям) на программах специалитета, бакалавриата, магистратуры и среднего профессионального образования в колледже⁴. При этом две трети опрошенных студентов представляют Хабаровский край, остальные – другие субъекты Дальневосточного федерального округа. Большинство опрошенных студентов воспитывались в полных семьях (79,0%), пятая часть – в неполных, с одним родителем (20%).

Опрошенные студенты обучаются по программам специалитета «Судебная и прокурорская деятельность» (58,2%), «Правовое обеспечение национальной безопасности» (24,7%), «Экономическая безопасность» (17,1%), по направлениям подготовки «Экономика» (36,1%), «Юриспруденция» (26,2%), «Менеджмент» (16,8%), «Государственное и муниципальное управление» (14,8%), «Социальная работа» (5,7%); среднего профессионального образования на базе 9 классов по программам «Экономика и бухгалтерский учет»; «Банковское дело»; «Информационные системы и программирование» (82%); менее пятой

части опрошенных обучающихся на базе 11 классов осваивают программы «Экономика и бухгалтерский учет» и «Банковское дело» (18%).

Результаты исследования

Правовая доступность как законодательно гарантированная возможность получения общего образования для всех детей

В соответствии с российским законодательством обучающиеся, воспитанники образовательных учреждений, а также иные лица в возрасте до 18 лет имеют право на получение бесплатного дополнительного образования в государственных и муниципальных образовательных организациях, а также в коммерческих, частных учреждениях⁵.

Каждый четвертый из десяти опрошенных студентов посещали государственные/муниципальные организации (39,4%); третья часть – коммерческие/частные (31,4%) и одна десятая – общественные, некоммерческие учреждения (10,8%). При этом пятая часть затруднилась указать организационно-правовую форму учреждения дополнительного образования, которое они посещали во время обучения в школе (табл. 1).

Социальная доступность как возможная доступность детей получить качественное дополнительное образование

В ситуации расширения границ образования школа перестает быть единственным источником образования, семьи активно дополняют образование ребенка различными видами познавательной деятельности как в стенах его школы, так и за ее пределами. Во время учебы в школе подавляющее большинство опрошенных (80%) в той или иной степени посещали занятия дополнительного образования (кружки, секции и др.). Доля студентов, указавших, что не посещали занятия дополнительного образования в период школьного обучения, составила пятую часть. Это отражает показатели

⁴ Опрос студентов Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС проведен в марте 2025 года. Организатор полевого исследования и обработки данных опроса – аспирант Снека К.И.

⁵ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «Об образовании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/2f0cff66d896f7b9817e26dba7e5f3207df5c43e/

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Укажите, в какой организационно-правовой форме были учреждения дополнительного образования, которые Вы посещали за время обучения в школе?»

(в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	%
Государственные / муниципальные	39,4
Коммерческие, частные	31,4
Общественные, некоммерческие	10,8
Затрудняюсь ответить	18,5

Источник: составлено авторами по результатам опроса студентов.

охвата школьников дополнительным образованием в стране. По данным общероссийского мониторинга экономики образования национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (2022 г.) 78% опрошенных родителей сообщили, что их дети посещают курсы дополнительного образования. Однако каждый четвертый из десяти опрошенных (39%) отметил, что ребенок посещает дополнительные занятия только в школе. Среди опрошенных нами студентов только доля посещающих во время учебы в школе занятия дополнительного образования (кружки, секции и др.) составила примерно десятую часть (11,7%). Эти данные можно интерпретировать как проявление недостаточности образовательной среды Хабаровского края и других регионов Дальневосточного федерального округа, ограниченных в возможностях доступа к выбору интересных занятий и кружков (табл. 2).

Результаты опроса студентов совпадают с общероссийскими данными, свидетельствующими, что в каждой пятой семье ребенок не посещает никаких дополнительных занятий. Важно, что доля детей, у которых обедненное образовательное пространство, не одинакова в разных социальных группах. К ней чаще принадлежат дети родителей с более низким уровнем образования и жителей сельских поселений и отдаленных районов. Сильнее всего образовательное неравенство проявляется в использовании семьями дополнительного образования вне школы. [Павленко, Дементьева, 2022].

По результатам исследований, «социокультурный капитал семей оказывает значительное влияние на степень задействованности семьи, определяя мотивацию родителей, их субъективную оценку «рисков» участия или неучастия, варьируя

предпочитаемые каналы получения информации. Все эти аспекты вместе образуют «социокультурный барьер», который снижает доступность дополнительного образования для определенных групп семей даже тогда, когда финансовые и транспортные возможности семьи не ограничивают ее в выборе» [Наумов, 2022].

Большинство опрошенных студентов прошли полный курс дополнительного образования в школьные годы по направлениям: физкультурно-спортивному (33,7%), художественному (28,2%), социально-гуманитарному (19,5%), а их меньшая часть – по естественно-научному (7,8%), техническому (6,4%) и туристско-краеведческому (4,4%). С одной стороны, это коррелирует с региональной статистикой, с другой – подтверждает выбор опрошенными направлений профессионального обучения в управленческом вузе. Кроме того, общественно-гуманитарный задел, полученный студентами в системе дополнительного образования в школьные годы, – солидный потенциал для участия во внеучебных мероприятиях физкультурно-спортивного, художественного и социально-гуманитарного характера (табл. 3).

Причины непосещения занятий дополнительного образования студенты связывают с тем, что «в нашей школе не было интересных занятий» (28,4%), а также «не было интереса и потребности в дополнительных занятиях» (24,1%). Пятая часть опрошенных ссылается на «отсутствие времени на посещение из-за большой нагрузки в школе» (19,1%) и каждый шестой отметил, что «поблизости не было интересных направлений дополнительных занятий» (15,6%). Десятая часть опрошенных связывала свою непосещаемость с тем, что «не было возможности (необходимых средств) платить за

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Посещали ли Вы во время учебы в школе занятия дополнительного образования (кружки, секции и др.)?»
(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Посещал(а) в школе и вне школы	44,6
Посещал(а), но только вне школы	22,9
Не посещал(а)	20,8
Посещал(а), но только в школе	11,7

Источник: составлено авторами по результатам опроса студентов.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «По каким направлениям дополнительного образования Вы прошли полный курс обучения в школьные годы?»
(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Физкультурно-спортивное	33,7
Художественное	28,2
Социально-гуманитарное	19,5
Естественно-научное	7,8
Техническое	6,4
Туристско-краеведческое	4,4

Источник: составлено авторами по результатам опроса студентов.

занятия» и «не было бесплатных занятий» (10,7%).

В той или иной степени эти мотивы невовлеченности школьников в дополнительное образование дополняют участники фокус-групповых исследований, которые выделили следующие проблемы в системе дополнительного образования Хабаровского края.

Основные проблемы, которые сдерживают развитие системы дополнительного образования детей – отсутствие государственной гарантии на дополнительное образование на конституционном уровне и в федеральном законодательстве об образовании.

В системе дополнительного образования детей также не хватает кадров с педагогическим образованием и профессиональными навыками. Несмотря на новые возможности привлечения в систему дополнительного образования детей специалистов без педагогического образования, в силу их слабой методической подготовки, низкого уровня оплаты труда, эффективность проводимых ими занятий, по мнению участников, низкая.

Слабая материальная база дополнительного образования, удалённость поселений, их труднодоступность для детей отражают специфику региона.

Сдерживающим фактором развития системы дополнительного образования в крае служит финансирование, которое, по мнению участников, идёт по остаточному принципу. Бюджетные средства по нацпроекту «Образование» в большей мере расходуются на развитие инфраструктуры.

Система персонифицированного учета на основе социального сертификата в дополнительном образовании лишь частично позволяет семьям компенсировать расходы на дополнительное образование детей⁶.

Результативность дополнительного образования характеризуют ответы опрошенных о количестве освоенных ими программ за школьный период, подтвержденных полученными дипломами, удостоверениями, сертификатами. Так, более половины опрошенных отметили получение одного или двух документов по окончанию обучения в учреждениях

⁶ Фокус-групповые исследования, в которых приняли участие 30 руководителей и специалистов органов государственного и муниципального управления Хабаровского края, представителей организаций общего и среднего профессионального образования, в чьи полномочия входят вопросы образовательного процесса. Дальневосточный институт управления - филиал РАНХиГС совместно с Хабаровским краевым институтом развития образования, июнь 2024 года.

дополнительного образования (58,0%), но третья часть – ни одной (35,0%), что может свидетельствовать об отсутствии в посещаемых ими организациях лицензированных программ дополнительного образования детей (табл. 4).

В период своего обучения в школе опрошенные студенты посещали преимущественно спортивные секции (55,9%) и репетиторов по предметам (47,6%), третья часть – творческие секции (художественные, театральные и др.), по одной пятой – языковые курсы и музыкальные школы. Статистически незначительная доля опрошенных отметили посещение компьютерных (программирование, веб-дизайн и др.) и технических (моделирование, робототехника и др.) занятий (табл. 5).

Посещение репетиторов по предметам носит выраженную общественно-гуманитарную направленность в выборе студентами специальностей и направлений подготовки в Дальневосточном институте управления – филиале РАНХиГС. Естественно-научные дисциплины как предметы репетиторского обучения отметили лишь статистически незначительное число студентов (табл. 6).

подавляющее большинство опрошенных студентов отметили широкий спектр учреждений дополнительного образова-

ния (80,8%), которые они посещали во время обучения в школе. При этом лишь незначительная часть указала на Центр цифрового, естественнонаучного, технического и гуманитарного профилей «Точка роста» (13,1%), Технопарк «Кванториум» (3,1%) и Центр цифрового образования детей «IT-куб» (3,1%). Однако большинство опрошенных считают, что эти новые образовательные формы в той или иной мере способствуют развитию профессиональных навыков и компетенций (82%).

подавляющее большинство опрошенных считает, что, благодаря занятиям в учреждении дополнительного образования, они получили личностное развитие: «нашли занятия по душе, увлечение, хобби»; «приобрели важные для жизни знания, умения и навыки, которым не учат в школе»; «смогли проявить и развить свой талант, способности»; «научились общаться с другими людьми»; «смогли улучшить свои знания по школьной программе, стали лучше учиться в школе» и «были заняты во внеурочное время». При этом только десятая часть опрошенных отметили, что «поняли какая профессия им подходит, освоили важные навыки для избранной профессиональной деятельности» (табл. 7).

Географическая (транспортная) доступность, связанная с территориаль-

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Сколько программ дополнительного образования Вы освоили за школьный период и получили диплом, удостоверение, сертификат?»

(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Ни одной	35,0
Одну	34,7
Две	23,3
Другое	6,9

Источник: составлено авторами по результатам опроса студентов.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Какие дополнительные занятия Вы посещали по месту обучения в школе?»

(в % от числа опрошенных, предлагался множественный выбор)

Варианты ответов	%
Спортивные секции (фитнес, танцы, спортзалы и др.)	55,9
Репетиторы по предметам	47,6
Творческие секции (художественные, театральные и др.)	30,0
Языковые курсы	21,2
Музыкальные	18,5
Компьютерные (программирование, веб-дизайн и др.)	6,6
Технические (моделирование, робототехника и др.)	4,5

Источник: составлено авторами по результатам опроса студентов.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Если Вы посещали репетиторов, то укажите по каким предметам?»

(в % от числа опрошенных, сумма ответов превышает 100%, т. к. по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов ответов)

Варианты ответов	%
Математика	35,2
Обществознание	32,1
Русский язык	22,1
История	20,2
Английский язык	18,1
Химия	1,9
Биология	1,9
Физика	1,4
География	0,9
Литература	0,2
Информатика и ИКТ	0,2

Источник: составлено авторами по результатам опроса студентов.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы согласны со следующими утверждениями, что благодаря занятиям в учреждении дополнительного образования Вы:»

(в % от числа опрошенных, сумма ответов превышает 100%, т. к. по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов ответов)

Варианты ответов	%
Нашли занятия по душе, увлечение, хобби	43,3
Были заняты во внеурочное время	42,8
Приобрели важные для жизни знания, умения и навыки, которым не учат в школе	38,3
Смогли проявить и развить свой талант, способности	37,3
Научились общаться с другими людьми	34,2
Смогли улучшить свои знания по школьной программе, стали лучше учиться в школе	23,3
Поняли какая профессия вам подходит, освоили важные навыки для избранной профессиональной деятельности	10,0
Другое	5,0

Источник: составлено авторами по результатам опроса студентов.

ным расположением учебного заведения

Каждый второй опрошенный отметил, что посещаемые им занятия в учреждении дополнительного образования находились в пешей доступности. Вторая половина опрошенных использовали общественный транспорт (автобус, трамвай или троллейбус), автомобиль, велосипед или самокат для посещения этих занятий с (табл. 8).

Шаговая доступность организации дополнительного образования является одним из основных факторов выбора места занятия ребенка в кружках, секциях, клубах.

Экономическая доступность как финансовая возможность удовлетворения образовательных потребностей детей

Затраты на дополнительное образование детей компенсируются как за счет

бюджета государства, так и за счет семей обучающихся. Ответы студентов свидетельствуют, что родительские бюджеты в значительной мере понесли затраты на дофинансирование всех направлений их дополнительного образования. При этом в тройке лидеров по расходам семейных бюджетов от половины и более опрошенные студенты отмечают занятия с репетиторами по предметам (81,4%), языковые курсы (59,1%) и спортивные секции (фитнес, танцы, спортзалы и др.) (48,9%) (табл. 9). Эти данные коррелируют с результатами исследований ученых Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». В исследовании отмечается, что «дофинансирование сферы образова-

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Как чаще всего Вы добирались на занятие в учреждение дополнительного образования?»
(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Пешим ходом	53,5
На общественном транспорте (автобусе, трамвае или троллейбусе)	27,4
На автомобиле	13,8
Другое	3,7
На велосипеде, самокате	1,5

Источник: составлено авторами по результатам опроса студентов.

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос: «Какие дополнительные занятия (кружки, секции, студии, клубы), которые Вы посещали, были для Вас бюджетными или оплачивались родителями?»
(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%		
	Бюджет	Родители	Затрудняюсь ответить
Спортивные секции (фитнес, танцы, спортзалы и др.)	43,7	48,9	7,4
Репетиторы по предметам	9,5	81,4	9,2
Творческие секции (художественные, театральные и др.)	37,2	41,0	21,9
Языковые курсы	11,8	59,1	29,1
Музыкальные	26,8	27,6	45,5
Компьютерные (программирование, веб-дизайн и др.)	23,3	15,2	61,4
Технические (моделирование, робототехника и др.)	19,4	16,1	64,5

Источник: составлено авторами по результатам опроса студентов.

ния населением превышает 45% объема средств, выделенных государством». При этом из расходов на дополнительное образование (952,6 млрд руб.) больше половины (520 млрд руб.) было потрачено на образовательные организации, в которых ребенок не получает основное образование. На репетиторов и частных педагогов в 2021–2022 учебном году родители потратили 261 млрд рублей, на дополнительные занятия в основных учебных заведениях – 171 млрд рублей. Совокупные расходы родителей на дополнительное образование дошкольников составили 338,6 млрд рублей, школьников – 1,252 трлн рублей, студентов – 529,6 млрд рублей⁷.

По данным РАНХиГС (2020 г.), затраты родителей на дополнительное образование

выросли более чем вдвое за последние три года. В 2017 г. оплата секций и кружков обходилась семьям в 2,7 тыс. рублей ежемесячно. А годовые затраты в среднем оценивались в 25 тыс. рублей. Тогда отмечалось, что родители всё больше внимания уделяют репетиторам для подготовки детей по школьным предметам. В целом по России большинство семей вкладывают деньги в дополнительное образование и развитие своих детей (87%) и относит эти расходы к числу наиболее важных и приоритетных (83%)⁸.

Результаты опроса студентов демонстрируют примерно равное распределение бюджетных и семейных затрат на посещаемые ими дополнительные занятия (кружки, секции, студии, клубы), спор-

⁷ Злобин А. Эксперты оценили расходы россиян на кружки и репетиторов для детей. URL: <https://www.forbes.ru/society/495212-eksperty-ocenili-rashody-rossian-na-kruzki-i-repetitorov-dla-detej?ysclid=mb96h2yp2848507927>

⁸ Виноградова Е. Платить так платит: родители тратят на детские кружки 1,6 млн рублей. URL: <https://iz.ru/1097236/ekaterina-vinogradova/platit-tak-platit-roditeli-tratiat-na-detskie-kruzhki-16-mln-rublei>

тивные секции (фитнес, танцы, спортзалы и др.) в период обучения в школах.

Большинство опрошенных студентов оценивают материальное положение своих семей как достаточно обеспеченное. Это позволяет им использовать время на дорогостоящий отпуск и/или покупку автомобиля (30,9%), считать себя достаточно обеспеченными материально, хотя покупка автомобиля для них затруднительна (52,7%). Восьмая часть опрошенных отметила, что «на еду и одежду хватает, но покупка техники вызывает трудности». Все другие позиции, характеризующие материальную ограниченность в потребностях, отметила статистически незначительная доля студентов (табл. 10)

В целях обеспечения доступности и качества дополнительного образования детей в стране создана система персонализированного дополнительного образования (ПФДО). Социальный сертификат – это новый механизм системы персонализированного финансирования дополнительного образования детей предоставляет возможность обучения за счет бюджетных средств как в государственных и муниципальных, так и в частных организациях. Услуга оформляется всего один раз на ребенка от 5 до 18 лет и не нуждается в ежегодном подтверждении.

В 2019–2023 гг. в каждом муниципальном образовании Хабаровского края сумма на балансе сертификата была разная и изменялась ежегодно по решению муниципалитета. Например, в Ха-

баровске номинал на секции и кружки с 2020 г. повысился и в 2023 году составлял 18 524 рубля⁹.

В связи с изменением действующего законодательства о социальном заказе с 1 января 2024 г. сертификат стал более удобным в использовании: его баланс выражается не в денежном эквиваленте, а в часах недельной нагрузки по программам дополнительного образования. Система социального заказа работает с натуральными показателями, поэтому в сертификате отражается либо количество доступных человеко-часов (т. е. занятий), либо количество доступных денежных средств для оплаты программы¹⁰.

Как правило, полная стоимость занятий в платных кружках и секциях значительно больше, поэтому родителям приходится оплачивать эту разницу самостоятельно.

Несмотря на принятые новации в бюджетном финансировании персонализированного обучения в системе дополнительного образования, знание о социальном сертификате, равно как и использование его для оплаты кружков и секций, отмечают менее половины опрошенных (табл. 10). Так, лишь около пятой части опрошенных утверждают, что знают о социальном сертификате на дополнительное образование детей (18,2%), а четвертая часть – лишь «что-то слышали» о нем (24,6%), совсем не знают больше половины опрошенных (57,2%). Примерно такая же картина по тем, кто пользовался сертификатом дополнительного

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили материальное положение Вашей семьи?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Материально обеспечены, можем позволить себе дорогостоящий отпуск и/или покупку автомобиля	30,9
Достаточно обеспечены материально, но покупка автомобиля затруднительна	52,7
На еду и одежду хватает, но покупка техники вызывает трудности	13,3
На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды вызывает трудности	1,2
На еду денег хватает, но в других расходах приходится себя ограничивать	1,0
Иногда не хватает денег на необходимые продукты питания	1,0

Источник: составлено авторами по результатам опроса студентов.

⁹ Бесплатные секции для детей на 2023-2024 учебный год в Хабаровске. URL: <https://transsibinfo.com/news/2023-08-15/kak-rebenku-besplatno-poseschat-kruzhki-i-sektsii-v-habarovske-1487676?ysclid=mbj9xf9r356639310>

¹⁰ Федеральный закон «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере» от 13 июля 2020 г. № 189-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357066/

образования для оплаты кружков, секций (44,8%) и не пользовался (44,8%).

Причинами неиспользования социального сертификата для каждого четвертого из десяти опрошенных было отсутствие в желаемых образовательных организациях лицензированных программ обучения, опытных преподавателей, современной материальной базы и др.; для каждого четвертого – не было интересных кружков, секций или места в учреждениях с транспортной доступностью. В меньшей мере в качестве причин непользования сертификатом опрошенные отмечают «ограниченный перечень возможностей для посещения интересующих меня занятий» (11,5%) и «недостаточно финансовых средств для посещения интересующих меня кружков, секций» (3,8%).

Мнения опрошенных студентов о том, насколько востребованными для специальности (направления подготовки), по которой они обучаются в вузе, являются знания, умения и навыки, полученные в

кружках и секциях, разделились примерно в равной пропорции. Востребованными их считают 55,0% опрошенных, невостребованными – 45,0%.

В рейтинге ТОП-5 ответов студентов о том, кто или что в большей степени оказали влияние на их выбор занятий в кружках и секциях во время учебы в школе, лидируют «личные предпочтения, то, чем хотелось заниматься», на второй позиции – «родители», на третьей – «рассказы старших друзей, знакомых», на четвертой – «СМИ, Интернет», на пятой – «учителя». При этом роль таких значимых для выбора занятий в учреждениях дополнительного образования информационных ресурсов как «рассказы старших друзей, знакомых», «СМИ, Интернет» и «учителей», а также профориентационных мероприятий и экскурсий на предприятия и места работы, оценили статистически незначительная доля опрошенных студентов (табл. 12).

В современных условиях образовательное пространство для школьников рас-

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос: «По каким причинам Вы не пользовались сертификатом?» (в %, от числа тех, кто не пользовался сертификатом)

Варианты ответов	%
Его невозможно было использовать в желаемых для меня образовательных учреждениях (из-за отсутствия у них лицензированных программ обучения, опытных преподавателей, современной материальной базы и др.)	42,3
Не было интересных для меня кружков, секций или места в учреждениях с транспортной доступностью	23,1
Ограниченный перечень возможностей для посещения интересующих меня занятий	11,5
Недостаточно финансовых средств для посещения интересующих меня кружков, секций	3,8
Другое	19,2

Источник: составлено авторами по результатам опроса студентов.

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос: «На Ваш взгляд, КТО или ЧТО в большей степени оказали влияние на Ваш выбор занятий в кружках и секциях во время учебы в школе?» (в % от числа опрошенных. По методике опроса можно было дать до 5 ответов)

Варианты ответов	%
1. Личные предпочтения, то, чем хотелось заниматься	63,3
2. Родители	35,7
3. Рассказы старших друзей, знакомых	15,0
4. СМИ, Интернет	12,3
5. Учителя	10,0
6. Местожителство	9,5
7. Возможности трудоустройства в будущем	6,9
8. Результаты профориентационных мероприятий	2,8
9. Экскурсии на предприятия и места работы	1,4

Источник: составлено авторами по результатам опроса студентов.

ширятся в сторону все более активного использования различных цифровых сервисов и средств дистанционной коммуникации. В этом направлении Хабаровский край показывает более быстрое, чем в среднем по Российской Федерации и другим субъектам Дальневосточного федерального округа увеличение общего интегрального индекса цифровизации, что является косвенным подтверждением ее проникновения в социально-экономические процессы. При этом возросло и количество организаций по использованию в своей повседневной деятельности операций по доступу к Интернету [Меркулов, 2024]. Это увеличивает возможности удаленного доступа к образовательным ресурсам и может стать существенным фактором расширения дополнительного образования детей в семьях, которые проживают в сельских и отдаленных населенных пунктах. Это имеет особое значение для регионов Дальнего Востока России.

Анализ доступности к образованию в целом так или иначе связан с его востребованностью на региональном рынке труда, желаниями и намерениями работать здесь по полученной специальности или уехать в центральные регионы и другую страну. По данным опроса студентов Президентской академии в Хабаровске две трети опрошенных студентов планируют после окончания вуза/колледжа работать по получаемой специальности (профессии) (68,3%), каждый восьмой – не планирует (12,8%) и пятая часть – еще не решили (18,9%). При этом половина опрошенных имеют планы уехать в другой регион России, другую страну на постоянное место жительства после окончания вуза/колледжа сменить место жительства (47,4%), четвертая часть – не планируют уехать (26,0%) и такая же доля еще не приняла решение (26,6%). С родных мест, где опрошенные обучались в школе, планируют уехать в центральные регионы страны (Москва, Санкт-Петербург) большинство студентов (46,8%), другая часть – в другую страну (14,7%). Перемещения внутри регионов, городов и поселений Дальнего Востока России планирует четвертая часть опрошенных студентов (23,7%).

Заключение

В последние годы отечественная государственная политика в обеспечении до-

ступности дополнительного образования отличается системным подходом, позволяющим охватить занятиями и кружками большинство детей в муниципальных школах и частных организациях, имеющих лицензированные программы обучения. Определены правовые основы дополнительного образования детей, обеспечивающие социальный механизм его регулирования и развития. С помощью социального сертификата персонифицированного финансирования дополнительного образования осуществляется государственная поддержка семей в обучении детей по их интересам в соответствии с потребностями современного социально-экономического и технологического этапа общественного развития страны и ее регионов. Государством институирована федеральная сеть целевых модельных центров развития региональных систем и муниципальных опорных центров, внедрены региональные навигаторы дополнительного образования детей.

Однако доступность дополнительного образования детей, судя по оценкам студентов управленческого вуза, может быть охарактеризована как неоднозначная по многим параметрам, с заметными различиями в представлениях ее обеспечения во время их обучения в школах. С одной стороны, студенты отмечают наличие различных программ и учреждений, предназначенных для их развития, с другой – выделяют проблемы с содержательной доступностью к интересующим их программам обучения, финансовыми возможностями семей, удаленностью учреждений допобразования от мест своего проживания, а также отсутствием лицензированных программ обучения, опытных педагогов и специалистов. Обеспокоенность вызывает и высокий уровень миграционных намерений студентов после окончания вуза, что косвенно может свидетельствовать о том, что региональная система образования, от дополнительного до профессионального, не способствует их укоренению в местах своей школьной и студенческой юности.

Результаты исследований актуализируют потребность в усилении деятельности региональных органов государственного и муниципального управления по решению сохраняющихся проблем в системе

дополнительного образования детей. Они обусловлены недостаточной эффективностью межведомственного и межуровневого взаимодействия в региональной системе развития дополнительного образования детей; неразвитостью механизмов учета индивидуальных возможностей и потребностей детей на основе обеспечения сбалансированности содержания

и форматов обучения с направлениями социально-экономического развития субъектов Российской Федерации; ограниченной доступностью инфраструктуры дополнительного образования для различных категорий детей (в особенности для детей с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов)¹¹.

Список источников:

1. Абдырахманова, А. Д. Зарубежные и российские практики и подходы к формированию репертуара программ дополнительного образования в школах // Исследователь/Researcher. 2023. № 3 (43). С. 296–318. EDN: RKQJIL
2. Злобин, А. Эксперты оценили расходы россиян на кружки и репетиторов для детей. URL: <https://www.forbes.ru/society/495212-eksperty-ocenili-rashody-rossiana-kruzki-i-repetitorov-dla-detej?ysclid=mb96h2yp2848507927>.
3. Золотарева, А. В., Куличкина М. А., Сеницин И. С. Концепция обеспечения доступности дополнительных общеобразовательных программ // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 6 (105). С. 61–74. EDN: YUIVWP
4. Калачев, А. В. Проблема доступности образования в современной России // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 5 (158). С. 17–21. EDN: MJLOZI
5. Меркулов, П. П. Реализация государственной программы Хабаровского края «Развитие информационного общества в Хабаровском крае» // Молодой ученый. 2024. № 47 (546). С. 80–83. EDN: YLODYF
6. Наумов, А. Л. Социокультурный барьер и доступность дополнительного образования // Образовательная политика. 2022. № 3 (91). С. 84–94. DOI: 10.22394/2078-838X-2022-3-84-94. EDN: VZPHEK
7. Поворина, Е. В. Концепция доступности услуг: теоретические и практические аспекты // Сервис в России и за рубежом. 2010. № 3 (18). С. 115–118. EDN: MYENRF
8. Попов, А. А., Глухов, П. П., Ешматов, Я. А. Доступность дополнительного образования в России: оценка благополучателей и региональная ситуация // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (212). С. 67–83. DOI: 10.23951/1609-624X-2020-6-67-83. EDN: HAARGQ
9. Павленко, К. В., Дементьева, Ю. О. Роль семьи в образовании ребенка: конструирование образовательного пространства и коммуникация со школой: информационный бюллетень // Мониторинг экономики образования. – М. : НИУ ВШЭ, 2022, № 5 (22). С. 52. RL: [https://www.hse.ru/data/2022/04/04/1799423634/ib_5\(22\)_2022.pdf](https://www.hse.ru/data/2022/04/04/1799423634/ib_5(22)_2022.pdf).
10. Сафонова, П. Н., Шамрай, И. Н. Современная система дополнительного образования детей: особенности, стратегии, тенденции // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 4 (96). С. 158–171. DOI: 10.24412/1997-0803-2020-10415. EDN: GPNYWC
11. Skilbeck, M., Connell, H. Access and Equity in Higher Education: An International Perspective on Issues and Strategies. – HEA, Dublin. 2000.

References:

1. Abdyrakhmanova, A. D. (2023) Foreign and Russian Practices and Approaches to Forming the Repertoire of Additional Education Programs in Schools *Issledovatel'* [Researcher], no. 3 (43), pp. 296–318. EDN: RKQJIL(in Russ.).
2. Zlobin, A. Experts have estimated the expenses of Russians on clubs and tutors for their children. URL: <https://www.forbes.ru/society/495212-eksperty-ocenili-rashody>

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 31 марта 2022 г. N 678-р «Об утверждении Концепции развития дополнительного образования детей до 2030 г. и плана мероприятий по ее реализации»/ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403709682/#review>

rossian-na-kruzki-i-repetitorov-dla-detej?ysclid=mb96h2yp2848507927 (in Russ.).

3. Zolotareva, A. V., Kulichkina, M. A. and Sinitsyn, I. S. (2018) The Concept of Ensuring Accessibility of Additional General Education Programs *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], no. 6 (105), pp. 61–74. EDN: YUIVWP (in Russ.).

4. Kalachev, A. V. (2021) The Problem of Education Accessibility in Modern Russia *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University], no. 5 (158), pp. 17–21. EDN: MJLOZI (in Russ.).

5. Merkulov, P. P. (2024) Implementation of the Khabarovsk Krai State Program “Development of the Information Society in the Khabarovsk Krai” *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], no. 47 (546), pp. 80–83. EDN: YLODYF (in Russ.).

6. Naumov, A. L. (2022) Sociocultural barrier and the availability of additional education *Obrazovatel'naya politika* [Educational policy], no. 3 (91), pp. 84–94. DOI: 10.22394/2078-838X-2022-3-84-94. EDN: VZPHEK (in Russ.).

7. Povorina, E. V. (2010) The Concept of Service Accessibility: Theoretical and Practical Aspects *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and Abroad], no. 3 (18), pp. 115–118. EDN: MYEHRF (in Russ.).

8. Popov, A. A., Glukhov, P. P. and Eshmatov, Ya. A. (2020) Availability of Additional Education in Russia: Assessment of Beneficiaries and the Regional Situation *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], no. 6 (212), pp. 67–83. DOI: 10.23951/1609-624X-2020-6-67-83. EDN: HAARGQ (in Russ.).

9. Pavlenko, K. V., Dementieva, Yu. O. (2022) The role of the family in a child's education: designing an educational space and communicating with the school: an information bulletin *Monitoring ekonomiki obrazovaniya* [Monitoring the Economics of Education] Moscow: Higher School of Economics, no. 5 (22), p. 52. URL: [https://www.hse.ru/data/2022/04/04/1799423634/ib_5\(22\)_2022.pdf](https://www.hse.ru/data/2022/04/04/1799423634/ib_5(22)_2022.pdf) (in Russ.).

10. Safonova, P. N., Shamrai, I. N. (2020) The Modern System of Children's Additional Education: Features, Strategies, and Trends *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], no. 4 (96), pp. 158–171. DOI: 10.24412/1997-0803-2020-10415. EDN: GPNYWC (in Russ.).

11. Skilbeck M., Connell H. (2000) Access and Equity in Higher Education: An International Perspective on Issues and Strategies. – HEA, Dublin.

Статья поступила в редакцию 02.04.2025; одобрена после рецензирования 19.05.2025; принята к публикации 21.05.2025.

The article was submitted 02.04.2025; approved after reviewing 19.05.2025; accepted for publication 21.05.2025.

Информация об авторах

Н. М. Байков – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

К. И. Спека – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

N. M. Baykov – Doctor of Sociological Sciences, Professor, the Russian Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА;

K. I. Speka – Postgraduate student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья
УДК 613:303.5(571.6)
<https://elibrary.ru/KFOCHQ>

Информированность населения о здоровьесбережении (социологический аспект на примере города Хабаровска)

Ирина Анатольевна Гареева¹, Александр Денисович Шенцов²

^{1,2} Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

¹ gar_ia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3764-7073>

² 013455@togudv.ru

Аннотация. *Статья посвящена проблеме информированности населения и ее влияния на формирование установок и поведенческих стратегий в сфере здоровьесбережения. Актуальность темы обусловлена необходимостью снижения социально-экономических рисков, связанных с ухудшением здоровья населения, и переходом от сугубо медицинской парадигмы к комплексному междисциплинарному подходу, в котором особое значение приобретают уровень знаний, информированность и вовлеченность граждан в вопросы здоровьесбережения. Раскрываются теоретические основания понятия «здоровьесбережение», актуализируется значимость информационного фактора, влияющего на принятие решений в пользу здорового образа жизни, участия в профилактических мероприятиях, обращения за своевременной медицинской помощью. Понятие «информированность» интерпретируется как совокупность знаний и представлений, доверия к источникам информации, а также как индикатор готовности к самосохранительному поведению. Особое внимание уделено источникам получения сведений о здоровье, включая официальные медицинские каналы, СМИ, образовательные и корпоративные программы. На основе социологического опроса, проведенного среди жителей города Хабаровска, выявлены актуальные поведенческие типы, уровень осведомленности и степень применения полученных знаний на практике. Выявлены факторы, препятствующие внедрению здоровьесберегающих установок, включая недоверие к информации, низкую мотивацию и слабую доступность программ профилактики. Делается вывод о необходимости развития региональной информационно-коммуникационной политики в сфере общественного здоровья, направленной на расширение каналов достоверного информирования в вопросах здоровьесбережения, повышения уровня осознанности и формирования устойчивой культуры самосохранительного поведения. Результаты исследования могут быть использованы при формировании и актуализации региональных программ профилактики и укрепления здоровья населения.*

Ключевые слова: *здоровьесбережение, информированность населения, самосохранительное поведение, здоровье как социальная категория, социология здоровья*

Для цитирования: Гареева И. А., Шенцов А. Д. Информированность населения о здоровьесбережении (социологический аспект на примере города Хабаровска) // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 2 (111). С. 90–102. EDN: KFOCHQ

Awareness of the population about health care (a sociological aspect on the example of the Khabarovsk Territory)

Irina A. Gareeva¹, Alexander D. Shentsov²

^{1,2}The Pacific State University, Khabarovsk, Russia

¹ gar_ia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3764-7073>

² 013455@togudv.ru

Abstract. *The article addresses the issue of public awareness and its impact on the formation of attitudes and behavioral strategies in the field of health preservation. The relevance of the topic is driven by the need to reduce socio-economic risks associated with the deterioration of public health and the transition from a purely medical paradigm to a comprehensive interdisciplinary approach, in which the level of knowledge, awareness, and citizen engagement in health-related issues plays a crucial role. Theoretical foundations of the concept of “health preservation” are explored, emphasizing the importance of the informational factor in making decisions in favor of a healthy lifestyle, participating in preventive measures, and seeking timely medical care. The concept of “awareness” is interpreted as a combination of knowledge, beliefs, trust in information sources, and as an indicator of readiness for health-preserving behavior. Special attention is given to sources of health information, including official medical channels, mass media, educational and corporate programs. Based on a sociological survey conducted among residents of Khabarovsk, current behavioral patterns, levels of awareness, and the degree of practical application of acquired knowledge are identified. Factors hindering the adoption of health-preserving practices—such as distrust of information, low motivation, and limited accessibility of preventive programs—are also revealed. The article concludes with the need to develop a regional information and communication policy in the field of public health aimed at expanding reliable health information channels, increasing public awareness, and fostering a sustainable culture of health-preserving behavior. The findings can be used in the development and refinement of regional programs for disease prevention and health promotion.*

Keywords: *health preservation, public awareness, self-preserving behavior, health as a social construct, sociology of health, Khabarovsk, sociological survey*

For citation: Gareeva, I. A., Shentsov, A. D. (2025) Awareness of the population about health care (a sociological aspect on the example of the Khabarovsk Territory) *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (111), pp. 90–102. EDN: KFOCHQ

Введение

Современное российское общество сталкивается с рядом вызовов, затрагивающих не только экономические и демографические параметры, но и общее состояние здоровья населения. Понятие «здоровьесбережение» рассматривают как: систему мер, направленных на улучшение здоровья людей различных воз-

растных групп, личностное восприятие человеком своего здоровья, программу сбережения здоровья и истинное понимание духовных ценностей здоровья и жизни¹. Исследование здоровья и здоровьесбережения сквозь призму классических социологических теорий и отечественных исследований показывает, что в современных условиях здоровье утра-

¹ Пивненко П. П., Витенко Н. П. Здоровьесбережение как объект отечественных педагогических диссертационных исследований: библиометрический анализ // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdoroviesberezhenie-kak-obekt-otechestvennyh-pedagogicheskikh-dissertatsionnyh-issledovaniy-bibliometricheskij-analiz>

чивает статус исключительно медицинской категории и становится важнейшим индикатором социальной стабильности и безопасности. В условиях глобальных рисков и ускоряющихся социальных изменений здоровье всё более отчётливо выступает неотъемлемой частью социального капитала человека, определяющего его шансы на успешную социализацию, профессиональную реализацию и участие в общественной жизни.

Актуальность данной проблемы обуславливается рядом масштабных государственных инициатив. В частности, в рамках национального проекта «Демография» был запущен федеральный проект «Укрепление общественного здоровья», предполагающий формирование новых поведенческих норм и установок через информирование, развитие инфраструктуры для ведения здорового образа жизни (далее – ЗОЖ), профилактические кампании и координацию действий на межведомственном уровне. В дополнение к нему в 2023 г. был инициирован федеральный проект «Здоровье для каждого», направленный на предупреждение и раннее выявление наиболее распространённых хронических неинфекционных заболеваний, таких как сердечно-сосудистые, онкологические и диабетические патологии. Реализация данного проекта осуществляется посредством регулярных профилактических осмотров населения, популяризации отказа от вредных привычек, проведения широкомасштабных просветительских программ и формирования культуры диспансеризации, что способствует повышению уровня информированности граждан о состоянии собственного здоровья и необходимости его постоянного контроля². Одним из ключевых направлений проекта выступает формирование у населения устойчивых самосохранительных практик, которые рассматри-

ваются не только как элемент индивидуальной ответственности человека за своё здоровье, но и как важный социальный ресурс, напрямую влияющий на демографическую ситуацию, трудовой потенциал страны и общую продолжительность жизни населения. Включение подобных инициатив в государственную повестку подчёркивает институционализацию концепции здоровьесбережения, которая на современном этапе перестаёт быть исключительно прерогативой системы здравоохранения и превращается в приоритетное направление межведомственного взаимодействия, охватывающее сферы образования, социальной политики, культуры и средств массовой информации. В «Стратегии развития здравоохранения Российской Федерации на период до 2025 года» подчёркивается необходимость системного смещения акцента с лечебной парадигмы на профилактическую, что предполагает не только модернизацию инфраструктуры здравоохранения и совершенствование механизмов финансирования профилактических мероприятий, но и глубокую трансформацию общественного сознания, формирование у граждан ценностных ориентиров на здоровье как на важнейший фактор качества жизни и активного долголетия³. Таким образом, реализация проекта «Здоровье для каждого» является логическим продолжением государственной политики в области здоровьесбережения и отвечает мировым тенденциям в сфере охраны здоровья населения. Повышение информированности граждан, развитие самосохранительных моделей поведения, раннее выявление и профилактика заболеваний – всё это должно привести к снижению заболеваемости, увеличению продолжительности жизни и формированию устойчивой мотивации к поддержанию собственного здоровья.

Отдельного внимания заслуживают

² Паспорт национального проекта «Демография» // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. 2019. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programs/demography> (дата обращения: 10.04.2025).

³ Приказ Минздрава России от 15.01.2020 № 8 «Об утверждении Стратегии формирования здорового образа жизни населения... на период до 2025 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344362/ (дата обращения: 10.04.2025).

цифровые инициативы, направленные на здоровьесбережение в массовом масштабе. Например, федеральный проект «Будь здоров» предлагает цифровую платформу с персонализированными рекомендациями по ЗОЖ, тестами и чек-листами привычек. В Москве функционирует мобильное приложение «Здоровье Москвы», включающее функции контроля активности, записи на профилактические приёмы и ведения «дневника здоровья»⁴.

На примере г. Хабаровска также демонстрируется формирование культуры здоровья у населения через систему здравоохранения при реализации проекта Центра здоровья при Краевом консультативно-диагностическом центре «Вивея»⁵. Проект представляет собой современное профилактическое учреждение, функционирующее в рамках системы обязательного медицинского страхования. Основная цель деятельности центра заключается в раннем выявлении факторов риска развития хронических заболеваний и формировании у населения устойчивой мотивации к ведению здорового образа жизни. В структуре центра реализуются комплексные скрининговые программы, включающие оценку физиологических показателей (показатели сердечно-сосудистой системы, дыхательной функции, уровня глюкозы и холестерина, антропометрических данных), психофизиологическую диагностику, а также консультации профильных специалистов. Все обследования проводятся бесплатно один раз в год, что делает их максимально доступными для различных социальных и возрастных групп. Пример деятельности Центра здоровья при Краевом консультативно-диагностическом центре «Вивея» наглядно демонстрирует практическое воплощение концепции здоровьесбережения в современных условиях. Во-первых, работа центра иллюстрирует реализацию многоуровневой структуры субъектов здоровьесбережения, описанной в исследова-

ниях Г. Ф. Булатовой: государство обеспечивает нормативную и финансовую базу через систему обязательного медицинского страхования (ОМС), медицинская организация предоставляет инфраструктуру и доступ к профилактическим услугам, а индивид, в свою очередь, активно вовлекается в мониторинг собственного здоровья и формирует установки на самосохранительное поведение. Во-вторых, функционирование центра показывает, что здоровьесбережение выходит за рамки узко медицинской помощи и становится элементом повседневной жизни населения через регулярные скрининги, консультации, образовательные мероприятия и индивидуальные рекомендации. Это способствует снижению барьеров в обращении за профилактическими услугами и формирует культуру ответственного отношения к собственному здоровью. Таким образом, пример Центра здоровья «Вивея» подтверждает, что успешная реализация принципов здоровьесбережения требует согласованной работы всех субъектов – государства, медицинских учреждений и самих граждан. Это демонстрирует переход от реактивной модели здравоохранения, ориентированной на лечение заболеваний, к проактивной и профилактической парадигме, где ключевое значение приобретает формирование самосохранительных практик и повышение информированности населения. Следует отметить, что несмотря на наличие институциональной базы и государственной поддержки, на уровне массового сознания термин «здоровьесбережение» остаётся во многом неосмысленным или редуцированным до узкого набора привычек. В ряде случаев он отождествляется с физической активностью, правильным питанием, без учёта его психологической и социальной составляющей. Это указывает на слабую распространённость глубоких понятийных установок, связанных с личной ответственностью за здоровье

⁴ Паспорт регионального проекта «Здоровье для каждого». URL: <https://minzdrav.krasnodar.ru/activity/natsionalnyy-proekt/natsionalnyy-proekt-prodolzhitel'naya-i-aktivnaya-zhizn/383130> (дата обращения: 19.04.2025).

⁵ Центр здоровья. КГБУЗ КДЦ «Вивея». Режим доступа: <https://viveya.medkhv.ru/department/centr-zdorovya>, свободный. (дата обращения: 11.04.2025.)

и внутренней мотивацией к профилактическому поведению [Булатова, 2019]. Следовательно, возникает необходимость изучения вопросов, насколько осознанно воспринимается понятие «здоровьесбережение», какие источники информации преобладают, и какие факторы способствуют или препятствуют формированию устойчивых практик.

Особый интерес представляет исследование различий между декларативным знанием о здоровом образе жизни и реальными практиками здоровьесбережения. Также важно проанализировать, насколько эффективно функционирует государственная система информирования и профилактики, и в какой мере она влияет на трансформацию личных стратегий.

В рамках анализа здоровьесбережения важную роль играет выделение ключевых индикаторов, которые позволяют оценить эффективность профилактических программ и определить степень вовлеченности различных субъектов – государства, медицинских организаций, работодателей и самих граждан. Прежде всего среди таких индикаторов выделяются медико-демографические показатели: уровень общей и ожидаемой продолжительности жизни, младенческая и материнская смертность, заболеваемость хроническими неинфекционными заболеваниями, а также смертность от предотвратимых причин. Эти данные позволяют проследить конечные результаты здоровьесберегающих практик и выявить наиболее уязвимые группы населения. Наряду с этим важное значение имеют показатели профилактической активности, такие как доля граждан, прошедших диспансеризацию или скрининговые обследования, уровень охвата вакцинацией и участие в специализированных программах раннего выявления заболеваний. Эти индикаторы демонстрируют, насколько система здравоохранения и население ориентированы на предупреждение болезней, а не только на их лечение. Не менее значимым аспектом являются социально-поведенческие индикаторы, отражающие уровень сформированности у населения само-

сохранительных установок и привычек. К ним можно отнести распространённость регулярной физической активности, соблюдение принципов здорового питания, отказ от вредных привычек, снижение уровня факторов риска, таких как ожирение или хронический стресс. Отдельное внимание следует уделить информированности населения о состоянии собственного здоровья и доступности профилактических услуг. Завершает эту систему группа экономических и институциональных индикаторов, которые позволяют оценить степень организационной поддержки здоровьесбережения со стороны государства и работодателей. В их число входят объёмы государственных расходов на профилактику и охрану здоровья в общей структуре финансирования здравоохранения, наличие корпоративных программ по охране труда и поддержке здоровья сотрудников, а также доступность соответствующей инфраструктуры – центров здоровья, спортивных и фитнес-объектов, клубов здоровья. В совокупности эти индикаторы дают целостное представление о том, как здоровьесбережение реализуется в конкретной социальной среде, какие ресурсы и механизмы задействованы для формирования самосохранительного поведения граждан и позволяют выявить точки роста для совершенствования профилактической политики на региональном и национальном уровнях.

На основании вышеперечисленного, авторами сформирована цель исследования: изучить степень информированности граждан о сущности здоровьесбережения и проанализировать ключевые барьеры и мотивации, определяющие повседневное отношение к здоровью. Исследование включает: выявление источников информации, оценку глубины понятийных представлений, определение социальных и личностных препятствий, затрудняющих реализацию самосохранительного поведения, а также изучение роли социальных институтов в продвижении соответствующих норм.

Также в рамках исследования перед авторами стояли следующие задачи:

определить уровень информированности населения города Хабаровска о принципах здорового образа жизни и мерах здоровьесбережения;

проанализировать источники информации, из которых респонденты узнают о здоровье и профилактике заболеваний (СМИ, соцсети, учреждения здравоохранения и др.);

выявить мотивационные и поведенческие барьеры, препятствующие применению знаний о здоровом образе жизни на практике;

оценить степень доверия к различным каналам и субъектам коммуникации, передающим информацию о здоровье (врачи, госструктуры, блогеры и др.);

исследовать взаимосвязь между уровнем информированности и готовностью к самосохранительному поведению (обращение к врачам, профилактика, спорт и др.);

сформулировать рекомендации по улучшению информационно-коммуникативной политики в сфере здоровьесбережения на региональном уровне.

Таким образом, сдвиг от традиционного медицинского подхода к поведенческим стратегиям здоровьесбережения отражает глубокие изменения в представлениях о природе здоровья как социально и поведенческой детерминированной категории. Возрастающее внимание к формированию устойчивых практик, ориентированных на профилактику, осознанное поведение и личную ответственность за состояние здоровья, обусловлено не только эпидемиологическими вызовами, но и необходимостью повышения эффективности систем здравоохранения в условиях ограниченных ресурсов.

Методология исследования

Современная социология рассматривает здоровье не как сугубо биомедицинскую характеристику, а как многоуровневый социальный феномен, формируемый через систему ценностей, социальных норм, ожиданий и институциональных практик. Уже Эмиль Дюркгейм указывал на то, что здоровье и девиации (например, самоубийства) зависят от уровня социальной интеграции и аномии. Макс Вебер связал здо-

ровье с понятием «жизненных шансов», подчёркивая, что доступ к медицинской помощи, образованию и питанию неравномерно распределён между классами. Это создало основу для социологии здоровья как анализа структурного неравенства [Вебер, 1990]. Согласно Толкотту Парсонсу, здоровье – это не просто телесное состояние, а социальная роль. В его теории «больничной роли» больной имеет право на освобождение от социальных обязанностей, но одновременно – обязан принять лечение и стремиться к выздоровлению. Это показывает, что здоровье встроено в систему социального контроля [Евсеева, 2011]. Позднее Пьер Бурдьё углубил эту логику, вводя понятие габитуса – системы устойчивых установок и телесных практик, воспроизводимых в разных классах. Здоровье в этой модели – элемент символического капитала, с помощью которого определённые группы демонстрируют принадлежность к «успешному» слою общества. Например, ЗОЖ-практики, фитнес, правильное питание и регулярные проверки – это не просто про здоровье, а про социальный статус. Здоровьесбережение в этой логике понимается как институционализируемая система поддержания «нормального» состояния тела и поведения. Мишель Фуко утверждал, здоровьесбережение – это часть биовласти (управления населением не через принуждение, а через нормы и заботу). Вакцинация, диспансеризация, программы ЗОЖ – это одновременно и проявление заботы, и инструмент дисциплинирования. Власть действует не запретами, а через культуру здоровья, в которую должен «встроиться» каждый [Аласания, 2018]. В условиях глобальных угроз (пандемия, климат, миграции) здоровье начинает восприниматься не только как индивидуальный ресурс, но и как ключевой элемент социальной безопасности. Согласно Ульриху Беку, мы живём в обществе риска, где каждый должен управлять своей уязвимостью. Болезнь – это не только медицинский случай, но и социальный стресс, который может повлиять на карьеру, доступ

к ресурсам и даже репутацию. Здоровье становится объектом постоянной социальной тревожности и самоконтроля. Как подчёркивает Зигмунт Бауман, в «жидком» обществе постмодерна каждый обязан конструировать свою нормальность – быть «успешным», «в форме», «позитивным». Болезнь становится чем-то маргинальным, вытесняемым. В российском социологическом поле значительный вклад внес И. А. Гундаров, который предложил рассматривать здоровье как интегральный социальный показатель, отражающий качество жизни, уровень неравенства и доверие к институтам [Гундаров, 2017]. А. А. Шабунова и В. Н. Максимова акцентировали внимание на институциональной роли государства в формировании культуры здоровьесбережения, предлагая комплексные региональные индексы здоровья [Шабунова, 2012]. Таким образом, здоровье – это не медицинская абстракция, а категория социологической значимости. Оно репрезентирует положение человека в обществе, отражает его доступ к капиталам (социальному, экономическому, культурному) и уровень включенности в социальные институты. Здоровьесбережение – это институционально закреплённая практика воспроизводства нормы тела и поведения, которая зависит от множества факторов: классовой позиции, региона проживания, уровня цифровой грамотности, медиадоступа. Исследование здоровья и здоровьесбережения сквозь призму классических социологических теорий и отечественных исследований показывает, что в современных условиях здоровье утрачивает статус исключительно медицинской категории и становится важнейшим индикатором социальной стабильности и безопасности. В условиях глобальных рисков и ускоряющихся социальных изменений здоровье всё более отчётливо выступает неотъемлемой частью социального капитала человека, определяющего его шансы на успешную социализацию, профессиональную реализацию и участие в общественной жизни.

В отличие от классического понятия

«здоровоохранение», которое трактуется как совокупность институтов и мероприятий по лечению и медицинскому обслуживанию, концепция здоровьесбережения подразумевает участие самого человека в формировании и поддержании своего здоровья [Антонова, Меренков, 2019]. Это включает в себя не только отказ от вредных привычек и соблюдение элементарных правил ЗОЖ, но и осознанное поведение, ориентированное на минимизацию рисков, профилактику заболеваний, регулярное медицинское наблюдение и заботу о психоэмоциональном состоянии. Таким образом, здоровьесбережение охватывает не только физиологический, но и социокультурный и поведенческий уровень функционирования личности в обществе [Муртазина, 2018].

Следует отметить, что в российской практике термин часто сводится к сфере образования, в то время как он должен быть признан как ценность государственного, социального и производственного порядка [Ваторопина, 2017].

М. Д. Петраш и И. Р. Муртазина определяют ЗОЖ как «концентрированное выражение взаимосвязи образа жизни и здоровья человека», подчёркивая, что это стратегическая цель, обеспечивающая гармонию жизни. Также они отмечают, что в зарубежной психологии к ЗОЖ относят комплекс действий: физическая активность, сбалансированное питание, отказ от вредных привычек, посещение врача, вакцинация и пр. Опираясь на понятие «здоровье», предложенное Всемирной организацией здравоохранения (далее – ВОЗ), авторы предлагают понятие здорового образа жизни: ЗОЖ – это «поведение, направленное на поддержание и укрепление здоровья в условиях взаимодействия с окружающей средой (социальные, социально-экономические, экологические факторы)». Понятие самосохранительного поведения авторы формулируют как «система действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла, на продление срока жизни». В зарубежных и отечественных исследованиях акцент делается на

профилактике травм, отказе от вредных привычек, соблюдении медицины, профилактики и гигиены. В социологическом подходе это определяется как социальное поведение, включающее сознательные действия по сохранению здоровья в биологических, психологических и социальных отношениях и рассматривается как «сознательная система действий и взаимоотношений, которые в значительной мере определяют качество здоровья и продолжительность жизни» [Муртазина, Петраш, 2018].

Важно отметить, что здоровье трактуется как фактор человеческого капитала, влияющий на трудовую и социальную активность, демографические процессы и уровень национального благосостояния [Винокурова, Гриценко, 2023]. Следовательно, переход от системы охраны здоровья к системе здоровьесбережения становится неотъемлемым условием устойчивого развития современного общества.

Понятие здоровьесбережения в современной научной и практической повестке приобретает всё большую значимость как междисциплинарный конструкт, объединяющий поведенческие, институциональные и государственно-стратегические компоненты. Согласно Г. Ф. Булатовой, здоровьесбережение рассматривается как комплексное взаимодействие субъектов управления общественным здоровьем, направленное на сохранение и укрепление здоровья населения. В таком контексте оно охватывает не только медицинскую помощь, но и профилактику, охрану труда, формирование личной мотивации и создание условий для здоровой жизни. Особый акцент делается на многоуровневой структуре субъектов здоровьесбережения:

индивид реализует самосохранительное поведение: на индивидуальном уровне здоровьесбережение проявляется через реализацию самосохранительного поведения, которое включает осознанный выбор в пользу здорового образа жизни,

регулярные профилактические обследования, соблюдение норм труда и отдыха, отказ от вредных привычек. Существенную роль играют личная мотивация и уровень информированности человека, что делает необходимым развитие просветительских и образовательных программ. Индивид выступает не пассивным объектом системы здравоохранения, а активным субъектом, принимающим решения, влияющим на собственное здоровье и продолжительность жизни;

государство через политику и систему здравоохранения создает нормативную и инфраструктурную базу. Это включает разработку стратегий и программ (например, национальные проекты «Здоровье», «Демография»), финансирование профилактических мероприятий, формирование инфраструктуры (поликлиники, диспансеры, центры здоровья), контроль за санитарно-эпидемиологическим благополучием, разработку стандартов охраны труда и профилактики профессиональных заболеваний. Также государство формирует нормативную базу для взаимодействия с работодателями и гражданами, стимулируя развитие корпоративных программ и общественных инициатив⁶;

работодатель участвует через корпоративные программы и охрану труда: работодатель занимает промежуточную позицию между государством и индивидом, обеспечивая непосредственную реализацию здоровьесберегающих практик на рабочем месте. Это включает меры по охране труда, создание безопасных и комфортных условий труда, организацию профилактических медосмотров и вакцинации, реализацию корпоративных программ по фитнесу, психологической поддержке сотрудников, борьбе со стрессом и профессиональным выгоранием. Современные работодатели всё чаще рассматривают инвестиции в здоровье сотрудников как вклад в повышение производительности труда и снижение текучести кадров [Улумбекова, Прохоренко, 2019].

⁶ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 01.03.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025-federalnyy-zakon-323-fz-ot-21-noyabrya-2011-g> (дата обращения: 10.04.2025).

Таким образом, концепция здоровьесбережения в интерпретации Г. Ф. Булатовой подчёркивает его многоуровневый и межсекторный характер. Эффективная система сохранения и укрепления здоровья возможна лишь при тесном взаимодействии всех трёх субъектов – индивида, государства и работодателя – каждый из которых выполняет взаимодополняющие функции. В совокупности эти уровни формируют устойчивую архитектуру здоровьесбережения, что особенно актуально в условиях роста хронических заболеваний, старения населения и новых глобальных угроз. Практическая реализация этой модели требует постоянного мониторинга, координации и поддержки всех заинтересованных сторон, а также учёта региональных и социально-экономических особенностей [Булатова, 2023].

Эмпирическая база исследования

В рамках количественного описательного подхода проведён онлайн-опрос среди жителей города Хабаровска. Объектом исследования выступили лица в возрасте от 18 лет и старше. Размер выборки составил 716 человек. Выборка сформирована по принципу случайной доступности, без предварительной стратификации по полу, возрасту или другим признакам, что ограничивает возможность репрезентативного обобщения результатов. Данные позволяют получить сведения о текущем состоянии информированности и установок по отношению к здоровьесбережению в городской среде. Для сбора информации использовалась авторская анкета, включающая 17 закрытых и 1 открытый вопрос, сгруппированных по следующим тематическим блокам:

социально-демографические характеристики;

самооценка здоровья и образа жизни;
профилактика и вредные привычки;
психоэмоциональное состояние;
источники информации и мотивация.

Открытые ответы анализировались методом тематического контент-анализа. Все данные обрабатывались с соблюдением принципов анонимности и добровольности участия. Полученные данные подлежат количественной обработке с

использованием стандартных методов описательной статистики. Качественные ответы из открытого вопроса анализировались методом контент-анализа с выделением ключевых тем и мотивов. Таким образом, предложенная методология позволяет выявить не только уровень информированности населения о здоровьесбережении, но и соотнести эти знания с фактическими практиками, барьерами и установками, что даёт целостное представление о состоянии здоровьесберегающей культуры в региональном контексте.

На первом этапе анализа были рассмотрены ключевые социально-демографические характеристики участников опроса: возраст, пол и род деятельности.

Результаты исследования

Субъективная оценка здоровья (установлено, что 36,1% респондентов считают своё самочувствие хорошим, а 42,7% – удовлетворительным) говорит о наличии позитивной субъективной установки на здоровье. Однако при достаточно позитивных оценках здоровья 45,6% респондентов заявили о наличии хронических заболеваний, что свидетельствует о существенном разрыве между ощущением и реальным состоянием здоровья. Это может быть следствием низкой медицинской осведомлённости, адаптации к хроническому состоянию как к «норме» или сознательного избегания проблемы. Данная особенность формирует риск снижения мотивации к профилактике и откладывания обращения за медицинской помощью, особенно если симптомы не доставляют явного дискомфорта. В результате значительная часть населения потенциально переоценивает своё здоровье, недооценивая потребность в регулярных обследованиях и изменении образа жизни. Физическая активность – один из ключевых маркеров самосохранительного поведения. В исследовании только 17,2% респондентов отметили, что занимаются спортом ежедневно, что свидетельствует о наличии устойчивой привычки лишь у незначительной части опрошенных. Большинство (55,6%) занимаются спортом 1–4 раза в неделю, что формально соответствует рекомендациям ВОЗ, однако не всегда обеспечивает

стабильный эффект, особенно при нерегулярности и малой интенсивности. При этом треть респондентов (27,2%) либо вообще не занимаются, либо делают это крайне редко, что говорит о существующих барьерах, таких как нехватка времени, отсутствие мотивации, инфраструктурных ограничений, а также неосознанности связи между физической активностью и качеством жизни. Таким образом, несмотря на достаточную популяризацию спорта, он по-прежнему остаётся для многих не приоритетом, а факультативной практикой.

Результаты опроса демонстрируют, что регулярные профилактические медосмотры проходят лишь 20,1% респондентов. Большая часть либо делает это нерегулярно (46,7%), либо игнорирует вовсе (33,2%). Это подтверждает тот факт, что среди населения пока отсутствует устойчивая культура профилактики и ранней диагностики заболеваний. Сказывается и низкое доверие к системе здравоохранения, и страх «услышать плохой диагноз», и нехватка времени у работающего населения. Кроме того, многие связывают поход к врачу исключительно с появлением жалоб, игнорируя профилактику как ключевой элемент здоровьесбережения. Слабая вовлеченность в профилактические программы тормозит эффективность государственных проектов, таких как диспансеризация, и требует усиления просветительских и мотивационных стратегий.

Результаты опроса продемонстрировали отношение населения к базовым практикам здоровьесбережения. Так, только 21,6% респондентов сообщили, что полностью отказались от употребления алкоголя и табака. Остальные 78,4% потребляют их в разной степени: 27,8% – регулярно, 50,6% – эпизодически. Это указывает на глубокую нормализацию вредных привычек в общественном сознании и культуре. Причины алкоголь-потребления могут варьироваться от традиционного отношения к алкоголю в России, до использования алкоголя как способа снятия стресса, недостатка досуговых альтернатив или низкой осве-

домлённости о последствиях употребления. При этом даже те, кто употребляет нерегулярно, находятся в зоне риска, поскольку эпизодическое потребление также вносит вклад в ухудшение здоровья. Следовательно, усилия государства по борьбе с вредными привычками не могут ограничиваться запретительными мерами – требуются поведенческие интервенции, поддерживающие долгосрочные изменения образа жизни.

Только 21,4% респондентов утверждают, что хорошо понимают, что означает термин «здоровьесбережение». Так, 36,5% – слышали, но не уверены в значении, 42,1% – не знакомы вовсе. Это демонстрирует, что понятийное поле до сих пор не внедрено в массовое сознание, несмотря на частое употребление термина в научных, медицинских и образовательных кругах. Такая терминологическая размытость снижает эффективность информационной политики и делает невозможным осознанное участие в здоровьесберегающих практиках.

Заключение

Таким образом, в рамках представленного исследования удалось комплексно рассмотреть проблему влияния информированности населения на формирование установок и поведенческих стратегий в сфере здоровьесбережения. Раскрыты теоретические основания понятия «здоровьесбережение» и значимость информационного фактора в мотивации граждан к самосохранительному поведению. На основе эмпирического исследования проанализированы источники получения информации, уровень доверия к ним, а также степень практического применения полученных знаний жителями города Хабаровска. Особое внимание уделено выявлению барьеров, препятствующих формированию устойчивых здоровьесберегающих установок. Выводы подтвердили актуальность развития региональной информационно-коммуникационной политики в сфере общественного здоровья. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования профилактических стратегий и повышения эффективности программ укрепления здоровья на

региональном уровне. Результаты опроса свидетельствуют о слабой включённости населения в регулярные самосохранительные действия и недостаточной информированности о самом понятии «здоровьесбережение». Несмотря на государственные инициативы в данной сфере, понятие «здоровьесбережение» по-прежнему воспринимается респондентами отрывочно и не интегрировано в их повседневный опыт.

В условиях усиления поведенческих и социальных детерминант здоровья становится необходимым пересмотр инструментов профилактики на уровне государства, образовательных учреждений и местных сообществ. Переход от медицинской к поведенческой модели требует соответствующих организационных и информационно-коммуникационных решений, в том числе специальных институтов, направленных на информированность населения о необходимости соблюдения практик здоровьесбережения.

В этой связи представляется целесообразным предложить следующие направления развития для повышения информированности граждан:

создание и развитие имеющихся центров здоровья на базе медицинских учреждений;

проведение масштабных информационных кампаний в соцсетях и на телеви-

дении;

разработка школьных и вузовских программ по формированию культуры здоровья;

внедрение цифровых платформ для самодиагностики и отслеживания ЗОЖ-активности;

партнёрские проекты с работодателями по корпоративному здоровьесбережению;

публикация простых и наглядных памяток, инфографики, подкастов и видео, касающихся вопросов сохранения здоровья;

создание мобильных пунктов профилактики (в торговых центрах, на фестивалях, в парках);

развитие программ мотивации к ЗОЖ (например, бонусы за количество шагов за день или диспансеризацию);

поддержка НКО и волонтеров, занимающихся просвещением в области здоровья;

акцент на борьбу с фейками и медицинской дезинформацией в Интернете.

Таким образом, комплексная реализация данных направлений может способствовать необходимому информированию населения о практиках здоровьесбережения, формированию устойчивой культуры здоровьесбережения, снижению поведенческих рисков и укреплению ресурсного потенциала здоровья населения.

Список источников:

1. Муртазина, И. Р. Самосохранительное поведение, качество жизни и предпочитаемые копинг-стратегии мужчин и женщин в период ранней взрослости // Пензенский психологический вестник. 2018. № 1. С. 91–93, DOI: 10.17689/psy-2018.1.6, EDN: USDXYX

2. Антонова, Н. А., Меренков, А. В. Культура здоровьесбережения студенческой молодежи: противоречия становления и развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 2. С. 91–92, EDN: WHFWNB.

3. Булатова, Г. Ф. Трансформация системы здравоохранения Российской Федерации в систему здоровьесбережения : диссертация. С. 25–33, URL: <https://www.dissercat.com/content/transformatiya-sistemy-zdravookhraneniya-rossiiskoi-federatsii-v-sistemu-zdorovesberezheniy>

4. Улумбекова, Г. Э., Прохоренко, Н. Ф., Гинойан, А. Б., Калашникова, А. В. Системный подход к достижению общенациональной цели по увеличению ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2024 году // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 2. С. 19–30. DOI: 10.26794/1999-849x-2019-12-2-19-30, EDN: RSBGJM

5. Винокурова, А. В., Гриценко, О. А. Молодежь о здоровье и практиках здоровьесберегающего поведения: мнения, суждения, оценки // Восточный вектор: исто-

рия, общество, государство. 2023. Вып. 1. С. 3–84. DOI: 10.18101/2949-1657-2023-1-3-8, EDN: NFVQGM.

6. Ваторопина, С. В. Здоровьесбережение в современном образовательном пространстве // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. № S9. С. 6–12. ART 470112

7. Вебер, М. Основные социологические понятия / Пер. с нем. М.И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 455–491.

8. Евсева, Я. В. Толкотт Парсонс. Роль больного и хронические заболевания // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 2011. № 3. Талкотт Парсонс, роль больного и хронические заболевания // Тело и общество. Л., 2010. Т. 16. № 2. С. 17–20. EDN: OKEVOL

9. Шабунова, А. А., Маланичева, Н. А. Здоровье населения в крупных городах: тенденции и особенности: препринт // Проблемы развития территории. 2012. № 2. С. 115–120. EDN: OWVORB, ISSN: 2076-8915

10. Гундаров, И. А., Стародубов, В. И., Сафонов, А. Л., Соболева, Н. П. Угроза демографического кадрового кризиса в России и пути его преодоления // Здравоохранение РФ. 2017. № 1. С. 5–10. DOI: 10.18821/0044-197X-2017-61-1-5-10, EDN: YFOKVF.

11. Аласания, К. Ю. Философская концепция биовласти: истоки и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2018. № 4. С. 70–77. EDN: XWOSTB, ISSN: 0201-7385.

References:

1. Murtazina, I. R. (2018). Self-Preservation Behavior, Quality of Life and Preferred Coping Strategies of Men and Women in Early Adulthood *Penzensky Psikhologichesky Vestnik* [Penza Psychological Bulletin], 2018(1), no. 1, pp. 91–93. DOI: 10.17689/psy-2018.1.6, EDN: USDXYX [in Russ.].

2. Antonova, N. L. & Merenkov, A. V. (2016). Culture of Health Preservation among Students: Contradictions of Formation and Development *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoi Antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], (2), pp. 91–92 EDN: WHF-WHB [in Russ.].

3. Bulatova, G. F. (n.d.). Transformation of the Russ Federation Healthcare System into a Health Preservation System [Dissertation]. Available at: <https://www.dissercat.com/content/transformatsiya-sistemy-zdravookhraneniya-rossiiskoi-federatsii-v-sistemuzdorovesberezhniy> [in Russ.].

4. Ulumbekova, G. E., Prokhorenko, N. F., Ginoyan, A. B. & Kalashnikova, A. V. (2019) A Systemic Approach to Achieving the National Goal of Increasing Life Expectancy to 78 Years by 2024) *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Law.], (2), pp. 19–30. DOI: 10.26794/1999-849x-2019-12-2-19-30, EDN: RSBGJM [in Russ.].

5. Vinokurova, A. V. & Gritsenko, O. A. (2023) Youth on Health and Health-Preserving Practices: Opinions, Judgements, Evaluations *Vostochnyi Vektor: Istoriya, Obshchestvo, Gosudarstvo* [Eastern vector: history, society, state.], (1), pp. 3–84. DOI: 10.18101/2949-1657-2023-1-3-8, EDN: NFVQGM [in Russ.].

6. Vatoropina, S. V. (2017). Health Preservation in the Modern Educational Space. *Koncept*, (S9), pp. 6–12. ART 470112 [in Russ.].

7. Weber, M. (1990). Basic Sociological Concepts). In: Weber, M. Selected Works. Moscow: Progress [in Russ.].

8. Evseeva, Ya. V. (2011) Talcott Parsons, the Sick Role and Chronic Illness. *Body & Society*, 16(2), pp. 17–20. EDN: OKEBO [in Russ.].

9. Shabunova, A. A. & Malanicheva, N. A. (2012) Health of the Population in Large Cities: Trends and Features [Preprint] *Problemy Razvitiya Territorii* [Problems of territory development], (2), pp. 115–120. EDN: OWVORB, ISSN: 2076-8915 [in Russ.].

10. Gundarov, I. A., Starodubov, V. I., Safonov, A. L. & Soboleva, N. P. (2017) Threat of a Demographic Personnel Crisis in Russia and Ways to Overcome It *Zdravookhranenie RF* [Healthcare of the Russ Federation], (1), pp. 5–10. DOI: 10.18821/0044-197X-2017-61-1-5-10, EDN: YFOKVF [in Russ.].

11. Alasania, Kira Yu. (2018) Filosofskaya kontseptsiya biovlasti: istoki i perspektivy (The Philosophical Concept of Biopower: Origins and Prospects) *Vestnik Moskovskogo Universiteta (Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy)* [Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy]. Seriya 7. Filosofiya, (4), pp. 70–77. EDN: XWOSTB, ISSN: 0201-7385 [in Russ.].

Статья поступила в редакцию 22.04.2025; одобрена после рецензирования 30.05.2025; принята к публикации 03.06.2025.

The article was submitted 22.04.2025; approved after reviewing 30.05.2025; accepted for publication 03.06.2025.

Информация об авторах

И. А. Гареева – доктор социологических наук, доцент, профессор высшей школы социальных и политических наук, институт социально-политических технологий и коммуникаций, Тихоокеанский государственный университет;

А. Д. Шенцов – аспирант, ассистент высшей школы медиа, коммуникаций и сервиса, институт социально-политических технологий и коммуникаций, Тихоокеанский государственный университет.

Information about the authors

I. A. Gareeva – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor, Higher School of Social and Political Sciences, Institute of Social and Political Technologies and Communications, Pacific National University;

A. D. Shentsov – Postgraduate student, Assistant, Higher School of Media, Communications and Service, Institute of Social and Political Technologies and Communications, Pacific National University.

ПРЕДСТАВЛЯЮ К ЗАЩИТЕ

Научная статья
УДК 330.3; 339.5(470+571)
<https://elibrary.ru/KOUMOE>

Российская система государственной поддержки экспорта: особенности функционирования в условиях внешнеэкономического давления

Юлия Валерьевна Криводубова

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
krivodubova@ecrin.ru

Аннотация. В статье рассмотрена российская система поддержки и стимулирования экспорта с позиций развития ее институциональной структуры и применяемых инструментов в условиях внешних ограничений и жесткого анти-российского санкционного давления в период 2018–2024 гг. Рассматриваются эффекты, полученные за счет активизации деятельности структур Российского экспортного центра (РЭЦ). Сделаны выводы о том, что российская система государственной поддержки экспорта именно за счет правильно выбранных приоритетов и адресной направленности мер показала положительную динамику по основным показателям в условиях внешнего давления. Накопленный опыт эффективного применения востребованного экспортерами инструментария рассматривается как важный способ дальнейшего увеличения числа экспортеров из сектора малого и среднего предпринимательства.

Ключевые слова: экспорт, меры государственной поддержки, стимулирование экспорта, РЭЦ, несырьевой неэнергетический экспорт, антироссийские санкции, Российская Федерация

Для цитирования: Криводубова Ю. В. Российская система государственной поддержки экспорта: особенности функционирования в условиях внешнеэкономического давления // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 2 (111). С. 103–112. EDN: KOUMOE

Original article

Russia's Export Government Support System: Features of Functioning under External Economic Pressure

Yulia V. Krivodubova

The Economic Research Institute, FEB RAS, Khabarovsk, Russia
krivodubova@ecrin.ru

Abstract. The article discusses the Russian system of support and stimulation of exports from the standpoint of the development of its constituting structure and applied tools in the context of external restrictions and severe anti-Russian sanctions pressure in the period from 2018 to 2024. The paper considers the effects obtained due to the intensification of the activities of the Russian Export Center (REC) structures. The study concludes that the Russian system of government support for exports, precisely due to the correctly chosen priorities and targeted focus of support measures, showed positive dynamics in terms of key indicators facing external pressure. The accumulated experience of the effective use

of tools being in demand by exporters is considered as an important way to increase the number of exporters from the small and medium-sized business sector.

Keywords: export, government support measures, export stimulation, REC, non-resource non-energy export, anti-Russian sanctions, the Russian Federation

For citation: Krivodubova, Yu. V. (2025) Russia's Export Government Support System: Features of Functioning under External Economic Pressure *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (111), pp. 103–112. EDN: КОУМОЕ

Введение

Важная роль экспорта для экономического развития России на протяжении многих лет обуславливала целенаправленную разработку инструментов для его стимулирования как приоритетного направления государственной политики. Особую актуальность задача государственной поддержки экспорта приобрела в условиях возросшей нестабильности внешней среды и необходимости реагировать на новые угрозы, возникшие в результате введения беспрецедентно жестких санкционных ограничений, которые оказывают воздействие на внешнеэкономические связи Российской Федерации с 2022 г. и по настоящее время.

Исследовательские подходы к изучению вопросов государственной поддержки экспорта

Для разрешения проблематики развития экспорта и его государственной поддержки в научных исследованиях была сформирована обширная методическая база. Событием, давшим сильный импульс исследованиям, связанным со стимулированием экспорта, был нефтяной кризис 1970-х гг., когда были сделаны выводы о возможности рассматривать стимулирование экспорта как макроэкономическую категорию [Melitz, 1987] наряду с традиционной концепцией его «микроэкономической природы» [Rajaratirana, 1993]. Современные аналитики, как правило, акцентируют внимание на отдельных аспектах этого многогранного явления: либо на специфических инструментах экономического стимулирования, либо на детальном изучении институтов, реализующих политику стимулирования, либо на выявлении взаимосвязи между предоставлением того или иного вида финансового продукта и внешнеторго-

выми характеристиками корпорации, отрасли или совокупным экспортом в отдельное государство [Артемьев, 2019].

В зарубежных исследованиях, посвященных изучению развития и государственной поддержки экспорта, наиболее часто выделяют позиции, связанные с его влиянием на рост национальной экономики. В работах приводятся доказательства того, что компании-экспортеры достигают более высокой производительности труда в сравнении с компаниями, которые не осуществляют внешнеторговую деятельность [Melitz, 2003; Delgado, Farinas, Ruano, 2002]. Также делается вывод о том, что целенаправленная диверсификация экспорта приводит к более высоким темпам экономического роста [Aditya, Roy, 2007].

В части рассмотрения факторов, оказывающих влияние на решение компаний участвовать в экспортной деятельности, исследователи пришли к выводам о том, что положительное влияние на такое решение компании оказывают не только ее размер и возраст, но одновременно большую роль играет возможность получения поддержки со стороны государства [Revindo, Gan, Massie, 2019]. Что касается вопросов влияния государственной поддержки на изменение объемов экспорта, то сделаны выводы о том, что программы поддержки и стимулирования экспорта приводят к увеличению экспортных продаж [Munch, Schaur, 2018], а маркетинговая поддержка оказывает положительное влияние на удовлетворенность МСП-экспортеров своими экспортными показателями [Wilkinson, Brouthers, 2006].

Российскими учеными, изучающими эту проблематику, был выполнен ряд работ, рассматривающих результаты реа-

лизации отечественных мер по государственной поддержке экспорта и эффективности функционирования институтов поддержки. В них было показано, что Россия, несмотря на внешние ограничения, в целом сохраняет важную роль как в экспорте сырьевых и энергетических товаров, так и в формировании международных рынков несырьевых неэнергетических товаров, в частности продуктов невысоких переделов [Судаков, 2022]. Однако для сохранения этих позиций была отмечена необходимость реформирования комплекса методов управления системой государственной поддержки экспортной деятельности в части применения таргетированного подхода и учета бюджетной эффективности [Беркович, Закревская (Хахина), 2024].

Результаты зарубежных и российских исследователей показывают, что государственное стимулирование экспорта нацелено на достижение положительной динамики как макроэкономических показателей, так и показателей хозяйственной деятельности компаний-экспортеров. Одновременно доказываются, что применение инструментов государственной поддержки не всегда приводит к достижению ожидаемых результатов. В этой связи необходимо гибкое реагирование со стороны институтов поддержки, а также учет специфики среды, в которой работают экспортеры.

Российская система поддержки экспорта в условиях антироссийского внешнеэкономического давления

В 2014 г. ряд недружественных стран начал кампанию по активизации санкционного давления на внешнеэкономические позиции Российской Федерации. Отечественная система хозяйствования по многим позициям оказалась готовой противостоять санкционным воздействиям, благодаря заблаговременным мерам по снижению макроэкономической зависимости от внешних рынков. К позитивным результатам следует отнести формирование национальной финансовой инфраструктуры (системы финансовых сообщений, платежной системы МИР, системы быстрых платежей и др.), импортозамещение в сельском хо-

зяйстве и оборонно-промышленном комплексе, становление российских сетевых компаний-ритейлеров, что позволило существенно снизить негативное воздействие санкций.

Внешние шоки 2022 г. ускорили процессы снижения зависимости от западного бизнеса на внутрисоссийских рынках и одновременно трансформировали деятельность российских компаний на внешних рынках. В результате успешной адаптации к внешнеэкономическому санкционному давлению экспорт и импорт России во многом переориентировались на Восток и Юг, а в системе валютных расчетов стали доминировать «мягкие» валюты и рубль. В то же время стало ясно, что структурная перестройка производственной, финансовой и внешнеэкономической системы является долгосрочным процессом, в котором важно не только осуществить замещение западного влияния, но необходимо формировать и развивать стратегические конструктивные изменения [Широв, Белоусов, Блохин, Гусев, Клепач, Узяков, 2024].

Одним из важных элементов успешного осуществления структурной перестройки российской внешнеэкономической системы необходимо рассматривать государственную поддержку и стимулирование экспорта.

Комплексная система поддержки и продвижения российского бизнеса на зарубежные рынки в институциональном разрезе представлена государственными институтами федерального и регионального уровней, отраслевыми союзами и ассоциациями, институтами развития, а также негосударственными организациями. Структурно выделяются три группы субъектов поддержки российского экспорта [Родыгина, Мусихин, 2018].

Первую группу формируют органы исполнительной власти Российской Федерации, среди которых Министерство экономического развития РФ, Министерство промышленности и торговли РФ, Министерство финансов РФ, Министерство иностранных дел РФ. Значительным функционалом также обладают Федеральная таможенная служба РФ и Федеральная налоговая служба РФ.

Вторая группа представлена двумя ключевыми субъектами – группой компаний Российского экспортного центра (РЭЦ), созданной в 2015 г. как государственный институт поддержки экспорта, и Внешэкономбанком, который занимается в основном финансовой поддержкой крупных экспортных и инвестиционных проектов.

Третью группу субъектов поддержки экспорта формируют четыре ключевых объединения, осуществляющие широкий спектр консультационных услуг. В нее входят Торгово-промышленная палата Российской Федерации, Российский союз промышленников и предпринимателей, Общероссийская общественная организация «Деловая Россия» и схожая по своим целям Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «Опора России». Эти организации активно сотрудничают по вопросам совершенствования существующих механизмов и выработки новых инструментов продвижения российской продукции на внешние рынки.

Каждая регуляторная группа разрешает ряд функциональных задач, в комплексе оказывающих управляющее воздействие на внешнеэкономические процессы. В современной ситуации одной из ключевых стратегических функций государства становится специфическая деятельность, связанная с расширением мер поддержки экспортеров продукции несырьевого неэнергетического профиля. Этот сегмент, с одной стороны, в наименьшей мере попадает под прямое санкционное давление в сравнении с топливно-сырьевыми товарами, с другой стороны, по своему структурному устройству обеспечивает устойчивую продуктовую диверсификацию россий-

ского экспорта. Именно поддержка несырьевого неэнергетического экспорта (далее – ННЭ) определила основное содержание мер государственной внешне-торговой политики в новых условиях.

Для характеристики этого сегмента внешней торговли (в связи с официально введенными ограничениями статистической информации, характеризующей экспортную деятельность российских компаний) воспользуемся данными за предшествующий период, а также начиная с 2022 г. доступными для публикации показателями.

Для несырьевого неэнергетического экспорта характерен высокий уровень диверсификации: в экспорте несырьевых неэнергетических товаров в период 2018–2021 гг. было задействовано около 97% всех российских экспортеров. При этом доля ННЭ в стоимостном объеме экспорта РФ устойчиво росла с 34,0% в 2018 г. до 41,7% в 2020 г. и 38,9% в 2021 г. (табл. 1).

В 2022–2024 гг. Правительством РФ была определена необходимость содействия компаниям ННЭ, которые, несмотря на изменившиеся внешние условия, имели возможности для поддержки своей внешнеэкономической деятельности. Кроме того, было осуществлено целенаправленное стимулирование выхода на внешние рынки новых экспортеров. Функционально эта часть задач была делегирована специализированному многофункциональному государственному институту поддержки экспорта – Российскому экспортному центру.

Группа компаний РЭЦ является юридическим лицом с организационной правовой формой акционерного общества. РЭЦ получает бюджетное финансирование, за счет которого осуществляет

Таблица 1

Несырьевой неэнергетический экспорт России в 2018–2024 гг.

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Доля ННЭ в стоимостном объеме экспорта РФ, в %	34,0	36,4	41,7	38,9	32,2	34,4	33,4
Доля экспортеров ННЭ в общем количестве экспортеров, в %	96,5	97,2	97,1	97,1			

Источник: рассчитано автором по статистическим данным, приведенным в таблице 2.

поддержку экспортеров. Она включает предоставление льготного кредитования, страхование экспортных рисков на особых условиях, информационно-аналитическое сопровождение и мониторинг иностранных рынков, правовую поддержку начинающим экспортерам, выплату компенсаций по расходам на транспортировку продукции ННЭ, компенсации компаниям за участие в организуемых РЭЦ выставочно-ярмарочных мероприятиях и др.

Меры стимулирования экспорта сосредоточены на адресной поддержке экспортирующих компаний через механизм «единого окна». Это позволяет не только предоставлять компаниям широкий перечень финансовых и нефинансовых услуг, но и масштабировать позитивное и нивелировать негативное влияние внешних и внутренних факторов на экспорт товаров и услуг из России.

В структуру группы РЭЦ входят непосредственно Российский экспортный центр, созданный в 2015 г., Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций (АО «ЭКСПАР»), созданное в 2011 г., и Государственный специализированный Российский экспортно-импортный банк (АО «РОСЭКСИМБАНК»), созданный в 1994 г., а также «Школа экспортеров РЭЦ», созданная в 2016 г.

Экосистема РЭЦ представлена платформой «Мой экспорт», (цифровая экосистема сервисов для экспортеров, объединяющая в себе государственные и бизнес-сервисы). Она имеет 16 представительств за рубежом (в том числе в Азербайджане, Армении, Беларуси, Вьетнаме, Индии, Иране, Казахстане, Китае, Таджикистане, Турции, Узбекистане, ОАЭ). На территории РФ у РЭЦ имеется 16 представительств, а также 82 центра поддержки экспорта в регионах РФ.

РЭЦ реализуется 9 основных программ государственной поддержки экспорта, 6 программ поддержки в цифровом виде.¹ Среди них четыре программы поддержки промышленности:

транспортировка промышленных то-

варов, господдержка российских организаций промышленности в целях компенсации затрат на транспортировку промышленной продукции до конечных потребителей;

сертификация промышленных товаров и лекарственных средств (поддержка экспортеров при сертификации соответствия российской промышленной продукции требованиям внешних рынков);

НИОКР и омологация, т. е. компенсация части затрат российских организаций в целях создания новой конкурентоспособной промышленной продукции;

корпоративная программа повышения конкурентоспособности (компенсация части процентных ставок по экспортным кредитам и иным инструментам финансирования).

Отдельным блоком решений осуществляется поддержка предприятий аграрно-промышленного комплекса (далее – АПК):

сертификация продукции АПК (компенсация части затрат, связанных с сертификацией продукции АПК на внешних рынках, российским организациям, продвигающим на зарубежные рынки продукцию АПК);

транспортировка товаров АПК (поддержка российских организаций в целях снижения затрат на транспортировку сельскохозяйственной и продовольственной продукции);

возмещение части затрат за участие в зарубежных выставках и ярмарках (покрытие части фактически понесенных затрат организаций на участие в зарубежных международных выставках и мероприятиях).

Отдельное внимание в деятельности РЭЦ уделяется повышению активности малых и средних предприятий по выходу на внешние рынки. Малые и средние компании более гибкие, могут быстрее перестроить свой бизнес и использовать новые появившиеся возможности. Для МСП предусмотрены специальные меры государственной поддержки, такие как специальные финансовые продукты,

¹ Российский экспортный центр, официальный сайт. Поддержка экспорта России. URL: <https://www.exportcenter.ru/?sectionId=111> (доступн: 17.04.2025)

включая «коробочные» кредиты, гарантия возврата НДС, страхование отсрочки платежа и краткосрочной дебиторской задолженности.

Сосредоточенность основного комплекса мер государственной поддержки экспорта на товарах несырьевого неэнергетического экспорта, а также на стимулировании выхода на экспортные рынки новых, в том числе и МСП-экспортеров, привело к достижению определенных позитивных результатов. Они реализовались как в приросте объемов экспорта, осуществленного с использованием мер государственной поддержки, так и количества компаний-экспортеров, поддержанных государством.

Реализация мер поддержки и стимулирования экспорта в условиях новой экономической реальности

Результаты господдержки, осуществляемой через систему РЭЦ, показывают общую положительную динамику. Показатели, опубликованные в официальных статистических, а также других открытых источниках, показывают рост объема внешнеторговых контрактов, заключенных с использованием инструментов поддержки, и увеличение количества компаний, которые воспользовались мерами господдержки, а также положительный тренд участия в экспортной деятельности организаций малого и среднего бизнеса.

С учетом фрагментарного характера доступной информации основные достигнутые результаты от реализации мер государственной поддержки экспортеров с 2018 по 2024 гг. представлены в таблице 2.

На основе анализа достигнутых показателей развития экспорта и его поддержки группой РЭЦ (табл. 2) за период 2018–2024 гг. можно выделить следующие позитивные характеристики функционирующей системы.

Во-первых, высокую адаптивность сложившейся системы государственной

поддержки экспорта. Она наблюдается по целенаправленному поддержанию той функциональной части, которая описывается как неэнергетический и несырьевой экспорт (далее – ННЭ). Это хорошо иллюстрирует динамика произошедших изменений.

При ужесточении санкций сначала было зафиксировано краткосрочное падение названных показателей. Так, в 2023 г. объемы общероссийского экспорта упали до 425,3 млрд долл. США, и при этом объемы ННЭ также сократились на 23% – до 146,3 млрд долл. США.

Однако, спустя короткий период времени, при государственной поддержке была осуществлена активная географическая реструктуризация экспорта. Если в 2023 г. за счет санкционных ограничений поставки ННЭ в Европу заметно сократились (на 68%), то вскоре они быстро выросли в направлении других стран-партнеров. Они были направлены в Турцию – рост на 36%, в Китай – на 26%, в Египет – на 57%, в Бразилию – на 37%, в Саудовскую Аравию – на 87%.² И в 2024 г. эти государства также стали основными внешнеэкономическими потребителями товаров российского ННЭ. Среди стран дальнего зарубежья основное место заняли Китай (18,1% в структуре ННЭ), Турция (7,3%), Индия (4,6%), Египет (3,3%), Бразилия (2,3%). Одновременно высокую долю продолжали занимать страны СНГ – Беларусь (10,8%), Казахстан (10,7%), Узбекистан (3,3%), Армения (1,6%), Азербайджан (1,5%).³

В продуктовой структуре также поддерживалась стабильность. В 2023–2024 гг. ННЭ был представлен в основном металлопродукцией (31,4% от объемов ННЭ), продукцией машиностроения (19,1%), химическими товарами (10,9%) продукцией АПК (18,8%). За счет активной государственной поддержки доля ННЭ в общероссийском экспорте в 2022–2023 гг. продолжала стабильно удерживаться на уровне 32,2% – 34,4%.

² Едовина, Т. Несырьевой экспорт упал почти на четверть // *Коммерсант*, 15 февраля, 2024 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6510204> (доступ: 25.03.2025)

³ Мишин, М. Российский несырьевой неэнергетический экспорт постепенно восстанавливается после просадки в прошлом году // *ФТС России*, 25 декабря, 2024 г. URL: <https://customs.gov.ru/press/prensa-o-nas/document/614033> (доступ: 28.03.2025)

Таблица 2

**Показатели российского экспорта и поддержки экспортеров
группой РЭЦ в 2018–2024 гг.**

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Экспорт Российской Федерации:							
в млрд долл. США	450,3	424,4	337,1	491,5	591,5	425,3	433,9
в т.ч. МСП-экспортерами	40,1	44,2	42,3	57,0			
Экспортеры Российской Федерации:							
в тыс.шт.	58,0	60,9	62,4	65,8			
в т.ч. МСП-экспортеров	49,8	54,6	56,4	60,3			
Несырьевой неэнергетический экспорт (ННЭ):							
в млрд долл. США	153,4	154,4	140,5	191,4	190,4	146,3	155,0*
в т.ч. МСП-экспортерами	28,6	32,7	33,3	44,0			
в % МСП-экспортерами	18,6	21,2	23,7	23,0			
Экспортеры несырьевого неэнергетического экспорта (ННЭ):							
в тыс.шт.	56,0	59,2	60,6	63,9			
в т.ч. МСП-экспортеров	48,3	53,2	54,9	58,6			
в % МСП-экспортерами	86,2	89,9	90,6	91,7			
Объемы поддержанного государством экспорта:							
в млрд долл. США	18,8	19,5	19,3	20,3	12,8	17,0	
в % от общ. экспорта РФ	4,2	4,6	5,7	4,1	2,2	4,0	
в % от ННЭ РФ	12,3	12,6	13,7	10,6	6,7	11,6	
Количество компаний, получивших господдержку:							
в тыс. шт.	10,3	11,0	10,4	18,0	19,3	23,9	22,0
в % от экспортеров РФ	17,1	18,1	16,7	27,3			
в % от экспортеров ННЭ	18,4	18,6	17,2	28,2			

Источник: составлено и рассчитано (выделено курсивом) автором: (1) экспорт РФ за 2018–2024 гг., ННЭ РФ за 2018–2021 гг., экспортеры ННЭ за 2018–2021 гг. – по данным таможенной статистики РФ с учетом микропредприятий. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (доступ 04.04.2025); (2) ННЭ РФ за 2022 г. и 2023 г. – по данным, опубликованным в открытых источниках. URL: <https://www.interfax.ru/business/946004> (доступ 24.04.2025); ННЭ за 2024 г. – прогнозная оценка, опубликованная на сайте ФТС России. URL: <https://customs.gov.ru/press/prensa-o-nas/document/614033> (доступ 14.04.2025); (3) объемы поддержанного государством экспорта и количества компаний за 2018–2024 гг. – по данным Российского экспортного центра, включая годовые отчеты РЭЦ за 2018–2020 гг., а также из доступной в открытых источниках информации: URL: https://sfr.gov.ru/press_center/z_news~2024/03/15/261674 (доступ: 14.04.2025), URL: <https://www.vesti.ru/article/4328286> (доступ 14.04.2025).

Примечания: (1) с 2021 г. в количество компаний, воспользовавшихся мерами господдержки, включены экспортеры и зарубежные торговые дома, до 2021 г. – только экспортеры; (2) количество поддержанных государством компаний за 2024 г. приведено за период с января по ноябрь; (3) * – прогнозное значение и рассчитано с использованием прогнозного значения.

С 2014 г., когда ННЭ составлял 28% в общероссийском экспорте⁴, она выросла в 1,3 раза. Это обеспечивало стабильную внешнеэкономическую позицию России на мировых рынках, несмотря на активное санкционное давление.

⁴ Алифорова, Е. Несырьевой неэнергетический экспорт из России в 2023 году снизился на 23% // Интернет-портал Neftegaz.Ru, 15 февраля, 2024 г. URL: <https://neftgaz.ru/news/Trading/818839-nesyrevoyn-neenergeticheskiy-eksport-iz-rossii-v-2023-g-snizilsya-na-23/>

Во-вторых, важным фактором активизации внешнеэкономических позиций экспортеров стало широкое привлечение к этой деятельности предприятий малого и среднего бизнеса. За весь рассматриваемый период количество компаний, ежегодно получающих меры государственной поддержки через РЭЦ, выросло. В соответствии со статистикой, приводимой группой РЭЦ, в 2022 г. количество МСП-экспортеров выросло до 61 тыс. компаний (против 53 тыс. в 2021 г.)⁵, а в 2023 г. – до 83 тыс. компаний.⁶ В 2024 г. доля МСП в общей структуре несырьевых неэнергетических экспортеров, по данным РЭЦ, составила 88,4%.⁷

Позитивная динамика роста количества компаний, воспользовавшихся инструментами господдержки, определяет получение в работе внешнеэкономических структур более высоких функциональных результатов. Нами было проведено тестирование эффективности проводимых мероприятий с помощью расчетов коэффициентов дуговой эластичности внешнеторговых контрактов, осуществленных с господдержкой в системе РЭЦ (табл. 3).

Проведенный регрессионный анализ позволил построить функциональную зависимость между показателями за период 2022–2024 гг.:

$$\ln y = -12,2 + 1,5 \ln x,$$

где y – объем внешнеторговых контрактов, заключенных с использованием инструментов господдержки, x – количество.

Согласно расчетам, в рамках построенной модели в 2022 г., в 2023 г. и в 2024 г., увеличение численности получивших господдержку компаний на 1% приводило к прогрессивному расширению объемов реального экспорта. Оно происходило в значительно большем масштабе (в интервале 1,08%–1,6%).⁸ Исходя из этого, для реализации активной внешнеэкономической стратегии в секторе ННЭ следует шире использовать практику оказания государственной поддержки действующим экспортерам. Это можно расценивать как наиболее релевантный фактор для усиления позиций государства и купирования возникающих рисков в условиях большой неопределенности на внешнеэкономических рынках.

Таблица 3

Цепные эмпирические коэффициенты дуговой эластичности объемов внешнеторговых контрактов, заключенных с использованием инструментов господдержки, по количеству воспользовавшихся мерами господдержки компаний в 2022–2024 гг.

Мес. Год	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Средний
2022	1,37	0,38	1,40	1,26	2,66	1,55	0,56	1,95	1,35	2,05	1,84	1,49
2023	1,78	0,65	0,94	1,13	0,83	1,75	0,39	0,79	1,59	3,43	-1,43	1,08
2024	1,83	1,56	3,42	0,73	1,59	4,41	0,51	1,20	0,62	1,13	0,87	1,62

Источник: рассчитано автором по ежемесячным данным Российского экспортного центра.

⁵ Никишина, В. Количество МСП-экспортеров в России в 2022 году выросло более, чем на 10%. URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/kolichestvo-msp-eksporterov-v-rossii-v-2022-godu-vyroslo-bolee-chem-na-10/ (доступ: 15.04.2025)

⁶ Никишина, В. Число экспортеров среди МСП выросло на 60% до 81 тысяч. URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/chislo-eksporterov-sredi-msp-vyroslo-na-60-do-81-tysyach/ (доступ: 15.04.2025)

⁷ Мишин, М. Российский несырьевой неэнергетический экспорт постепенно восстанавливается после просадки в прошлом году, 25.12.2024. URL: <https://customs.gov.ru/press/prensa-o-nas/document/614033> (доступ: 28.03.2025)

⁸ Коэффициент детерминации составил 0,9. Модель и коэффициент статистически значимы. Значение критерия Дарбина-Уотсона 1,7 находится в зоне отсутствия автокорреляции.

Заключение

Поддержка и стимулирование экспорта выступает важным элементом для осуществления структурной перестройки российской внешнеэкономической системы в условиях давления внешних антироссийских санкций.

Российская система государственной поддержки экспорта показала положительную динамику по основным показателям в условиях внешнего агрессивного давления за счет правильно выбранных приоритетов по адресной направлен-

ности мер поддержки, а также применения востребованного экспортерами инструментария. Однако институциональные условия внешнеэкономического развития предполагают решение новых задач привлечения к экспортной деятельности новых экспортеров, в частности, из сектора малого и среднего предпринимательства. Он может стать локомотивом роста российского несырьевого неэнергетического экспорта, а также совершенствования структуры внешней торговли.

Список источников:

1. Артемьев, П. П. Международный опыт оказания государственного содействия экспортерам промышленной продукции: теоретико-методологические основы и практика реализации. – Минск : Право и экономика, 2019. – 308 с.
2. Беркович, М. И., Закревская (Хахина), Е. С. Экспортная деятельность регионов как объект государственной поддержки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 2. С. 96–112. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.5 EDN: QMVXYT
3. Родыгина, Н. Ю., Мусихин, В. И. Российский опыт господдержки национальных экспортеров // Экономика и предпринимательство. 2018. № 7. С. 45–48. EDN: YVOWCD
4. Судаков, С. С. Эффективность российских институтов поддержки несырьевого неэнергетического экспорта // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 1. С. 49–77. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-1-49-77 EDN: QQPВON
5. Широков, А. А., Белоусов, Д. Р., Блохин, А. А., Гусев, М. С., Клепач, А. Н., Узьяков, М. Н. Россия 2035: новое качество национальной экономики // Проблемы прогнозирования. 2024. № 2 (203). С. 6–20. DOI: 10.47711/0868-6351-203-6-20 EDN: MWPRHD
6. Aditya, A., Roy, S. S. Export diversification and economic growth: Evidence from cross-country analysis. 2007. Mimeo. Pp. 1–25.
7. Delgado, M. A., Farinas, J. C., Ruano, S. Firm productivity and export markets: a nonparametric approach // Journal of International Economics. 2002. Vol. 57, no. 2. Pp. 397–422. DOI: 10.1016/S0022-1996(01)00154-4 EDN: DZYSQV
8. Melitz, J. Export Credit Subsidies / J. Melitz, P. Messerlin // Economic Policy. 1987. Vol. 2, no. 4. Pp. 149–175. DOI: 10.2307/1344555
9. Melitz, M. The Impact of Trade on Intra-Industry reallocation and Aggregate Industry Productivity // Econometrica. 2003. Vol. 71. Pp. 1695–1725. DOI: 10.1111/1468-0262.00467 EDN: GLNCEX
10. Munch, J., Schaur, G. The Effect of Export Promotion on Firm-Level Performance // American Economic Journal: Economic Policy. 2018. Vol. 10, no. 1. Pp. 357–387. DOI: 10.1257/pol.20150410
11. Rajapatirana, S. Policy Recommendations for Export Promotion / S. Rajapatirana // Estudios de Economia. 1993. Vol. 20. No.1. Pp. 1–25.
12. Revindo, M., Gan, C., Massie, N. Factors affecting propensity to export: The case of Indonesian SMEs // Gadjah Mada International Journal of Business. 2019. Vol. 21. No. 3. Pp. 263–288. DOI: 10.22146/gamaijb.41022
13. Wilkinson, T., Brouters, L.E. Trade promotion and SME export performance // International Business Review. 2006. Vol. 15. Pp. 233–252. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2006.03.001

References:

1. Artemiev, P. P. (2019) International Experience in Providing Government Assistance to Exporters of Industrial Products: Theoretical and Methodological Foundations and Practice of Implementation. – Minsk: Law and Economics. – 308 p. (in Russ.).
2. Berkovich M. I., Zakrevskaya (Khakhina) E. S. (2024). Regions' export activity as an object of state support *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 17(2), pp. 96–112. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.5 EDN: QMVXYT (in Russ.).
3. Rodygina, N. Yu., Musikhin, V. I. (2018) Russian Experience of State Support for National Exporters *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and Entrepreneurship], vol. 12, no. 7, pp. 45–48. EDN: YVOWCD (in Russ.).
4. Sudakov, S. S. (2022) Efficiency of Russian Institutions Support for Non-Resource and Non-Energy Exports *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Public Administration Issues], 4, pp. 49–77. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-1-49-77 EDN: QQP BON (in Russ.).
5. Shirov, A. A., Belousov D. R., Blokhin, A. A., Gusev M. S., Klepach, A. N., Uzykov, M. N. (2024) Russia 2035: the New Quality of the National Economy *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], no. 2, pp. 6–20. DOI: 10.1134/S1075700724020151 EDN: MWPRHD (in Russ.).
6. Aditya, A., Roy, S. S. (2007) Export diversification and economic growth: Evidence from cross-country analysis. Mimeo. Pp. 1–25.
7. Delgado, M. A., Farinas, J. C., Ruano, S. (2002) Firm productivity and export markets: a nonparametric approach *Journal of International Economics*, vol. 57, no. 2, pp. 397–422. DOI: 10.1016/S0022-1996(01)00154-4 EDN: DZYSQV
8. Melitz, J. (1987) Export Credit Subsidies / J. Melitz, P. Messerlin *Economic Policy*, vol. 2, no. 4, pp. 149–175. DOI: 10.2307/1344555
9. Melitz, M. (2003) The Impact of Trade on Intra-Industry reallocation and Aggregate Industry Productivity *Econometrica*, vol. 71, pp. 1695–1725. DOI: 10.1111/1468-0262.00467 EDN: GLNCEX
10. Munch, J., Schaur, G. (2018) The Effect of Export Promotion on Firm-Level Performance *American Economic Journal: Economic Policy*, vol. 10, no. 1, pp. 357–387. DOI: 10.1257/pol.20150410
11. Rajapatirana, S. (1993) Policy Recommendations for Export Promotion *Estudios de Economia*, vol. 20, no. 1, pp. 1–25.
12. Revindo, M., Gan, C., Massie, N. (2019) Factors affecting propensity to export: The case of Indonesian SMEs *Gadjah Mada International Journal of Business*, vol. 21, no. 3, pp. 263–288.
13. Wilkinson, T., Brouthers, L. E. (2006) Trade promotion and SME export performance *International Business Review*, vol. 15, pp. 233–252. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2006.03.001

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 28.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 21.04.2025; approved after reviewing 28.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.

Информация об авторе

Ю. В. Криводубова – младший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН

Information about the author

Yu.V. Krivodubova – Junior researcher, the Economic Research Institute, FEB RAS

Научная статья
УДК 339.5(673.19)
<https://elibrary.ru/KPXKUF>

Роль правил происхождения товаров в интеграционной стратегии Республики Корея

Иван Анатольевич Суханов

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
ivan.a.sukhanov@gmail.com

Аннотация. *Статья посвящена анализу роли правил происхождения товаров в интеграционной стратегии Республики Корея, а также их значению для эффективного функционирования соглашений о свободной торговле (ССТ). В работе рассматриваются ключевые аспекты формирования и применения таких соглашений, с акцентом на специфические подходы, которые Республика Корея использует при заключении преференциальных торговых соглашений с различными странами. Важным элементом является анализ правил происхождения товаров, которые регулируют, какие товары могут воспользоваться преференциальными тарифами, а также устанавливают требования к их происхождению. Основное внимание уделено трем базовым моделям правил происхождения, используемым в интеграционных проектах: Североамериканской, Панъевропейской и АСЕАН. Для каждой из моделей описываются особенности применения таких критериев, как изменение тарифной классификации, адвалорная доля и специфическая обработка, а также практические примеры использования моделей в интеграционной архитектуре Республики Корея. Помимо этого, рассматриваются различные подходы к верификации товаров (прямая, косвенная и комбинированная) с учетом договорных условий между странами-участниками соглашения о свободной торговле. В статье подчеркивается, что Республика Корея стратегически комбинирует эти подходы, чтобы эффективно расширять свои экспортные возможности, при этом защищая интересы национальных производителей и минимизируя экономические риски. Автор акцентирует внимание на важности технических аспектов реализуемых интеграционных проектов для успешной интеграции страны в мировую экономику и обеспечения её экономической безопасности.*

Ключевые слова: *соглашения о свободной торговле, правила происхождения товаров, интеграционная стратегия, Республика Корея, верификация товаров, международная торговля*

Для цитирования: Суханов И. А. Роль правил происхождения товаров в интеграционной стратегии Республики Корея // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 2 (111). С. 113–122. EDN: KPXKUF

Original article

The role of Rules of Origin in the integration strategy of the Republic of Korea

Ivan A. Sukhanov

The Economic Research Institute, FEB RAS, Khabarovsk, Russia
ivan.a.sukhanov@gmail.com

Abstract. *This article analyzes the role of Rules of Origin in the integration strategy of the Republic of Korea, focusing on its significance for the effective functioning of Free*

Trade Agreements (FTAs). It explores the key aspects of the formation and application of these agreements, with particular emphasis on the unique approaches the Republic of Korea applies negotiating preferential trade agreements with various countries. An important element is the analysis of the Rules of Origin of goods that regulate which products fall under preferential tariffs, and also establish requirements for its origin. The paper primarily examines three core models of Rules of Origin used in integration projects: North American, Pan-European, and ASEAN. For each model, the article discusses the application of criteria such as tariff classification changes, ad valorem percentage, and specific processing, as well as practical examples of its usage in South Korea's integration architecture. Additionally, the paper analyzes different verification methods for goods – direct, indirect, and combined – based on the contractual terms between FTAs participating countries. The research highlights how the Republic of Korea strategically combines these approaches to effectively expand its export opportunities safeguarding the interests of domestic producers and minimizing economic risks. The author emphasizes the importance of technical aspects in implemented integration projects for successful integration into the global economy and ensuring the country's economic security.

Keywords: free trade agreements, Rules of Origin, integration strategy, Republic of Korea, verification of goods, international trade

For citation: Sukhanov, I. A. (2025) The role of Rules of Origin in the integration strategy of the Republic of Korea *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (111), pp. 113–122. EDN: KPXKUF

Введение

В прошлом веке несколько стран Восточной Азии, включая Республику Корея, пережили так называемое «экономическое чудо». Ключом к их успеху, по мнению Всемирного банка, является международная торговля, а точнее – экспортная модель развития, поддерживаемая активной ролью государства [The East Asian Miracle, 1993]. Республика Корея демонстрирует один из самых высоких показателей участия в глобальных производственно-сбытовых цепочках среди азиатских экономик [Chai, 2025, С. 2]. Это обуславливает высокую чувствительность её экономики к внешним шокам. По оценкам экспертов, эффективное управление процессами минимизации рисков от таких шоков играет ключевую роль в экономическом успехе страны [Chung, 2016]. Одним из наиболее действенных способов снижения подобных рисков является формирование сети преференциальных торговых соглашений, которые становятся неотъемлемой частью целостной институциональ-

ной структуры Республики Корея.

В соответствии со статьей XXIV Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) страны-участницы Всемирной торговой организации (ВТО) имеют правовые основания для создания более эффективных форм кооперации при соблюдении определенных условий. Формирование преференциальных форм сотрудничества не противоречит нормам ВТО и предоставляет странам возможности для разработки альтернативных механизмов в системе международной торговли. Базовой формой международной интеграции является зона свободной торговли (далее – ЗСТ), которая представляет собой объединение двух или более таможенных территорий, где пошлины и другие торговые ограничения аннулируются в отношении почти всех товаров, участвующих в торговле¹.

Интеграционная стратегия РК и правила происхождения

Республика Корея, наряду с другими странами Восточной Азии, такими как Китай, Япония и Сингапур, активно реа-

¹ GATT 1994. Article XXIV: Territorial Application – Frontier Traffic – Customs Unions and Free-trade Areas. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_02_e.htm#articleXXIV (дата обращения: 24.04.2025).

лизует интеграционную политику. Начало интеграционного процесса относится к 70-м годам прошлого века², когда были подписаны первые проекты с участием Республики Корея (далее – РК). Однако поворотным моментом в интеграционном курсе РК стало принятие в 2003 г. стратегии по развитию преференциальных торговых соглашений [20 Years of FTAs in Korea with KIEP, 2021]. Этот документ обозначил стратегические цели интеграционного развития на разные горизонты планирования и сформулировал четкие интересы каждого соглашения для экономики страны. Как результат, в настоящее время Республика Корея участвует в 21³ соглашениях о свободной торговле (далее – ССТ) с 59 странами. Преференциальные торговые соглашения стали неотъемлемой частью внешней экономической политики Республики Корея, способствуя её развитию и повышению конкурентоспособности на международной арене. Сегодня Республика Корея продолжает системную работу по развитию именно билатеральных соглашений, в отличие, например, от Китая, который после 2017 г. изменил вектор преференциальных проектов в сторону многосторонних форматов [Томилов, Суханов, 2023. С. 138]. Реализация данной стратегии потребовала разработки четких правил происхождения товаров, играющих ключевую роль в эффективности таких соглашений.

Важно отметить, что каждое преференциальное соглашение имеет двойственную природу: с одной стороны, страна-участница получает возможность увеличивать экспортные потоки, с другой – принимает обязательства по открытию внутренних рынков. Одновременно с этим страны-партнеры по ССТ также формируют свою сеть преференциаль-

ных соглашений, что создает потенциал для нарушения баланса интересов внешних и местных производителей. Так как Республика Корея имеет обширную интеграционную сеть, возникают риски нарушения создаваемого равновесия, например, через поступление товаров с территории третьих стран, которые могут использовать льготные условия, не являясь непосредственными участниками соглашения. Для понимания масштаба этой проблемы рассмотрим количество действующих преференциальных торговых соглашений ключевых партнеров РК, представленное в таблице 1.

Данные в таблице 1 демонстрируют, что каждый из ключевых торговых партнеров Республики Корея имеет развитую сеть собственных преференциальных соглашений, что повышает сложность контроля за происхождением товаров и потенциально увеличивает риски для внутреннего рынка РК.

При реализации интеграционной стратегии Республика Корея стремится разрабатывать индивидуальные решения, соответствующие запросам корейского бизнеса с учетом национальных экономических интересов. Это обеспечивает доступ к новым рынкам для стратегически важных отраслей страны и позволяет поддерживать баланс между интересами южнокорейских производителей и регулированием номенклатуры продукции, поступающей на внутренний рынок. Заключение соглашения о свободной торговле, как правило, не предполагает полную отмену пошлин и сохраняет возможности для контроля товарных потоков. В связи с этим особую важность приобретает методология, лежащая в основе содержательной части каждого соглашения, определяющая правила и механизмы регулирования торговых отношений.

² С 1966 г. Австралией в отношении РК также были инициированы ряд односторонних соглашений на поддержку наименее развитых (Australia for GSP Countries) и развивающихся стран (Australia for DCT Countries), которые предполагали льготные тарифы для согласованного списка продукции. URL: <https://findrulesoforigin.org/documents/pdf/Australia%20to%20GSP%20Countries%20-%20Customs%20Act%201901.pdf>, https://findrulesoforigin.org/documents/pdf/itc00903_full.pdf (дата обращения: 25.02.2025).

³ В этот список не включены такие формы интеграционного сотрудничества как Протокол о торговых переговорах (PTN), Глобальная система торговых преференций между развивающимися странами (GSTP) и иные формы кооперации, которые учитываются Regional Trade Agreements Database by WTO

Таблица 1

**Количество соглашений о свободной торговле ключевых партнеров
Республики Корея по экспорту**

№	Страны	Количество ССТ
1	Германия (Европейский союз)	46
2	Сингапур	27
3	Китай	20
4	Индия	19
5	Австралия	19
6	Япония	18
7	Малайзия	16
8	Вьетнам	15
9	Индонезия	15
10	Соединенные Штаты Америки	14

Источник: составлено автором по материалам базы данных *Regional Trade Agreements Database by WTO*, URL: <https://rtais.wto.org> (дата обращения: 17.03.2025)

Выделяют два типа происхождения товара: преференциальный и непреференциальный. Непреференциальные правила происхождения используются для дифференциации между иностранными и отечественными товарами в различных областях: при введении антидемпинговых и компенсационных пошлин, применении защитных мер, установлении требований к маркировке, при дискриминационных количественных ограничениях или введении тарифных квот, а также в контексте государственных закупок. Преференциальные правила происхождения, в свою очередь, определяют условия, при которых страна-импортер будет рассматривать товар как происходящий из экспортирующей страны, пользующейся льготным режимом в рамках соглашения.

Ключевым элементом каждого соглашения о свободной торговле являются именно правила происхождения товаров (Rules of Origin), устанавливающие критерии для признания товара как происходящего из определенной страны. В

большинстве случаев эти правила относятся к конкретному продукту (Product-Specific Rules of Origin), на который распространяется преференциальный тариф согласно торговому соглашению⁴. Основой для данных правил служит классификация Гармонизированной системы (ГС), пересматриваемая и обновляемая Всемирной таможенной организацией каждые 5 лет (последние обновления системы произошли в 2012, 2017 и 2022 гг. соответственно)⁵.

Импортируемые товары классифицируются, как правило, по двум основным категориям: полностью произведенные товары и товары с достаточным уровнем обработки/переработки⁶. К первой категории относятся продукты, полученные целиком на территории страны, подписавшей соглашение о свободной торговле, без добавления каких-либо компонентов или материалов из третьих стран, не входящих в преференциальное соглашение⁷. Что касается второй категории, то товары, поступающие на территорию

⁴ Помимо этого, используются общие правила происхождения в рамках всего режима: горизонтальные правила происхождения (Regime-Wide Rules of Origin).

⁵ HS Nomenclature 2022 edition. World Customs Organization. <https://www.wcoomd.org/en/topics/nomenclature/instrument-and-tools/hs-nomenclature-2022-edition.aspx> (дата обращения: 17.03.2025)

⁶ Introduction to Rules of Origin. Rules of Origin Facilitator. URL: <https://findrulesoforigin.org/en/glossary?id=XkjdGBMAACIAxEqd&returnto=gloscente> (дата обращения: 17.03.2025).

⁷ Такие продукты могут включать в себя как, например, живых животных и зерновые, выращенные и собранные на территории страны, так и продукты питания, произведенные исключительно из этих продуктов.

страны-партнера по преференциальному соглашению, должны соответствовать критериям достаточной обработки/переработки⁸. Для признания такой обработки/переработки достаточной она должна быть осуществлена определенными способами, которые детально фиксируются в тексте соглашения о свободной торговле (табл. 2).

Вместе с тем наличие критериев признания товаров происходящими не обеспечивает корректность выполнения требований ССТ, поэтому важную роль играют технические аспекты подтверждения соответствия товаров. Для того чтобы удостовериться в соблюдении условий соглашения, выявить возможные нарушения и принять соответствующие санкции в отношении нарушителей в каждом соглашении устанавливаются процедуры верификации товаров на соответствие требованиям для получения льготных тарифов.

Действующая архитектура преференциальных торговых соглашений Республики Корея предполагает индивидуальные подходы к каждому участнику соглашений. Процесс проверки соответствия правилам происхождения осуществляется по трем форматам: прямой верификации, косвенной верификации

или комбинации обоих методов, в зависимости от договаривающейся стороны и объекта проверки.

При прямой верификации южнокорейские таможенные органы самостоятельно проводят проверку соответствия товара правилам происхождения, установленным в соглашении о свободной торговле. Данная процедура применяется, например, в соглашениях с Чили, Сингапуром и США (соглашение KORUS – Korea-US Free Trade Agreement).

Косвенная верификация характеризуется тем, что таможенные органы РК осуществляют проверку через запрос в таможенные службы страны-экспортера, которые проводят все необходимые процедуры для подтверждения соответствия товара правилам происхождения. К этой категории относятся, например, соглашения с Европейской ассоциацией свободной торговли и ЕС.

При комбинированной верификации первоначальное подтверждение запрашивается у таможенных органов договаривающейся страны и, если обнаруживаются расхождения, корейские таможенные органы инициируют собственную проверку товара на соответствие. Под этот формат подпадают соглашения с Китаем, АСЕАН и Индией¹⁰.

Таблица 2

Критерии признания товаров происходящими

№	Критерии	Описание
1	Изменение тарифной классификации	Изменение классификационного кода товара из третьих стран по отношению к готовой продукции на уровне группы, позиции или субпозиции ГС
2	Расчет добавленной стоимости	Ограничение стоимости иностранных компонентов или материалов в конечной стоимости товара или достижение минимального уровня добавленной стоимости (правило адвалорной доли)
3	Специфическая обработка	Правило, требующее выполнения обязательных технологических операций на определенной стадии производственного процесса ⁹

Источник: составлено автором на основе *Introduction to Rules of Origin. Rules of Origin Facilitator*. URL: <https://findrulesoforigin.org> (дата обращения: 17.03.2025).

⁸ Это тип правила происхождения, который требует, чтобы продукт прошел определенный процесс обработки/переработки, чтобы считаться происходящим.

⁹ Все три типа критериев достаточной обработки могут применяться в сочетании друг с другом для усиления защиты внутреннего рынка. В рамках каждого из этих типов также могут использоваться различные виды исключений, которые уточняют, какие части правила применяются только к определенным категориям товаров, и допускают специфические отступления от основных требований при особых условиях.

¹⁰ Информационный портал Министерства торговли, промышленности и энергетики Республики Корея. <https://www.fta.go.kr/main/apply/fta/ptest/1/> (дата обращения: 25.02.2025).

Несмотря на наличие типовых мер и руководящих принципов структурирования преференциальных соглашений, сформировавшихся на основе лучших практик [Zapataetal, 2025. С. 54], ССТ не являются шаблонным решением: каждое заключаемое соглашение о свободной торговле представляет собой уникальный проект. Правила происхождения оговариваются отдельно для каждого соглашения о свободной торговле и прилагаются к основному соглашению в виде протокола или приложения, которое устанавливает требования для признания товаров происходящими. Эти правила могут варьироваться в зависимости от преференциального соглашения.

На основе анализа многочисленных интеграционных проектов исследователи выделяют три основные модели правил происхождения, применяемых в современной практике: Североамериканскую, Панъевропейскую и модель АСЕАН

[Cadotetal, 2011]. Для лучшего понимания особенностей и различий между этими моделями их сравнительная характеристика представлена в таблице 3.

Соглашение KORUS использует комбинацию правил изменения тарифной классификации (устанавливающих, что продукт должен пройти значительную трансформацию в регионе для получения преференциальных тарифов) и правил регионального содержания стоимости (Regional Value Content), где минимальный процент продукта должен быть произведен в регионе ССТ (например, 50% для автомобильной промышленности).

Полупроводники и автомобили, включая автозапчасти, являются двумя наиболее важными статьями экспорта Республики Корея, на которые приходится почти 20 и 12 процентов общего объема экспорта страны соответственно [Chai, Kim, 2025. С. 2]. В 2024 году объем экспорта РК в США по разделу 7 Междуна-

Таблица 3

Сравнение моделей правил происхождения

Ключевые особенности	Преимущества	Недостатки
Североамериканская модель		
Изменение тарифной классификации; региональное содержание стоимости	Прозрачные правила для сложных цепочек поставок; стимулирует местное производство; защищает национальные отрасли.	Может увеличить транзакционные издержки из-за подробных правил; сложность в администрировании и верификации.
Панъевропейская модель		
Диагональная кумуляция	Стимулирует сотрудничество между странами-членами ЕС и РК; обеспечивает гибкость для поставщиков в регионе.	Сложность применения диагональной кумуляции может затруднить соблюдение требований для бизнеса; требует высокого уровня координации и гармонизации между странами.
Модель АСЕАН		
Правило адвалорной доли	Простота и прозрачность по сравнению с другими моделями; низкие транзакционные издержки и более легкие требования для бизнеса, особенно для малых и средних предприятий.	Меньшая защита отраслей по сравнению с более строгими моделями; низкий уровень контроля над содержанием продукции; может привести к увеличению конкуренции со стороны стран с низкими затратами.

Источник: составлено автором на основе: Официальный портал Европейской комиссии Access2Market. EU-South Korea Free Trade Agreement. URL: <https://trade.ec.europa.eu/access-to-markets/en/content/eu-south-korea-free-trade-agreement?utm=>; Официальный сайт соглашения о свободной торговле между АСЕАН и РК. <https://akfta.asean.org/>; Официальный портал Торгового представительства США. <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/korus-fta> (дата обращения: 17.03.2025).

родной стандартной торговой классификации (МСТК/SITC) «Машины и транспортное оборудование», который включает в себя данные товарные позиции, составил 86,6 млрд долларов США, при этом импорт из США по данной категории достиг 23,2 млрд долларов США¹¹.

Для того, чтобы детали автомобиля, произведенные в РК, могли воспользоваться преференциальными тарифами в США, они должны соответствовать минимальному уровню добавленной стоимости, созданной в регионе преференциального соглашения. Это гарантирует, что значительная часть стоимости продукции генерируется в рамках экономик стран-участниц зоны свободной торговли (ЗСТ). В этой связи Североамериканская модель позволяет выстроить основу для торговли товаров с высокой добавленной стоимостью и обеспечить преференциальные тарифы на высококачественную продукцию, особенно в таких отраслях, как автомобили, электроника и машиностроение.

Несмотря на то, что в свете последних политических и экономических событий возможен пересмотр преференциального соглашения между РК и США¹², действующая методология правил происхождения KORUS, вероятно, сохранится, так как она позволяет поддерживать баланс интересов действующих участников ССТ. Таким образом, данная модель может быть предпочтительна для более технологичных товаров и товаров с высокой добавленной стоимостью, однако требует детальных проверок соблюдения правил (верификации) и может увеличивать транзакционные издержки.

Панъевропейская модель применяется в соглашении с ЕС, в рамках которого допускается диагональная кумуляция для товаров, торгуемых между Европейским союзом и Республикой Корея. Данный

подход позволяет странам, входящим в региональную группу, использовать материалы из других стран этой группы, как если бы они были произведены внутри их собственной страны. Это означает, что материалы, происходящие из одной страны региональной группы, могут быть использованы в производстве товара в другой стране без потери статуса происхождения.

Такая модель значительно упрощает правила происхождения в совместных цепочках поставок, особенно для высокотехнологичных отраслей. Например, автомобильная деталь, произведенная в РК, может быть объединена с частью, произведенной в ЕС, и, если общая добавленная стоимость соответствует требуемому уровню (например, 45%–55%), товар может получить сниженные тарифы при ввозе в союз. В области электроники, если компонент произведен в РК, но собран с деталями из стран ЕС, готовая продукция может по-прежнему считаться происходящей из РК, что обеспечивает ей преференциальное тарифное обращение при продаже в ЕС.

Ключевые позиции экспорта РК в ЕС (полупроводники, автомобили и их запчасти) также входят в высокотехнологический 7 раздел МСТК и составили 41,1 млрд долларов США в 2024 г., при импорте из ЕС в 33,2 млрд долларов США¹¹. С учетом этих данных Панъевропейская модель предоставляет большую гибкость в рамках зоны свободной торговли между ЕС и РК, позволяя Республике Корея использовать данный подход для плавной интеграции с европейским рынком.

С одной стороны, нарастается сотрудничество с европейскими производителями¹³ в рамках производственного цикла конечных товаров с высокой добавленной стоимостью, с другой сторо-

¹¹ База данных Korea International Trade Association. URL: stat.kita.net (дата обращения: 19.04.2025)

¹² Concerns rise over potential changes to KORUS FTA. The Korean Times. March 17, 2025. URL: <https://www.koreatimes.co.kr/business/20250317/concerns-rise-over-potential-changes-to-korus-fta>; Trump proposes 'package deal' to S. Korea in trade call with acting President Han. The Chosun Daily. April 10, 2025. URL: <https://www.chosun.com/english/national-en/2025/04/10/KKCNH3EV4NFJPL7JCMKLQ4RYLA/> (дата обращения: 17.03.2025).

¹³ А также южнокорейскими производственными кластерами, например, в странах Вышеградской группы

ны, сохраняются интересы национальных производителей. При этом важно отметить, что, хотя эта модель эффективна для более глубокой региональной интеграции внутри ЕС и его партнеров, её требования существенно усложняют процесс имплементации, особенно для малого и среднего бизнеса.

Модель АСЕАН применяется в соглашениях со странами Юго-Восточной Азии, где основой для определения происхождения товаров выступают правила адвалорной доли. При этом подходе для получения преференциальных тарифов достаточно, чтобы не менее 40% стоимости продукции происходило из региона АСЕАН или Южной Кореи. Применение данной модели обусловлено тесными экономическими связями с государствами АСЕАН в рамках внутрикорпоративной интеграции [Суханов, 2023. С. 151].

Как и в случае с другими партнерами, основными позициями во взаимной торговле с АСЕАН являются товары, входящие в 7 раздел МСТК. Объемы экспорта РК в страны АСЕАН и импорта из них составили 52,5 млрд долларов США и 33,6 млрд долларов США соответственно¹¹.

Действующая модель предполагает значительно менее сложные подходы к правилам происхождения по сравнению с Североамериканской и Панъевропейской моделями, что позволяет существенно снизить транзакционные издержки для всех участников торговых отношений.

Таким образом, важным отличием рассмотренных моделей являются способы применения критериев признания товаров происходящими. Североамериканская и Панъевропейская модели используют все три категории критериев происхождения: изменение тарифной классификации, правило адвалорной доли и специфическую обработку, что на практике увеличивает транзакционные издержки экономических субъектов. В противоположность этому, модель АСЕАН представляет более простое и прозрачное решение, используя в большинстве случаев только правило адвалорной доли [Cadot, Ing, 2014; Hoekman, Inama, 2018].

Анализ практики применения данных моделей показывает, что каждая из них

обладает своими конкурентными преимуществами в зависимости от отраслевой специфики и характера торговых связей с конкретными партнерами. Примечательно, что выбор определенной модели коррелирует со степенью локализации производства и структурой торговых потоков. Так, Североамериканская модель эффективнее защищает внутренние рынки, Панъевропейская – способствует развитию кооперационных связей, а модель АСЕАН обеспечивает наиболее гибкий режим для компаний, интегрированных в глобальные цепочки создания стоимости.

В своей интеграционной стратегии Республика Корея гибко комбинирует эти базовые модели в зависимости от специфики партнера, с которым подписывается соглашение о свободной торговле, а также от силы переговорной позиции сторон. Стратегическое использование различных моделей в рамках ССТ позволяет РК эффективно сбалансировать торговые возможности, защитить внутренние отрасли и снизить транзакционные издержки на целевых рынках. Подобный дифференцированный подход представляется особенно ценным в условиях возрастающей фрагментации глобальной торговой системы и тенденции к регионализации экономических связей.

Сегодня РК продолжает активное расширение сети региональных соглашений, а апробированная методология будет внедряться в новые проекты в рамках интеграционной архитектуры страны. Важно отметить, что накопленный Республикой Корея опыт успешной адаптации различных моделей правил происхождения товаров может представлять значительный интерес для других развивающихся экономик, стремящихся к эффективной интеграции в мировое хозяйство при сохранении собственных экономических интересов.

Заключение

Важнейшим принципом любого преференциального соглашения является соблюдение баланса между возможностью доступа к новым рынкам сбыта и защитой интересов национальных производителей. Проведенный анализ показывает, что правила происхождения товаров вы-

ступают не просто техническим элементом, а фундаментальным инструментом реализации интеграционной стратегии государства. Исследованные модели – Североамериканская, Панъевропейская и АСЕАН – предоставляют странам различные возможности для структурирования торговых отношений в соответствии с их экономическими приоритетами и отраслевой спецификой.

На примере Республики Корея наглядно прослеживается, как стратегически продуманная комбинация этих моделей может эффективно содействовать национальным экономическим интересам. Южнокорейский опыт демонстрирует, что дифференцированный подход к выбору модели правил происхождения позволяет не только расширять экспортные возможности и осваивать новые рынки, но и обеспечивать защиту внутренних производителей в чувствительных секторах экономики.

Проведенное исследование позволяет заключить, что технические аспекты соглашений о свободной торговле, такие как модели происхождения товаров и механизмы их верификации, играют определяющую роль в формировании устойчивой и эффективной интеграционной архитектуры. В условиях растущей регионализации мировой экономики и усложнения глобальных цепочек добавленной стоимости опыт Республики Корея представляет ценную модель для других стран, стремящихся балансировать преимущества международной интеграции с задачами национального экономического развития. Комплексное понимание этих процессов открывает перспективы не только для оценки эффективности существующих соглашений РК, но и для прогнозирования дальнейшего развития интеграционной политики страны в условиях трансформации глобальной экономической системы.

Список источников:

1. Суханов, И. А. Модели кооперации в Восточной Азии на примере Японии // Власть и управление на Востоке России. 2023. №3(104). С. 147–155. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-104-3-147-155 EDN: DNROGN
2. Томилов М. В., Суханов И. А. Сравнительный анализ китайского и южнокорейского подходов к торгово-экономической интеграции в АТР // Регионалистика. 2023. Т. 10. № 6. С. 133–150. DOI: 10.14530/reg.2023.6.133 EDN: FVPZCM
3. 20 Years of FTAs in Korea with KIEP. Korea Institute for International Economic Policy. In Korean. 07.2021. P. 125.
4. Cadot O., de Melo J., Portugal-Perez A. Understanding the barriers to entry effects of rules of origin in preferential trading arrangements with an application to Asian FTAs // International Handbook on the Economics of Integration. 2011. Volume I. P. 188. DOI: 10.4337/9781849805995.00018
5. Cadot O., Ing L.Y. How Restrictive Are ASEAN's Rules of Origin // East Asian Integration ERIA Research Project Report. 2014. № 6. Jakarta: ERIA. P. 133.
6. Chai H., Kim H. Korea in a Changing Global Trade Landscape, Selected Issues Paper SIP/25/014, International Monetary Fund. Washington DC. February 2025. P. 13. DOI: 10.5089/9798229003384.018 EDN: MSXIZI
7. Chung S. Korea's Participation in Global Value Chains: Measures and Implications // KDI Journal of Economic Policy. 2016. Vol. 38(4). P. 45–76. DOI: 10.23895/kdijep.2016.38.4.45
8. Hoekman B., Inama S. Harmonization of Rules of Origin: An Agenda for Plurilateral Cooperation? // East Asian Economic Review. 2018. Vol. 22, № 1. P. 3-28. DOI: 10.11644/KIEP.EAER.2018.22.1.336
9. The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy. World Bank Policy Research Report // World Bank. Oxford University Press. 1993. P. 259-316.
10. Zapata R., Atayde S., Baker J.C., Romero H., Martínez K., Zavaleta M., Hidalgo E. Study on Convergences and Divergences of Free Trade Agreements in the APEC Region // Asia-Pacific Economic Cooperation Policy Support Unit. Asia-Pacific Economic Cooperation

Secretariat. January 2025. P. 155.

References:

1. Sukhanov, I. A. (2023) Cooperation Models in East Asia: The Case of Japan *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 3 (104), pp. 147–155 DOI: 10.22394/1818-4049-2023-104-3-147-155 EDN: DNROGN (in Russ.)
2. Tomilov, M. V., Sukhanov, I. A. (2023) Comparative Analysis of Chinese and South Korean Approaches to Trade and Economic Integration in the Asia-Pacific Region] *Regionalistika* [Regional Studies], vol. 10, no. 6, pp. 133–150 (in Russ.)
3. 20 Years of FTAs in Korea with KIEP. Korea Institute for International Economic Policy. 07.2021. P. 125. DOI: 10.14530/reg.2023.6.133 EDN: FVPZCM (in Korean).
4. Cadot O., de Melo J., Portugal-Perez A. (2011) Understanding the barriers to entry effects of rules of origin in preferential trading arrangements with an application to Asian FTAs *Mezhdunarodnyy spravochnik po ekonomike integratsii* [International Handbook on the Economics of Integration], vol. I, p. 188. DOI: 10.4337/9781849805995.00018
5. Cadot, O., Ing, L. Y. (2014) How Restrictive Are ASEAN's Rules of Origin *Issledovatel'skiy proyekt ERIA po integratsii v Vostochnoy Azii. Otchet* [East Asian Integration ERIA Research Project Report], no. 6. Jakarta: ERIA, p. 133. DOI: 10.5089/9798229003384.018 EDN: MSXIZI
6. Chai, H., Kim, H. (2025) Korea in a Changing Global Trade Landscape, Selected Issues Paper SIP/25/014, International Monetary Fund. Washington DC. February, p. 13. DOI: 10.5089/9798229003384.018 EDN: MSXIZI
7. Chung, S. (2016) Korea's Participation in Global Value Chains: Measures and Implications *Zhurnal ekonomicheskoy politiki KDI* [KDI Journal of Economic Policy], vol. 38(4), pp. 45–76. DOI: 10.23895/kdijep.2016.38.4.45
8. Hoekman, B., Inama, S. (2018) Harmonization of Rules of Origin: An Agenda for Plurilateral Cooperation? *East Asian Economic Review* [East Asian Economic Review], vol. 22, no. 1, pp. 3–28. DOI: 10.11644/KIEP.EAER.2018.22.1.336
9. The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy. World Bank Policy Research Report *Vsemirnyy bank. Oxford University Press* [World Bank. Oxford University Press], 1993, pp. 259–316.
10. Zapata, R., Atayde, S., Baker, J.C., Romero, H., Martínez, K., Zavaleta, M., Hidalgo, E. (January 2025) Study on Convergences and Divergences of Free Trade Agreements in the APEC Region *Gruppa podderzhki politiki Aziatsko-Tikhookeanskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva. Sekretariat Aziatsko-Tikhookeanskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva* [Asia-Pacific Economic Cooperation Policy Support Unit. Asia-Pacific Economic Cooperation Secretariat], p. 155.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025; одобрена после рецензирования 05.06.2025; принята к публикации 09.06.2025.

The article was submitted 28.04.2025; approved after reviewing 05.06.2025; accepted for publication 09.06.2025.

Информация об авторе

И. А. Суханов – соискатель, Институт экономических исследований ДВО РАН

Information about the author

I. A. Sukhanov – PhD candidate, the Economic Research Institute FEB RAS.

Научная статья
УДК 630.61 (571.62)
<https://elibrary.ru/LCUIWN>

Развитие лесопромышленного комплекса Хабаровского края: тренды и перспективы

Николай Алексеевич Дзюба

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
dzyuba.k@bk.ru

Аннотация. В статье проведен структурный анализ продукции лесопромышленного комплекса Хабаровского края, сравнительный анализ динамики лесозаготовки и деревообработки региона, определены основные причины снижения показателей комплекса. В ходе исследования было выявлено, что развитие лесопромышленного комплекса региона с 2013 г. по 2023 г. опиралось на экспортно-сырьевую модель, формирующую высокую зависимость от внешней рыночной конъюнктуры и иных факторов. Увеличение ставок таможенных пошлин на лесопромышленную продукцию, запрет экспорта необработанной древесины в совокупности с международными санкциями стали факторами постепенного отказа от экспортно-сырьевой модели, однако не способствовали быстрому развитию производства продукции высоких переделов. На территории региона за рассматриваемый период не были созданы новые мощности по глубокой переработке древесины, что не позволило расширить номенклатуру продукции лесопромышленного комплекса, привело к снижению показателей лесозаготовки и усилило зависимость от состояния внешней рыночной конъюнктуры. Для преодоления сложившейся ситуации в исследовании рассмотрены два направления. Первое направление – сырьевое – ориентировано на развитие лесопромышленного комплекса Хабаровского края посредством внедрения новых технологий по глубокой переработке древесины. Второе направление – экосистемное – предполагает развитие лесного хозяйства путем реализации комплексных лесоклиматических проектов и на их основе создание частных природных парков, зон рекреации, создания ферм по производству пищевых и лекарственных растений. Реализация лесоклиматических проектов может дать позитивный экономический эффект через получение углеродных единиц и расширение использования лесных ресурсов региона. Для эффективного развития лесного комплекса Хабаровского края необходимо обеспечить развитие как сырьевого, так и экосистемного направлений за счет комплексного использования различных полезностей леса.

Ключевые слова: лесной комплекс, лесные ресурсы, лесная промышленность, лесоклиматические проекты, Хабаровский край

Для цитирования: Дзюба, Н. А. Развитие лесопромышленного комплекса Хабаровского края: тренды и перспективы // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 2 (111). С. 123–133. EDN: LCUIWN

Original article

Development of the forestry complex of the Khabarovsk Territory: trends and prospects

Nikolay A. Dzyuba

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia
dzyuba.k@bk.ru

Abstract. *The article presents a structural analysis of the products of the forest industry complex of the Khabarovsk Territory, a comparative analysis of the dynamics of logging and wood processing in the region, and identifies the main reasons for the decline in the complex's indicators. The study revealed that the development of the forest industry complex of the region from 2013 to 2023 was based on the export-raw materials model, which forms a high dependence on the external market situation and other factors. An increase in customs duties on forest products, a ban on the export of unprocessed timber, together with international sanctions, became factors in the gradual abandonment of the export-raw materials model, but did not contribute to the rapid development of high-value-added products. During the period under review, no new capacities for deep wood processing were created in the region, which did not allow expanding the range of forest industry products, led to a decrease in logging indicators and increased dependence on the state of the external market situation. To overcome the current situation, the study considers two directions. The first direction, raw materials, is focused on the development of the forestry complex of the Khabarovsk Territory through the introduction of new technologies for deep wood processing. The second direction, ecosystem, involves the development of forestry through the implementation of complex forest-climatic projects and, on their basis, the creation of private natural parks, recreation areas, and farms for the production of food and medicinal plants. The implementation of forest-climatic projects can give a positive economic effect through the receipt of carbon units and the expansion of the use of forest resources in the region. For the effective development of the forest complex of the Khabarovsk Territory, it is necessary to ensure the development of both raw materials and ecosystem directions through the integrated use of various forest benefits.*

Keywords: *forest system, forest resources, forest industry, forest climate project, the Khabarovsk Territory*

For citation: Dzyuba, N. A. (2025) Development of the forestry complex of the Khabarovsk Territory: trends and prospects *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (111), pp. 123–133. EDN: LCUIWN

Введение

На протяжении 1990-х гг. на территории Хабаровского края сократилось количество предприятий лесного комплекса, в том числе были ликвидированы предприятия высоких переделов (целлюлозно-бумажные, целлюлозно-картонные и гидролизные заводы, мебельные фабрики и др.) [Лесной комплекс ..., 2001], что привело к сокращению количества промышленно-производственного персо-

нала с 37 тыс. до 24 тыс. человек и снижению объемов производства [Платонова, Яхимович, 2020]. Предприятия, сохранившие производственные мощности, переориентировали свою деятельность на производство продукции с более низкой добавленной стоимостью и ее экспортом в страны АТР (Китай, Республика Корея и Япония) [Антонова (в), 2017].

Данная тенденция сохранялась до 2021 г., основным направлением раз-

вития лесного комплекса края являлась экспортно-сырьевая модель (40–60% всего экспорта составляла необработанная древесина); развитие мощностей механической обработки древесины осуществлялось медленными темпами без расширения номенклатуры производимой продукции (пиломатериалы, шпон луцный, топливные гранулы (пеллеты)); заводы по производству продукции с высокой добавленной стоимостью так и не были созданы [Антонова (а), 2024].

С 2018 г. объем заготовки древесины начал постепенно сокращаться (рис. 2), доля необработанной древесины в общей доле экспорта продукции лесопромышленного комплекса (далее – ЛПК) снизилась до 36,4 %. Вступление в силу ограничений на экспорт необработанной

древесины с 2022 г.¹ усилило дальнейшее сокращение объема лесозаготовки.

Целью исследования является выявление факторов, влияющих на развитие лесопромышленного комплекса Хабаровского края в 2013–2023 гг., и разработка рекомендаций по минимизации их влияния.

Описание методики исследования

Понятие лесного комплекса включает в себя совокупность лесных ресурсов и деятельность людей, которая базируется на использовании лесных ресурсов и многообразии полезностей леса в соответствии с экономическими, социальными и экологическими потребностями общества и отдельного гражданина. Структура лесного комплекса включает лесное хозяйство и лесопромышленный

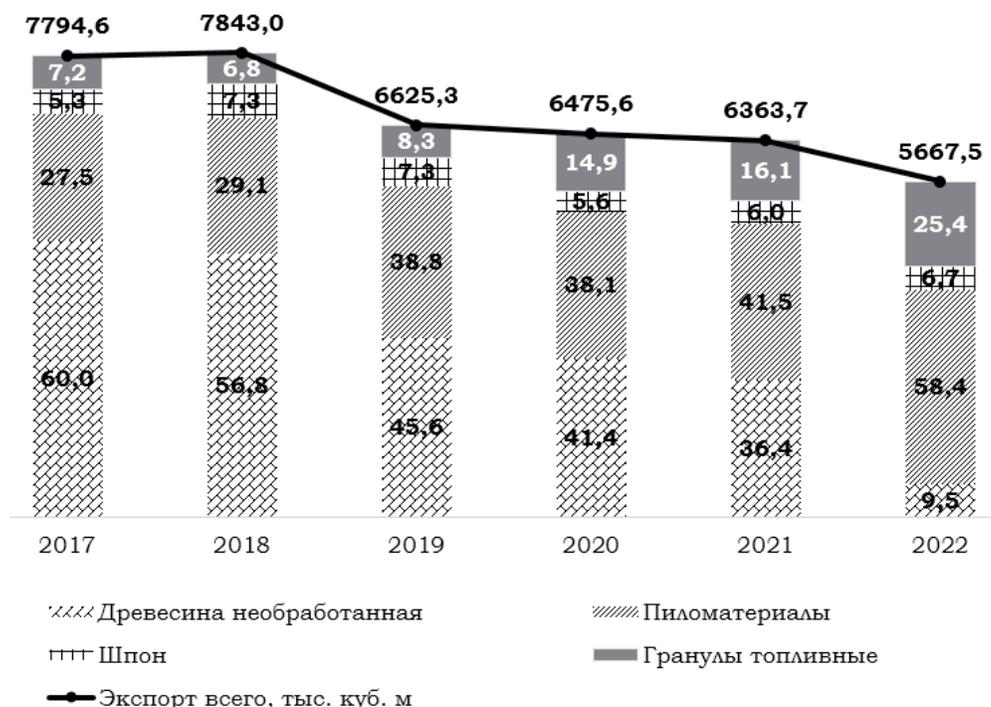

Рис. 1. Динамика структуры экспорта продукции лесопромышленного комплекса Хабаровского края, 2017–2022 г., в %

Источник: рассчитано с применением конверсионных коэффициентов пересчета в необработанные лесоматериалы по: Лесопромышленный комплекс ХК. URL: <https://les.khabkrai.ru/Deyatelnost/Lesopromyshlennij-kompleks/> (дата обращения: 10.04.2025)

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 20.07.2021 № 1225 «Об определении пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации для убытия с территории Российской Федерации товаров, классифицируемых в товарной позиции 4403 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, и о внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 15 июля 2010 г. № 521». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107220009?index=2> (дата обращения: 26.03.2025).

комплекс [Лесной комплекс..., 2005].

Лесное хозяйство представляет собой систему лесных ресурсов и деятельность общества, направленную на долгосрочное возобновление лесных ресурсов. Лесопромышленный комплекс направлен на потребление лесных ресурсов в качестве сырья для деятельности: заготовка древесины, сбор пищевых и лекарственных растений, заготовка недревесных ресурсов (I передел), деревообработка – производство шпона лущеного, пиломатериалов и пеллет (II передел), химическая/термохимическая обработка древесины – производство целлюлозы, бумаги, картона и т. д. (III передел), рубки промежуточного ухода и др. функционал.

Развитие лесопромышленного комплекса таких государств как Финляндия, Швеция, США и Канада (одни из крупнейших производителей и экспортеров продукции лесопромышленного комплекса), прежде всего ориентировано на глубокую переработку древесины с использованием инновационных технологий для достижения максимального ресурсосбережения [Чомаев, 2017]. Доля лесной промышленной Финляндии в структуре обрабатывающих производств страны составляет 21,6%, Канады – 10,5%, США – 7,3% [Летовальцева, 2024].

На ЛПК России приходится 3% мирового объема продукции отрасли и менее 1% ВВП страны², доля отрасли в структуре обрабатывающих производств составляет 4,4% [Наговицына, Пирогова, 2024], при этом наибольшее развитие направлено на продукцию низких переделов (необработанная древесина и пиломатериалы), а текущих мощностей недостаточно для глубокой переработки лесного сырья [Мураев, Сметанин, Сушко, 2023].

В работе использовались статический и структурный методы анализа, основанные на исследовании динамики и струк-

туры продукции лесопромышленного комплекса Хабаровского края. Для исследования использовались данные Росстата и Министерства лесного хозяйства и лесопереработки Хабаровского края за период с 2013 г. по 2023 г., нормативные правовые акты.

Характеристика лесопромышленного комплекса Хабаровского края

Хабаровский край является одним из крупнейших лесосырьевых районов России. Регион занимает 4 место среди всех субъектов РФ по объему запаса древесины – 5,1 млрд м³ (6,2% от запаса России)³ и 4 место по площади лесных земель, покрытой лесом, – 52,5 млн га⁴ (6,6% от площади лесных земель России).

По состоянию на 01.01.2024 лесной фонд края составляет более 73,1 млн гектаров, из которых 50,7 млн гектаров приходятся на покрытые лесом земли с запасом древесины 4,96 млрд м³, в том числе хвойные – 83% (4,11 млрд м³), твердолиственные – 4% (0,2 млрд м³), мягколиственные – 8% (0,4 млрд м³) и кустарники – 5% (0,25 млрд м³). Основные лесные запасы расположены в удаленных, малонаселенных и труднодоступных районах края (в том числе с низкой инфраструктурной освоенностью): Верхнебуреинский, Охотский, Аяно-Майский и Тугуро-Чумиканский⁵, на их долю приходится более 60% лесопокрытой площади и 50% запасов древесины края [Антонова, Дзюба, 2024. С. 10–11]. В связи с чем наиболее востребованными являются лесные ресурсы южной зоны Хабаровского края.

Запас и видовое разнообразие произрастающих растений формируют предпосылки для развития лесопромышленного комплекса региона.

Лесопромышленный комплекс Хабаровского края представлен исключительно лесозаготовительными и деревообрабатывающими производствами [Раз-

² Совещание о развитии и декриминализации лесного комплекса. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64116> (дата обращения: 01.03.2025).

³ Общий запас древесины лесных насаждений на землях лесного фонда и землях иных категорий. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38195> (дата обращения: 05.04.2025).

⁴ Площадь лесных земель. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38194> (дата обращения: 05.04.2025).

⁵ Постановление Губернатора Хабаровского края от 31.01.2019 г. № 5 «Об утверждении Лесного плана Хабаровского края на 2019–2028 годы». URL: <https://les.khabkrai.ru/?menu=getfile&id=6625&view=1> (дата обращения: 05.03.2025).

витие экономики..., 2021], его развитие вплоть до 2022 г. происходило в ресурсно-экспортном направлении – около 65–70% экспорта древесины приходилось на необработанную древесину, около 23–27% составляли пиломатериалы, 4–4,5% плитная продукция и менее 1% топливные гранулы, ключевыми рынками сбыта являлись Китай, Республика Корея и Япония [Буданова, Жиленкова, Коньшакова, Кузнецов, Моисеенко, 2023. С. 407–408].

На территории края мощности лесопромышленного комплекса направлены на механическую обработку древесины (II передела): производство пиломатериалов, пеллет и лущеного шпона.

Мощности химической и термохимической переработки древесины (III передела) в Хабаровском крае отсутствуют [Лесной комплекс ..., 2001], что не позволяет производить продукцию с высокой добавленной стоимостью – бумага, картон и др.

Ввод санкций в 2022 г. со стороны недружественных стран стал причиной отказа от закупок обработанной древесины Республикой Корея и Японией, вступление в силу ограничения на экспорт необработанной древесины⁶ [Бурдакова, Бянкин, Мешков, 2023] снизило экспортный потенциал лесопромышленного комплекса края – экспорт основной продукции (необработанной древесины) существенно ограничен, мощности деревообработки ограничены, производства по глубокой переработке древесины отсутствуют. Ограничение экспорта необработанной древесины обусловлено необходимостью привлечения инвестиций для создания на территории Дальнего Востока целлюлозно-бумажных и перерабатывающих производств, а также развития деревянного домостроения².

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время лесопромышленный комплекс Хабаровского края находится в достаточно уязвимом положении

– модель экспорта необработанной древесины в условиях внутренних и внешних ограничений становится препятствующим фактором для интенсивного развития.

В целях оценки результата адаптации лесного комплекса региона к изменениям внешних и внутренних условий оценим динамику показателей производства лесопромышленной и лесозаготовительной отрасли лесного комплекса.

Анализ использования лесных ресурсов Хабаровского края

Объем лесозаготовок лесопромышленного комплекса Хабаровского края в период с 2013 г. по 2023 г. представлен на рисунке 2.

Существенный рост объемов заготовки древесины в период с 2013 г. по 2018 г. обусловлен увеличением экспорта необработанной древесины в КНР [Лесные и лесоболотные ..., 2020].

Снижение объемов заготовки древесины с 2019 г. обусловлено различными внутренними и внешними факторами:

увеличением в 2018 г. ставки вывозной таможенной пошлины с 6,5% до 13% на экспорт необработанной древесины для субъектов ДФО⁷;

вводом в 2021 г. экспортных таможенных пошлин в размере 10% (не менее 13 евро за 1 м³) на грубо обработанные пиломатериалы⁸;

ограничением экспорта необработанной древесины из России с 2022 г.;

вводом санкций на экспорт древесины и пиломатериалов со стороны недружественных стран в 2022 г.

Ограничение экспорта необработанной древесины в совокупности с санкциями недружественных стран стали ключевыми факторами сокращения объемов лесозаготовки в Хабаровском крае. Подобное сокращение объемов заготовки древесины сопоставимо с падением показателей лесопромышленного комплекса региона в 1990-е гг. [Лесной

⁶ Постановление Правительства РФ № 313 от 9 марта 2022 г. «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 8 марта 2022 г. № 100». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203100018?index=2> (дата обращения: 05.04.2025).

⁷ Шумит тайга. Лесную отрасль Дальнего Востока ударил шторм на внешних рынках. URL: https://www.alt.ru/dvfo_news/76561/ (дата обращения: 26.03.2025).

⁸ С 1 июля 2021 г. вводятся экспортные пошлины на отдельные виды лесоматериалов. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/ved/novosti-dl-uchastnikov-ved/document/290807> (дата обращения: 04.04.2025).

комплекс ..., 2005].

Вместе с тем ограничение экспорта необработанной древесины стимулировало увеличение объемов механической обработки древесины (пиломатериалы, пеллеты и лущеный шпон).

Оценим динамику объема производ-

ства продукции деревообработки Хабаровского края в период с 2013 г. по 2023 г. (рис. 3).

При сравнении темпов объемов производства пиломатериалов, пеллет и шпона можно выделить наибольший относительный прирост производства пел-

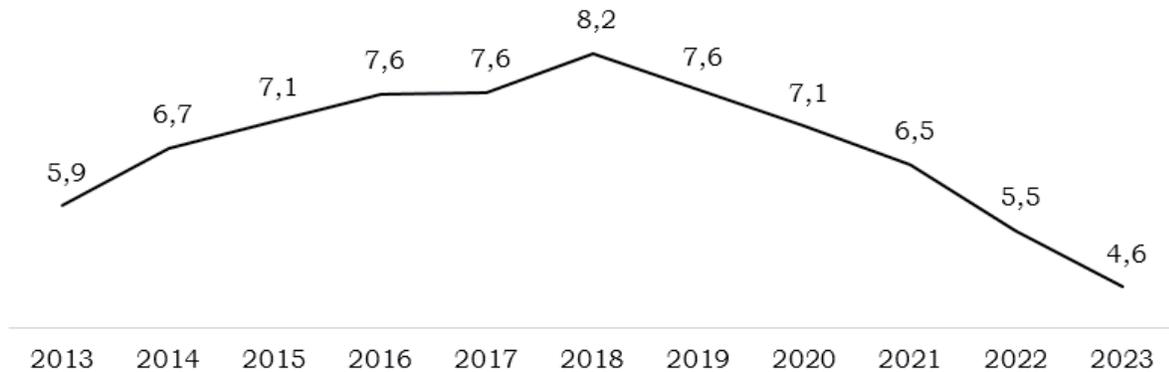

Рис. 2. Объем лесозаготовок древесины в Хабаровском крае, в млн м³
Источник: Источник: Объем заготовленной древесины. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/37848> (дата обращения: 20.03.2025)

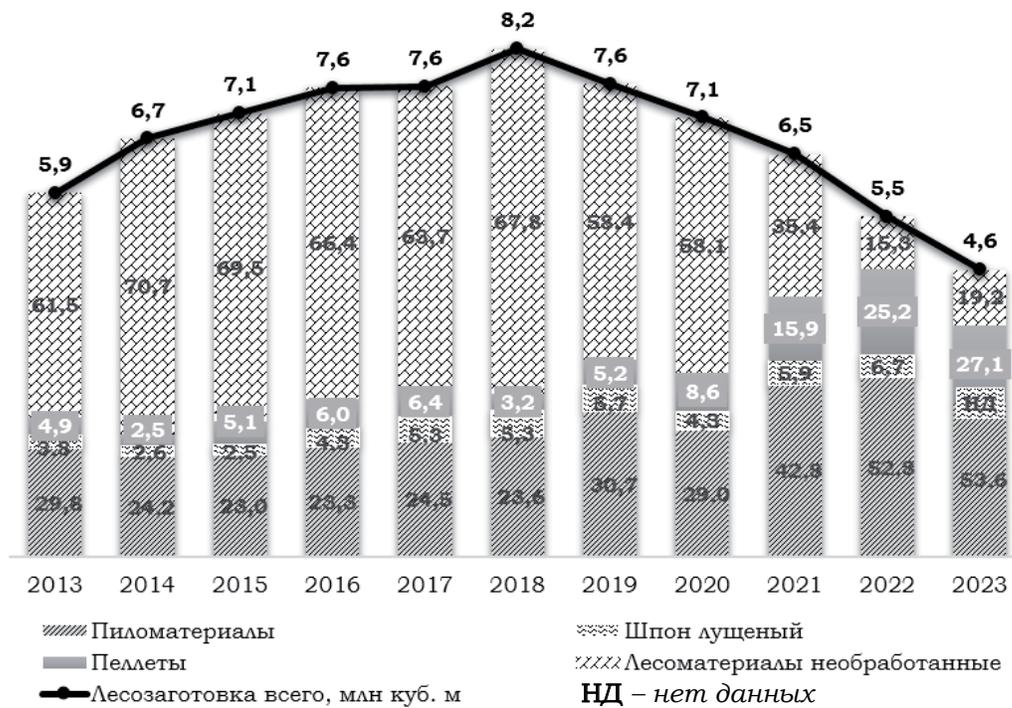

Рис. 3. Динамика структуры продукции лесопромышленного комплекса Хабаровского края, 2013–2023 гг., в %

Источник: рассчитано с применением конверсионных коэффициентов пересчета в необработанные лесоматериалы по: Лесопромышленный комплекс ХК. URL: <https://les.khabkrai.ru/Deyatelnost/Lesopromyshlenniy-kompleks/> (дата обращения: 10.04.2025); Производство основных видов продукции в натуральном выражении за 2017–2023гг. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/25044> (дата обращения: 15.04.2025); Производство основных видов продукции в натуральном выражении (годовые данные с 2010 г.). URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/25044> (дата обращения: 15.04.2025).

лет, что обусловлено ростом спроса на внешнем рынке. Дополнительный позитивный эффект на производство пеллет оказал спрос на данную продукцию в Республике Корея, что позволило нарастить мощности производства для последующего экспорта.

Увеличение объемов механической обработки обусловлено ограничением экспорта необработанной древесины, что особенно заметно по росту объемов производства пеллет и пиломатериалов в 2022 г., а также сокращению доли необработанной древесины. В 2023 г. Республика Корея и Япония отказались от российского леса, в том числе и обработанной древесины⁹, что сказалось на снижении объемов производства шпона лущенного, ориентированного в большей мере на экспорт в Японию, из-за необходимости поиска новых рынков сбыта и затовариванию складских мощностей.

Проведенный анализ демонстрирует, что в период с 2013 г. по 2023 г. объемы деревообработки увеличились, однако увеличение доли обработанной древесины в 2021–2023 г. обусловлено снижением объемов заготовки древесины до значений, немного превышающих потребности деревообработки. При этом структура лесопромышленного комплекса остается достаточно узконаправленной, большая часть из которой приходится на пиломатериалы.

Вместе с тем продукция деревообработки (как и необработанная древесина) остаются подверженными влиянию внешней конъюнктуры, что формирует существенные риски для развития лесопромышленного комплекса Хабаровского края в период действия международных санкций.

Заключение

Оценка структуры продукции лесопромышленного комплекса Хабаровского края в период с 2013 г. по 2023 г., продемонстрировала увеличение объемов и доли деревообработки в общем объеме заготовленной древесины. Достигнутый результат обусловлен стремительным сокращением с 2019 г. объемов

заготовленной древесины в результате внешних и внутренних факторов.

Развитие лесозаготовительной отрасли края ориентировано на экспорт, что в условиях действия международных санкций и колебаний внешней рыночной конъюнктуры формирует существенные риски для функционирования и дальнейшего развития отрасли. Введенные в 2022 г. ограничения на экспорт необработанной древесины совместно с санкциями недружественных стран снизили объемы заготовки древесины, стали факторами массового сокращения рабочих мест в лесозаготовительных компаниях. При этом существенного развития деревообработки не произошло – в настоящее время не созданы новые мощности по производству дополнительных видов продукции низкого и высокого передела (II и III переделов соответственно).

Для решения проблемы действующей экспортно-сырьевой модели лесопромышленного комплекса Хабаровского края необходимо обеспечить его интенсивное развитие. В настоящее время активно существует два направления по дальнейшему развитию лесного комплекса, первое предлагает развитие через лесную промышленность, второе – через лесное хозяйство.

Сторонники первого направления, «сырьевого», ориентируются на развитие лесопромышленного комплекса через внедрение ресурсосберегающих технологий по глубокой переработке древесины, в том числе создание лесных кластеров, способствующих снижению производственных издержек и укреплению кооперации, [Пенягина, Титов, 2018] и обеспечение устойчивого развития путем модернизации существующего оборудования, создания замкнутых производственных циклов и т. д. [Медведев, Мохирев, Зырянов, 2023].

Сторонники второго направления, «экосистемного», опираются на развитие лесного комплекса через лесное хозяйство и достижение углеродной нейтральности, предлагается повышение интенсивности воспроизводства лесов

⁹ Япония и Корея отказываются от дальневосточного леса. URL: <https://primamedia.ru/news/1498844/> (дата обращения: 25.03.2025).

и создания лесных плантаций в качестве будущей сырьевой базы ЛПК [Заусаев, Панкратова, 2023], а также реализация лесоклиматических проектов, направленных на лесовосстановление лесных участков, подвергшихся лесным пожарам. Реализация лесоклиматических проектов предполагает комплексное освоение лесных участков: создание частных природных парков, мест рекреации, для проведения научных и общественных мероприятий, создания ягодных, грибных и лекарственных ферм [Дзюба, 2025]. Согласно расчетам автора, совокупный экономический эффект за 15 лет реализации проекта на 1000 га

составит более 3 млрд рублей.

По мнению автора, для эффективного развития лесного комплекса Хабаровского края необходимо обеспечить реализацию обоих направлений за счет комплексного использования различных полезностей леса. Внедрение новых ресурсосберегающих технологий по глубокой деревопереработке позволит повысить эффективность использования древесных ресурсов региона, реализация лесоклиматических проектов будет способствовать сохранению климата, вовлечению в хозяйственный оборот рекреационных, пищевых и лекарственных ресурсов.

Список источников:

1. Антонова, Н. Е. (а) Исследование эффективности использования лесных ресурсов региона в период экономической нестабильности // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 61–69. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-109-4-61-69 EDN: AUNUAD
2. Антонова, Н. Е. (б) Лесной комплекс Дальневосточного федерального округа: тенденции развития в 2022-2023 гг. // Регионалистика. 2023. Т. 10. № 5. С. 101–114. DOI: 10.14530/reg.2023.5.101 EDN: LZNOJA
3. Антонова, Н. Е. (в) Трансформация лесного комплекса за годы российских реформ: дальневосточный срез // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 83–106. DOI: 10.14530/se.2017.3.083-106 EDN: ZFAPNL
4. Антонова, Н. Е., Дзюба, Н. А. Лесоклиматические проекты как новый приоритет стратегического развития лесного комплекса региона // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 1. С. 5–23. DOI: 10.14530/reg.2024.1.5 EDN: IKTVPZ
5. Буданова, М. В., Жиленкова, Е. П., Коньшакова, С. А., Кузнецов, С. Г., Моисеенко, С. А. Оценка показателей степени глубокой (комплексной) переработки древесины Хабаровского края и Дальневосточного округа // Экономика и предпринимательство. 2023. № 3 (152). С. 402–410. DOI: 10.34925/EIP.2023.152.3.081 EDN: TSTELF
6. Бурдакова, Г. И., Бянкин, А. С., Мешков, А. С. Исследование регионального спроса на продукцию лесопромышленного комплекса в условиях внешних санкционных давлений // *п-Economy*. 2023. Т. 16. № 1. С. 98–113. DOI: 10.18721/JE.16107 EDN: DJLLPR
7. Дзюба, Н. А. Экосистемные услуги лесоклиматических проектов (на примере Хабаровского края) // Молодые ученые экономике Дальнего Востока – 2025: Сборник статей по материалам конференции молодых ученых-экономистов, Хабаровск, 16–17 января 2025 года. Хабаровск: Институт экономических исследований ДВО РАН, 2025. С. 41–52. EDN: ZESXZL
8. Заусаев, В. К., Панкратова, Н. Н. Интенсификация воспроизводства лесов как необходимое условие устойчивого развития лесного комплекса Дальнего Востока России // Лесохозяйственная информация. 2023. № 4. С. 61–70. DOI: 10.24419/LHI.2304-3083.2023.4.06 EDN: LXGKDA
9. Лесные и лесоболотные экосистемы Приамурья, их роль в социально-экономическом развитии региона. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2020. 356 с.
10. Лесной комплекс Дальнего Востока России: аналитический обзор / Под ред. А. С. Шейнгауза. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2005. 160 с.
11. Лесной комплекс Хабаровского края: основные направления развития / Под

ред. А.С. Шейнгауза. Хабаровск: РИОТИП, 2001. 256 с.

12. Летовальцева, М. А. Задачи совершенствования лесных отношений в России с учётом зарубежного опыта // Проблемы рыночной экономики. 2024. № 4. С. 48–57. DOI: 10.33051/2500-2325-2024-4-48-57 EDN: FOJAEM

13. Медведев, С. О., Мохирев, А. П., Зырянов, М. А. Устойчивое развитие региональных лесопромышленных комплексов // Материалы XIX Международного конгресса с элементами научной школы для молодых ученых «Устойчивое развитие: геополитическая трансформация и национальные приоритеты». М.: МУ им. С.Ю. Витте, 2023. Т. 1. С. 294–301. EDN: LWOVWW

14. Мураев, И. Г., Сметанин, А. В., Сушко, О. П. Компаративный анализ деятельности лесного комплекса лесобеспеченных стран // Креативная экономика. 2023. Т. 17. № 9. С. 3357–3378. DOI: 10.18334/се.17.9.118912 EDN: YMPWZH

15. Наговицына, Э. В., Пирогова, А. А. Основные вопросы развития экспортного потенциала лесопромышленной отрасли России // Дневник науки. 2024. № 12(96). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_82315841_88236062.pdf (дата обращения: 10.04.2025) EDN: TNUNRP

16. Пенягина, Н. Б., Титов, А. А. Создание территориальных инновационных лесных кластеров как фактор устойчивого развития лесного комплекса России // Вопросы науки и образования. 2018. № 25 (37). С. 4–7. EDN: YNVQDB

17. Платонова, Н. М., Яхимович, С. Ю. Социально-экономические последствия приватизации в лесной промышленности Хабаровского края // Реформы конца XX–начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. статей / отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. С. 130–139. DOI: 10.24411/9999-056A-2020-10012 EDN: QXOONU

18. Развитие больших социально-экономических систем: Дальневосточный макрорегион / отв. ред. П. А. Минакир, А. Г. Исаев; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2023. 352 с.

19. Развитие экономики Дальнего Востока России: эффекты государственной политики / отв. ред. П. А. Минакир, С. Н. Найден; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. 208 с.

20. Чомаев, Ф. Т. Зарубежный опыт формирования экспортоориентированных лесопромышленных комплексов // Вестник университета. № 11. 2017. С. 72–78. DOI: 10.26425/1816-4277-2017-11-72-78 EDN: QHTQVF

References:

1. Antonova, N. E. (2024) Efficiency of Forest Resource Usage in the Region during the Period of Economic Instability *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 61–69. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-109-4-61-69 EDN: AUNUAD (in Russ.).

2. Antonova, N. E. (2023) Forest Complex of the Far Eastern Federal District: Development Trends in 2022–2023 *Regionalistica* [Regionalistics], vol. 10, no. 5, pp. 101–114. DOI: 10.14530/reg.2023.5.101 EDN: LZNOJA (in Russ.).

3. Antonova, N. E. (2023) Transformation of the Forest Complex during the Years of Russian Reforms: The Far Eastern Viewpoint *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics], no. 3, pp. 83–106. DOI: 10.14530/se.2017.3.083-106 EDN: ZFAPNL (in Russ.).

4. Antonova, N. E., Dzyuba, N. A. (2024) Forest Climate Projects as a new priority for the strategic development of the region's forest complex *Regionalistica* [Regionalistics], vol. 11, no. 1, pp. 5–23. DOI: 10.14530/reg.2024.1.5 EDN: IKTPVZ (In Russ.).

5. Budanova, M. V., Zhilenkova, E. P., Kon'shakova, S. A., Kuznetsov, S. G., Moiseenko, S. L. (2023) Assessment of indicators of the degree of deep (complex) processing of wood in Khabarovsk Krai and the Far Eastern District *Ekonomika i predprinimatel'stvo*

[Economy and Entrepreneurship], no. 3 (152), pp. 402–410. (In Russ.). DOI: 10.34925/EIP.2023.152.3.081 EDN: TSTELF (In Russ.).

6. Burdakova, G. I., Byankin, A. S., Meshkov, A. S. (2023) Study of regional demand for timber industry products in the context of external sanctions pressures *π-Economy* [π-Economy], vol. 16, no. 1, pp. 98–113. DOI: 10.18721/JE.16107 EDN: DJLLPR (In Russ.).

7. Dzyuba, N. A. (2024) Ecosystem services of forest climate projects (on the example of Khabarovsk Krai) in Young scientists in the economy of the Far East – 2025: Collection of articles based on the materials of the conference of young scientists-economists, Khabarovsk, January 16-17, 2025. Khabarovsk: Institute of Economic Research, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, pp. 41–52/ EDN: ZESXZL (in Russ.).

8. Zausaev, V. K., Pankratova, N. N. (2023) Intensification of Forest Production as a Necessary Condition for the Sustainable Development of the Forest Complex of the Far East *Lesokhozyaystvennaya informatsiya* [Forestry information], no. 3, pp. 61–70. DOI: 10.24419/LHI.2304-3083.2023.4.06 EDN: LXGKDA

9. Forest and forest-swamp ecosystems of the Amur region, their role in the socio-economic development of the region 2020. Khabarovsk: Khabarovsk regional printing house, 356 p. (in Russ.).

10. Forest Sector of the Russian Far East: An Analytical Survey (2005). Ed. Alexander S. Sheingauz. Vladivostok: Khabarovsk: FEB RAS, 160 p. (in Russ.).

11. Forestry complex of Khabarovsk Krai: main directions of development (2001). Ed. Alexander S. Sheingauz. Khabarovsk: RIOTIP, 256 p. (in Russ.).

12. Letoval'tseva, M. A. (2024) Tasks of improving forest relations in Russia taking into account foreign experience *Problemy rynochnoy ekonomiki* [Problems of market economy], no. 4, pp. 48–57. DOI: 10.33051/2500-2325-2024-4-48-57 EDN: FOJAEM (in Russ.).

13. Medvedev, S. O., Mokhirev, A. P., Zyryanov, M. A. (2023) Sustainable development of regional forestry complexes in Proceedings of the XIX International Congress with elements of a scientific school for young scientists “Sustainable Development: Geopolitical Transformation and National Priorities”: M.: MU im. S.Yu. Vitte, vol. 1, pp. 294–301 (in Russ.).

14. Muraev, I. G., Smetanin, A. V., Sushko, O. P. (2023) Comparative analysis of the activities of the forest complex of forest-rich countries *Kreativnaya ekonomika* [Creative economy], vol. 17, no. 9, pp. 3357–3378. DOI: 10.18334/ce.17.9.118912 EDN: YMPWZH (in Russ.).

15. Nagovitsyna, E. V., Pirogova, A. A. (2024) Key issues of developing the export potential of the Russian forest industry *Dnevnik nauki* [Science Diary], no. 12 (96), [Electronic resource] - Access mode: https://elibrary.ru/download/elibrary_82315841_88236062.pdf (access date: 10.04.2025) (in Russ.).

16. Penyagina, N. B., Titov, A. A. (2018) Creation of territorial innovative forest clusters as a factor in sustainable development of the forest complex of Russia *Voprosy nauki i obrazovaniya* [Science and Education Issues], no. 25 (37), pp. 4–7 (in Russ.).

17. Platonova, N. M., Yakhimovich, S. Yu. (2020) Socio-economic Consequences of Privatization in the Forest Industry of the Khabarovsk Territory in Reforms of the Late 20th – early 21st Century in the Post-Soviet Space: Regional Aspect: Collection of Scientific Articles. Executive ed. A.S. Vashchuk. Vladivostok, IHAE FEB RAS Publ., pp. 130–139. DOI: 10.24411/9999-056A-2020-10012 EDN: QXOONU (in Russ.).

18. Development of Large Socio-Economic Systems: Far Eastern Macroregion / Ed. P.A. Minakir, A.G. Isaev; Economic Research Institute FEB RAS. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 2023. 352 p. (in Russ.).

19. Development of the Economy of the Russian Far East: The Effects of the State Policy / Ed. by Minakir P. A., Nayden S. N.; Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 2021. 208 p. (in Russ.).

20. Chomaev, F.T. (2017) Foreign experience in the formation of export-oriented for-

est industry complexes *Vestnik universiteta* [University Bulletin], no. 11, pp. 72–78. DOI: 10.26425/1816-4277-2017-11-72-78 EDN: QHTQVF (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 28.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 21.04.2025; approved after reviewing 28.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.

Информация об авторе

Н. А. Дзюба – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

N. A. Dzyuba – Graduate student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья
УДК 316.485.2+004.9
<https://elibrary.ru/NVHWSJ>

Признаки онлайн и офлайн социально-политической мобилизации сообществ в городских конфликтах

Яна Александровна Брандт

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
yan.brand@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются признаки социальной и политической мобилизации городских сообществ в условиях градостроительных конфликтов. Цель статьи – выявить характерные признаки мобилизационных процессов в онлайн- и офлайн-пространствах. Методологическую основу исследования составляют кейс-стади на примере двух российских городов – Кемерово и Красноярска, где в рамках программ реновации и комплексного развития территорий (КРТ) реализовывались крупные проекты трансформации городской среды. Особое внимание уделено цифровой форме мобилизации, применён контент-анализ пользовательских комментариев в социальных сетях. Так, в статье предложена типология признаков онлайн и офлайн социально-политической мобилизации: от цифровых реакций (петиции, комментарии, чаты) до офлайн-действий (митинги, судебные иски, формирование инициативных групп). Результаты исследования показывают, что интенсивность мобилизации варьируется от фрагментарных цифровых реакций до устойчивой правовой и политической активности в зависимости от уровня информированности жителей, характера взаимодействия с органами публичной власти, символической значимости изменяемых территорий. В городе Кемерово мобилизация носила преимущественно цифровой, фрагментарный характер, тогда как в городе Красноярске наблюдалась выраженная офлайн-активность и влияние на законодательство.

Ключевые слова: социально-политическая мобилизация; городская среда; городские конфликты; признаки мобилизации; взаимодействие

Благодарность: работа выполнена по гранту / при финансовой поддержке РФФ № 25-28-01459 теме «Социальная и политическая мобилизация женских и молодежных сообществ Сибирского макрорегиона в условиях специальной военной операции (СВО)».

Для цитирования: Брандт Я. А. Признаки онлайн и офлайн социально-политической мобилизации сообществ в городских конфликтах // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 2 (111). С. 134–145. EDN: NVHWSJ

Original article

Socio-Political Mobilization of Communities in Urban Conflicts: Online and Offline Indicators

Yana A. Brandt

The Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
yan.brand@mail.ru

Abstract. The article examines the indicators of social and political mobilization of urban

communities in the context of urban development conflicts. The study aims at identifying the distinctive features of mobilization processes in both online and offline environments. The methodological framework embraces case studies conducted in two Russian cities – Kemerovo and Krasnoyarsk – having implemented large-scale urban transformation projects within renovation and integrated territorial development programs. The paper focuses on digital forms of mobilization conducting a content analysis of user comments on social media platforms. The article proposes a typology of online and offline socio-political mobilization indicators: from digital reactions (petitions, comments, chat discussions) to offline actions (protests, legal actions, formation of grassroots initiative groups). The findings show that the intensity of mobilization ranges from fragmented digital responses to sustained legal and political activity, depending on residents' level of awareness, the nature of their interactions with public authorities, and the symbolic significance of the areas undergoing transformation. For instance, in Kemerovo, mobilization was predominantly digital and fragmented, whereas Krasnoyarsk showed pronounced offline activity and legislative influence.

Keywords: socio-political mobilization; urban environment; urban conflicts; mobilization indicators; public interaction

Acknowledgments: research was carried out under a grant/with financial support from the Russian Science Foundation No. 25-28-01459 on the topic «Social and political mobilization of women's and youth communities of the Siberian macroregion in the conditions of a special military operation».

For citation: Brandt, Ya. A. (2025) Socio-Political Mobilization of Communities in Urban Conflicts: Online and Offline Indicators *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (111), pp. 134–145. EDN: NVHWSJ

Введение

Городская среда представляет собой не только физическое пространство, но и социальное поле, в котором пересекаются интересы различных субъектов – прежде всего органов публичной власти и населения. Для жителей городская среда – повседневное пространство жизни, связанное с идентичностью, привычками и социальными практиками. Для власти – объект управления, регулирования и преобразования, подчинённый логике стратегического развития и административного планирования. Такое различие в восприятии и целях порождает необходимость постоянного согласования интересов, особенно в условиях активной трансформации городской среды.

Сегодня значительная часть изменений в городах реализуется в рамках национальных и региональных проектов, таких как «Формирование комфортной городской среды», программы реновации, благоустройства, инфраструктурного обновления. Однако существующие меха-

низмы взаимодействия между властью и жителями в этих процессах часто оказываются недостаточными: формы участия носят формальный характер, практики обратной связи слабо выражены, а мнения жителей не всегда учитываются. Это ведёт к нарастанию напряжённости и может служить триггером для социальной и политической мобилизации.

В ситуациях, когда решения принимаются без достаточного общественного обсуждения, когда нарушаются устоявшиеся практики пользования пространством или не учитываются локальные особенности территории, население переходит от пассивного наблюдения к активным действиям. Эти действия могут принимать как форму самоорганизации и локального сопротивления, так и направленные усилия – обращения, петиции, участие в публичных слушаниях. Таким образом, городская среда становится не только объектом управления, но и ареной социально-политического взаимодействия. Цель статьи: выявить признаки

социальной и политической мобилизации сообществ в городских конфликтах.

Городские конфликты как фактор мобилизации

Социально-политическая мобилизация в условиях современных городских трансформаций представляет собой многоуровневый процесс, отражающий активизацию местных сообществ в ответ на значимые изменения в социальной и пространственной организации. Она охватывает как формы социальной мобилизации – объединение жителей вокруг вопросов, касающихся повседневной жизни и значимых локальных проблем (самоорганизация, консолидация ресурсов, формирование устойчивых горизонтальных связей в городской среде), так и формы политической мобилизации – артикуляция интересов в направлении властных институтов и чаще всего реализуется через апелляцию к органам публичной власти, вовлечение в процессы принятия решений, участие в публичных слушаниях и обращениях.

Ряд отечественных исследователей (Т. И. Заславская, Н. И. Лапин, Н. Е. Тихонова, М. А. Шабанова, В. А. Ядов и др.) анализируют мобилизацию в рамках транзитивных моделей общественного развития, акцентируя внимание на её роли в условиях модернизационных изменений [Заславская, 2004; Лапин, 2018; Тихонова, 2007; Шабанова, 2014; Ядов, 2006].

Я. Ю. Шашкова и Д. А. Качусов фиксируют региональные различия в активности сетевых объединений: Новосибирская область демонстрирует высокий уровень гражданской активности, в Томской и Кемеровской областях преобладают экологические инициативы, а в Алтайском крае – урбанистические [Шашкова, Качусов, 2022. С. 60–64].

Цифровая мобилизация представляет собой механизм, при котором виртуальное пространство становится не просто каналом информирования, но и платформой для координации действий, формирования коллективной повестки, генерации новых сообществ и установления горизонтальных связей. Такая мобилизация предполагает активное ис-

пользование возможностей социальных сетей, цифровых платформ и интернет-коммуникаций: репостов, хэштегов, цифровых петиций, геометок и других инструментов, способствующих идентификации участников, усилению эффекта присутствия и привлечению внимания к значимым вопросам.

Цифровая мобилизация не подменяет традиционные формы участия, а существует с ними в состоянии гибридности. Она усиливает офлайн-инициативы, а в ряде случаев становится их катализатором. В условиях городских конфликтов цифровая активность позволяет быстро мобилизовать ресурсы внимания, сформировать дискурс и предложить альтернативные точки зрения, часто игнорируемые в официальной повестке. Цифровая мобилизация – это не только реактивный ответ на управленческие решения, но и форма структурированной гражданской активности, основанная на сетевых связях, виртуальном самовыражении. Её потенциал нуждается в дальнейшем осмыслении, особенно в контексте устойчивого развития механизмов соучастия и согласования интересов в реализации проектов изменения городской среды.

Исследование сетевых сообществ в регионах Юго-Западной Сибири, представленное в статье «Состояние сетевых общественных объединений...», демонстрирует два типа мобилизации: конструктивную, связанную с целеполаганием, и вынужденную, возникающую как ответ на кризисные ситуации [Шашкова, Качусов, 2022. С. 218–221]. В. В. Зотов [Зотов, 2021] указывает на сдвиг границ между публичным и частным в условиях цифровизации: государственные платформы становятся каналами координации, при этом граждане демонстрируют готовность к передаче данных при условии сохранения конфиденциальности. Исследование Л. А. Василенко и В. А. Шиловой вводит категорию «социально-сетевой субъектности» – способность цифровых сообществ влиять на принятие решений, выступая организованной социальной силой [Василенко, Шилова, 2022]. Работа Л. А. Чернышевой и О. Н. Запорожец акцентирует внимание на локальных

формах цифровой мобилизации. Авторы вводят понятие локального коннективного действия, описывая, как администраторы онлайн-страниц формируют каналы взаимодействия, совмещающие цифровую и офлайн-активность, тем самым превращая сетевые мобилизации в гибридные формы коллективного действия [Чернышева, Запорожец, 2023].

Городская среда, будучи пространством пересечения множества интересов, неизбежно порождает конфликты, когда изменения, инициированные властями или застройщиками, воспринимаются жителями как угроза их идентичности, привычному укладу жизни. Изучение признаков социальной и политической мобилизации в таких конфликтах позволяет понять, как горожане отстаивают свои интересы и влияют на трансформацию городской среды.

В статье «Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска)» анализируются оборонительные сообщества, возникающие в ответ на изменения городской среды, воспринимаемые жителями как угроза их идентичности и качеству жизни. Авторы приходят к выводу, что такие группы чаще всего формируются в социально устойчивых и относительно благополучных районах. Отмечается, что оборонительные сообщества чаще всего носят ситуативный характер и распадаются после достижения своей цели, однако в некоторых случаях они могут сохраняться и трансформироваться в устойчивые формы местной самоорганизации [Скалабан, Сергеева, Лобанов, 2022].

На основе изучения городских конфликтов исследуется, каким образом активность горожан способствует адаптации местной власти и трансформации политического режима. Способность горожан добиваться изменений зависит от множества факторов, включая неформальные практики взаимодействия, накопленный опыт гражданской активности и личностные качества представителей городской власти. В некоторых случаях протестная активность приводит к изменению моделей взаимодействия,

включая элементы совместного планирования [Белоусов, Давыдов, 2023]. При этом важно учитывать процессуальный характер городских конфликтов, выделяя ключевые этапы в развитии городских конфликтов, включая инициацию, эскалацию, институционализацию и завершение. Городские конфликты являются не только борьбой за пространство, но и сложными процессами, в которых переплетаются различные интересы, стратегии и ресурсы [Семенов, 2024].

Е. А. Кранзеева, Е. В. Головацкий и А. В. Орлова исследуют, как местные сообщества взаимодействуют с органами власти в процессе реализации проектов благоустройства. Они акцентируют внимание на «реактивных» формах взаимодействия, возникающих в ответ на инициативы сверху. Особое внимание уделяется тому, как цифровизация и использование онлайн-платформ влияют на социально-политическое взаимодействие. Подчеркивается важность учета мнения местных сообществ при реализации проектов благоустройства, а также необходимость развития механизмов обратной связи и участия населения в процессе принятия решений [Кранзеева, Головацкий, Орлова, 2021].

Совокупность исследований позволяет утверждать, что городская среда – это естественное поле для проявления социальной и политической мобилизации, что позволяет зафиксировать признаки мобилизационной активности, которые могут проявляться в разных формах. Выбор анализа кейсов городских конфликтов обусловлен тем, что именно в этих ситуациях наиболее явно проявляется активизация местных сообществ, способность трансформировать взаимодействие и выходить за пределы ситуативной реакции, формируя устойчивые формы гражданского участия.

Признаки социально-политической мобилизации на примере городских конфликтов

Признаки социально-политической мобилизации – это эмпирически фиксируемые характеристики и проявления активности сообществ, свидетельствующие о переходе от латентного недоволь-

ства к осознанному и целенаправленному участию в социальных и политических процессах.

Проекты комплексного развития территорий, иницилируемые публичной властью и поддерживаемые через региональные и федеральные механизмы, как показывает практика, часто сопровождаются протестными или напряжёнными реакциями со стороны населения. Причинами могут являться недостаток прозрачности, несогласованность планов с жителями, нарушение привычного образа жизни и восприятия городской среды. Принудительные сносы и несправедливые компенсации, могут привести к массовому сопротивлению со стороны местных сообществ. В качестве основы сопротивления реализации проекта исследователи выделяют чувство привязанности к своему району ¹[Yushu, 2022]. В рамках реализации проекта реновации могут происходить потери территориального социального капитала, поскольку разрушаются привычные соседские связи. При комплексной схеме реновации возможен рост социального капитала, это связано с тем, что обсуждение и реализация проекта объединят вокруг себя равнодушных жителей, соседей² [Koster, 2018].

Именно в таких условиях активизируются процессы самоорганизации, мобилизации, артикуляции требований к власти, в том числе через цифровые каналы. Нами были отобраны два кейса – проекты комплексного развития территории (КРТ) в городах Кемерово и Красноярск. Оба кейса отражают типичные ситуации, в которых возникают городские конфликты, вызванные реализацией масштабных преобразований, затрагивающих интересы жителей.

Источниками данных послужили: сообщения в СМИ; официальные заявления властей; публичные комментарии (соцсети).

Кейс 1. Кемерово-Реновация

Контекст. В январе 2023 г. глава города Кемерово объявил о начале работ по проекту реновации заискитимской части города. Первый этап предполагает реконструкцию инженерных сетей, дорог и трамвайных путей. Проект реновации предусматривал комплексную застройку территории, включающую снос частных домов, выкуп недвижимости, переселение жителей и создание новой жилой и социальной инфраструктуры. Инициатива была представлена как часть долгосрочной стратегии обновления городской среды и развития территории.

Социально-политическая мобилизация. На начальных этапах проявился цифровой активизм с устойчивым вовлечением, но в дальнейшем наблюдалось снижение интенсивности. Основные формы участия ограничены цифровыми реакциями и комментариями, при этом появлялось социальное напряжение из-за несоответствия ожиданий и темпов реализации проекта. Так, на начальном этапе ключевым онлайн-признаком мобилизации стало упоминание проблем в социальных сетях. По результатам количественного анализа с помощью программы Advego были получены характеристики комментариев (по ключевым словам) (табл. 1). Частоты употребления слов отражают иерархию значимости элементов проектов реновации для пользователей социальных сетей.

Наиболее часто встречаемые слова в период начала проведения реновации: улица, человек, город, ребенок. Ведущим пунктом обсуждения у горожан является комфортное сосуществование человека и городской среды в рамках реновации территории.

Жители, проживающие вблизи территории реновации, столкнулись со сложностями в процессе своей повседневной жизни. Одной из ключевых проблемных точек для жителей явилось состояние неопределённости. Горожане задаются во-

¹ Yushu Zhu *Urban renewal without gentrification: toward dual goals of neighborhood revitalization and community preservation?* URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02723638.2022.2159651> (дата обращения: 07.05.2023).

² Koster M. *An Ethnographic Perspective on Urban Planning in Brazil: Temporality, Diversity and Critical Urban Theory*, 2019 URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/1468-2427.12765> (дата обращения: 02.03.2025).

Таблица 1

Результаты количественного анализа (по ключевым словам) комментариев на тему реновации территории, г. Кемерово

Параметр	Значение
Улица	33
Человек	26
Город	21
Ребенок	19
Дом	17
Машина	12
Житель	12

Источник: составлено автором.

просами о сроках переселения, поскольку им важно сопоставить свои жизненные планы с планами развития территории. Ожидание и неуверенность часто занимают центральное место во временном опыте людей в области городского планирования. Жители часто задаются вопросом: не снесут ли мой дом? Если да, когда это произойдет? И потом, куда я пойду? Городское планирование порождает неуверенность в будущей жизни горожан.

Спустя год с начала реализации проекта реновации жителей больше стал волновать процесс выкупа недвижимости. Основные обсуждения касаются справедливости выкупной стоимости. В комментариях активно включаются в дискурс и жители других районов. То есть, с одной стороны, жители, проживающие на территории реновации, которым важно получить справедливую компенсацию для покупки нового жилья, с другой стороны, жители других районов города, для которых главным интересом остается, как можно более скорейшее завершение проекта, а задержки в связи с судебными процессами по выкупу только увеличивают сроки.

Так, в комментариях столкнулись две точки зрения: жители территории реновации, которые готовы бороться с местной властью, в том числе в судебном порядке, для получения выгодных условий, и жители других районов, которым важнее скорейшее разрешения этой проблемы, чтобы сроки реновации не затягивались. Если в начале для жителей территории реновации остро стояло чувство неопределённости, то к концу года на первый план выходят уже практические вопросы, ка-

сающиеся материальных аспектов.

Нет данных о значительном участии лидеров мнений или инфлюенсеров, которые могли бы расширить охват проблемы и перевести локальную повестку в более широкий дискурс.

Во взаимодействии со стороны органов публичной власти ключевыми инструментами выступили цифровые каналы коммуникации. Администрация города в первую очередь через Telegram-канал главы города осуществляла регулярное информирование о ходе реализации проекта: публиковались видеоролики, схемы благоустройства, анонсы этапов реновации. Также был проведён прямой эфир на радио «Маяк-Кузбасс», где мэр города отвечал на вопросы горожан. Велась активная отработка отдельных комментариев пользователей. Юридические действия носили индивидуальный, а не коллективный характер, что ограничило их влияние. Признаки самоорганизации имеют фрагментарный характер, что позволяет говорить о слабо выраженной социальной и политической мобилизации. Сообщество не сформировалось как устойчивый субъект, хотя общий недоверчивый фон был зафиксирован. Отсутствие митингов, пикетов свидетельствует о низком уровне организационной готовности и способности сообщества перейти от цифровой активности к офлайн-действиям. Таким образом, кейс реновации в Кемерово демонстрирует несколько признаков социальной и политической мобилизации: активные обсуждения в социальных сетях, использование цифровых каналов коммуникации.

Кейс 2. Красноярск-КРТ

Контекст. Район Николаевка в Красноярске стал объектом программы комплексного развития территории (КРТ), вызвавшей широкое общественное недовольство. Николаевка – район с плотной частной застройкой. Проект КРТ предполагал переселение значительного числа жителей, снос зданий и строительство новых объектов. Основной причиной конфликта стали несправедливые, по мнению жителей, компенсации за изымаемое жильё. Они не позволяли людям приобрести аналогичную недвижимость на рынке Красноярска, у жителей сформировалось ощущение принудительного выселения. Это послужило триггером к социально-политической мобилизации.

Социально-политическая мобилизация. Реакция горожан отличалась высокой степенью организованности: были созданы мобильные штабы, проведены митинги, распространялись листовки, отмечены случаи подачи судебных исков. Активно использовались цифровые каналы: Telegram-чаты, социальные сети, публикации в местных СМИ, что указывает на развитие как цифровой, так и офлайн мобилизации, перешедшей из эмоциональной реакции в правовую и политическую плоскость.

Большинство комментариев указывают на заниженные компенсации за изымаемое жильё как на центральную проблему конфликта. Жители выражают недовольство к застройщику, администрации и процедуре принятия решений.

Программа Advego позволила зафиксировать частотность употребления ключевых слов в пользовательских высказываниях, размещённых в цифровом пространстве. Данные отражают тематическую структуру общественной повестки, складывающейся вокруг конфликта, и указывают на доминирующие оси мобилизации (табл. 2).

Наибольшее количество упоминаний связано со словом «житель», что подчеркивает персонализированный и эмоциональный характер конфликта.

Высокая частота слов «КРТ», «город», «жильё», «земля» и «закон» позволяет зафиксировать предмет мобилизации – территориальные права, жилищная безопасность, а также легитимность нормативной базы. Таким образом, таблица 2 иллюстрирует, как комментарии в сети становятся индикатором уровня напряженности и вовлеченности населения в городские конфликты, а также служат эмпирической основой для фиксации признаков социальной и политической мобилизации.

В октябре 2024 г. более 100 красноярцев приняли участие в митинге против КРТ, выразив недовольство заявлением мэра о стоимости квадратного метра жилья в районе³. В ноябре 2024 г. состоялось заседание по коллективному иску, где оспаривалось включение их домов в зону КРТ без согласия, на судебное заседание пришли десятки красноярцев⁴.

Взаимодействие осуществлялось в том числе через личные приёмы с участием главы города, где жители могли озвучить свои жалобы и предложения. Одним из центральных вопросов стал размер компенсации за изымаемое жильё. В ответ на общественное напряжение и активность жителей (в том числе комментарии в социальных сетях, обращения) было инициировано создание рабочей группы для проведения регулярных консультаций с жителями и поиска индивидуальных решений по компенсациям.

Результатом социально-политической мобилизации усилий жителей стало внесение поправок в краевое законодательство о КРТ, согласно которым: переселенцам должна предлагаться квартира не

³ В Красноярске жители Николаевки провели митинг против КРТ. Сетевое издание «Промект Мира». URL: <https://prmira.ru/news/2024-10-12/vy-bessovestno-vrete-zhiteli-nikolaevki-proveli-miting-i-obvinili-loginova-vo-lzhi-5219662> (дата обращения: 17.05.2025).

⁴ Десятки красноярцев из Николаевки пришли на суд против КРТ. URL: <https://babr24.com/kras/?IDE=278082> (дата обращения: 17.05.2025).

⁵ Закон Красноярского края от 20.03.2025 О внесении изменения в статью 9 Закона края «О регулировании отдельных отношений в сфере комплексного развития территорий». URL: <http://www.zakon.krskstate.ru/0/doc/113301> (дата обращения: 09.05.2025).

Таблица 2

Результаты количественного анализа (по ключевым словам) комментариев на тему реновации территории, г. Красноярск

Параметр	Значение
Житель	25
КРТ	20
Город	20
Жилье	17
Земля	13
Закон	13
Застройщик	10
Решение	10

Источник: составлено автором.

меньше по площади, чем существующее жильё; если компенсация недостаточна, застройщик обязан предоставить жильё площадью не менее 28 кв. м⁵.

Рассмотренные кейсы демонстрируют различные стратегии социальной и политической мобилизации в ответ на проекты комплексного развития территории. Несмотря на общее основание, степень вовлечённости, структура участия и формы активности заметно различаются. Для выявления признаков мобилизации, а также для фиксации различий, представляется целесообразным структурировать полученные данные (табл. 3).

Заключение

Проведённый анализ кейсов реновации в городах Кемерово и Красноярске позволил выявить комплекс эмпирических признаков социально-политической мобилизации, проявляющейся как в онлайн-, так и в офлайн-пространствах. Исследование демонстрирует, что градостроительные конфликты, возникающие на фоне проектов комплексного развития территорий, выступают не только точками напряжения, но и зонами формирования гражданской активности. При этом цифровая среда не только усиливает традиционные формы взаимодействия, но и становится самостоятельной ареной выражения общественного недовольства. Цифровая среда служит катализатором мобилизационного процесса, создавая условия для быстрой консолидации недовольства и артикуляции требований.

Уровень социальной и политической мобилизации определяется степенью информационно-открытости проекта, наличием каналов коммуникации с властью, символической значимостью изменяемой территории, а также возможностями для самоорганизации. Уровень мобилизации может различаться в зависимости от социального, культурного и институционального контекста конкретного города. В одних случаях, например в Красноярске, наблюдается высокая степень организованности и устойчивое участие горожан, приведшем к корректировке нормативной базы. В других, как в кейсе Кемерово, активность остаётся преимущественно цифровой, фрагментарной и ограниченной выражением недовольства в комментариях, без выхода на устойчивые коллективные формы действия. Такие различия подчеркивают значимость локального контекста, что означает, что универсального сценария для оценки и прогнозирования мобилизационных процессов нет, скорее требуется внимание к конкретной городской ситуации, истории взаимодействия власти и населения, а также уровня доверия к принимаемым решениям.

Таким образом, признаки социальной и политической мобилизации позволяют оценить не только степень напряженности, но и потенциал участия населения в процессах управления. Учет этих признаков необходим при проектировании и реализации градостроительных инициатив.

⁵ Закон Красноярского края от 20.03.2025 О внесении изменения в статью 9 Закона края «О регулировании отдельных отношений в сфере комплексного развития территорий». URL: <http://www.zakon.krskstate.ru/0/doc/113301> (дата обращения: 09.05.2025).

Таблица 3

Признаки мобилизации, зафиксированные по кейсам

Онлайн-признаки	Описание признака	Кемерово	Красноярск
Упоминания в соцсетях и СМИ	Рост числа публикаций, комментариев, репостов, упоминаний проблемы или конфликтной ситуации в социальных сетях, региональных/федеральных медиа указывает на активизацию обсуждения и повышение значимости темы для локального сообщества. Этот признак отражает уровень вовлеченности и нарастание эмоциональной реакции, а также может быть индикатором <u>начала мобилизационного процесса</u>	+	+
Вовлечение медиа-активистов, блогеров	Присоединение к обсуждению лидеров мнений, городских активистов, локальных инфлюенсеров значительно расширяет охват и повышает видимость проблемы. Их участие способствует распространению информации, переводу локальной повестки в более широкий общественный дискурс и может усиливать давление на органы власти <u>или инвесторов</u>	-	+
Использование цифровых платформ (петиции, чаты, обращения)	Использование специализированных онлайн-инструментов для координации действий, сбора подписей, фиксации местных проблем (например, Change.org, локальные Telegram-чаты). Эти ресурсы позволяют сообществам структурировать деятельность, закреплять требования в цифровом формате и демонстрировать численность и сплоченность	Индивидуальные комментарии	Коллективные инициативы, обращения
Офлайн-признаки			
Проведение публичных мероприятий, встреч	Данный признак фиксирует переход мобилизационной активности из цифрового пространства в офлайн-среду. Это могут быть пикеты, митинги, собрания жильцов, уличные акции, встречи с органами публичной власти. Такие мероприятия служат инструментом артикуляции требований, визуализации недовольства и привлечения внимания СМИ и других жителей. Они указывают на высокий уровень организационной готовности сообщества	В формате личных приемов	Пикеты, встречи, слушания
Организация локальных сообществ	Формирование устойчивой структуры, объединяющей жителей, заинтересованных в защите общих интересов. Это могут быть инициативные группы, советы домов, ассоциации собственников, объединения по месту жительства. Наличие сообщества свидетельствует о развитии коллективной субъектности, способности координировать действия, выдвигать представителей, вести <u>переговоры</u>	Неоформленная активность	Оформленная активность
Участие в юридических действиях (иски, заявления)	Предполагает подачу коллективных или индивидуальных обращений в суд, прокуратуру. Указывает на стремление со стороны жителей использовать правовые механизмы для отстаивания своих интересов, оспаривания решений власти или застройщика	Индивидуальные иски	Коллективные обращения, подача исков

Источник: составлено автором.

Список источников:

1. Белоусов, А. Б., Давыдов, Д. А. Городские конфликты и трансформация локального политического режима в Екатеринбурге // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3 (175). 2023. С. 130–152. doi:10.14515/monitoring.2023.3.2315 EDN: YSHSWM
2. Василенко, Л. А., Шилова, В. А. Исследование процессов спонтанного группообразования в контексте реформирования властно-управленческой вертикали // Государственная служба. 2022. № 5 (139). С. 24–28. DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-5-24-28 EDN: HUEVNG
3. Заславская, Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. – М.: Дело, 2004. 400 с.
4. Зотов, В. В. Демаркация публичного и частного при взаимодействии государства и граждан на цифровых сетевых платформах // Цифровая социология. 2021. № 3. С. 16–26. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-3-16-26 EDN: LZMLHU
5. Кранзеева, Е. А., Головацкий, Е. В., Орлова, А. В. Социальное и политическое взаимодействие местных сообществ региона в условиях реактивных отношений: кейсы благоустройства городского пространства // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 81–90. DOI: 10.17223/15617793/464/10 EDN: DXZZJU
6. Лапин, Н. И. Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех» // Вестник Института социологии. 2018. № 27. С. 105–136. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.542 EDN: YWANBB
7. Семенов, А. Процессуальность городских конфликтов: анализ последовательностей оспаривания проектов трансформации городского пространства в России // Социологическое обозрение. 2024. № 2. С. 120–146. doi:10.17323/1728-192x-2024-2-120-146 EDN: RAAABH
8. Скалабан, И. А., Сергеева, З. Н., Лобанов, Ю. С. Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска) // Мир России. Социология. Этнология. 2022. № 4. С. 33–56. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56 EDN: AXWQRS
9. Тихонова, Н. Е., Аникин, В. А., Горюнова, С. В., Лежнина, Ю. П. Эволюция концепции модернизации во второй половине XX века // Социология: 4М. 2007. № 25. С. 22–47. EDN: JXMAZP
10. Шабанова, М. А. Использование концепции социальных механизмов для анализа посткоммунистических трансформаций // Всероссийский экономический журнал. 2014. № 5. С. 27–39. EDN: SELGBJ
11. Шашкова, Я. Ю., Качусов, Д. А. Состояние сетевых общественных объединений в регионах юго-западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 211–221. DOI: 10.17223/1998863X/66/19 EDN: DWXEWB
12. Шашкова, Я. Ю., Качусов, Д. А. Классификация сетевых общественных движений в городах регионов юго-западной Сибири // Вестник Института социологии. 2022. № 2. С. 48–64. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.789 EDN: UNANYF
13. Чернышева, Л. А., Запорожец, О. Н. Цифровые платформы и мобилизация горожан: как локальность переопределяет коннективное действие // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 124–148. DOI: 10.14515/monitoring.2023.4.2352 EDN: EIVNRC.
14. Ядов, В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. – СПб. : Интерсоцис, 2006. 108 с. EDN: QOGGWP
15. Koster, M. An Ethnographic Perspective on Urban Planning in Brazil: Temporality, Diversity and Critical Urban Theory, 2019 URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/1468-2427.12765> (дата обращения: 02.03.2025)

References:

1. Belousov, A. B., Davydov, D. A. (2023) Urban conflicts and transformation of the local political regime in Yekaterinburg *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes], no. 3, pp. 130–152. doi:10.14515/monitoring.2023.3.2315 EDN: YSHSWM (in Russ.).
2. Vasilenko, L. A., Shilova, V. A. (2022) Study of processes of spontaneous group formation in the context of reforming the vertical of power and management *Gosudarstvennaya sluzhba* [Civil service], no. 5, pp. 24–28. DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-5-24-28 EDN: HUEVNG (in Russ.).
3. Zaslavskaya, T. I. (2004) Modern Russian society: social mechanism of transformation. – M. : Delo, , 400 p. (in Russ.).
4. Zotov, V. V. (2021) Demarcation of public and private in the interaction of the state and citizens on digital network platforms *Cifrovaya sociologiya* [Digital sociology.], no 3, pp. 16–26. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-3-16-26 EDN: LZMLHU (in Russ.).
5. Kranzeeva, E. A., Golovackij, E. V., Orlova, A. V. (2021) Social and political interaction of local communities of the region in the context of reactive relations: cases of urban space improvement *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University.], no. 464, pp. 81–90. DOI: 10.17223/15617793/464/10 EDN: DXZZJU (in Russ.).
6. Lapin, N. I. (2018) Hybrid transit and the need for “modernization for all” *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], no. 27, pp. 105–136. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.542 EDN: YWAHBB (in Russ.).
7. Semenov, A. (2024) Procedurality of urban conflicts: analysis of sequences of contestation of projects for the transformation of urban space in Russia *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], no. 2, pp. 120–146. doi:10.17323/1728-192x-2024-2-120-146 EDN: : RAAABH (in Russ.).
8. Skalaban, I. A., Sergeeva, Z. N., Lobanov, Yu. S. (2022) Defensive functions of communities in urban conflicts (based on materials from Novosibirsk) *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], no. 4, pp. 33–56. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56 EDN: AXWQRS (in Russ.).
9. Tihonova, N. E. Anikin, V. A., Goryunova, S. V., Lezhnina, Yu. P. (2007) Evolution of the concept of modernization in the second half of the 20th century *Sociologiya: 4M*. [Sociology: 4M.], no. 25, pp. 22–47. EDN: JXMAZP (in Russ.).
10. Shabanova, M. A. (2014) Using the concept of social mechanisms to analyze post-communist transformations *EKO=Vserossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal* [ECO=All-Russian Economic Journal], no. 5, pp. 27–39. EDN: SELGBJ
11. Shashkova, Ya. Yu., Kachusov, D. A. (2022) The state of network public associations in the regions of southwestern Siberia *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science], no. 66, pp. 211–221. (in Russ.).
12. Shashkova, Ya. Yu., Kachusov, D. A. Classification of network public movements in the cities of the regions of southwestern Siberia *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2022, no. 2, pp. 48–64. (in Russ.).
13. Yadov, V. A. (2006) Modern theoretical sociology as a conceptual basis for studying Russian transformations. – St. Petersburg : Intersotsis, 108 p. (in Russ.).
14. Chernysheva, L. A., Zaporozhec, O. N. (2023) Digital platforms and the mobilization of citizens: how locality redefines connective action *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes], no. 4. pp. 124–148. DOI: 10.14515/monitoring.2023.4.2352 EDN: EIVNRC (in Russ.).
15. Koster, M. An Ethnographic Perspective on Urban Planning in Brazil: Temporality, Diversity and Critical Urban Theory, 2019 URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/1468-2427.12765> (дата обращения: 02.03.2025)

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; одобрена после рецензирования 23.06.2025; принята к публикации 25.06.2025.

The article was submitted 19.05.2025; approved after reviewing 23.06.2025; accepted for publication 25.06.2025.

Информация об авторе

Я. А. Брандт – младший научный сотрудник учебно-научной лаборатории социологических исследований, Кемеровский государственный университет.

Information about the author

Ya. A. Brandt – Junior Research Fellow, Research and Educational Laboratory of Sociological Studies, Kemerovo State University

ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

Научная статья
УДК 332.14:353(571.6)
<https://elibrary.ru/UABLBK>

Диалоги-2025: эксперты и власть

Олег Маркович Рензин¹, Ольга Геннадьевна Поливаева²

¹ Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

¹ renzin@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7023-7279>

² polivaeva-og@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8137-8942>

Аннотация. В настоящем материале представлен обзор докладов и выступлений участников круглого стола «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока России: приоритеты, механизмы, достижения» – региональной площадки (Хабаровский край) VII Международного Московского академического экономического форума «МАЭФ-2025». Показаны результаты обсуждения современной регуляторики, обеспечивающей развитие Дальневосточного федерального округа, рассмотрены управленческие задачи, возникающие в практической деятельности и экспертные предложения по их решению.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, Дальний Восток России

Для цитирования: Рензин О. М., Поливаева О. Г. Диалоги-2025: эксперты и власть // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 2 (111). С. 146–154. EDN: UABLBK

Dialogues-2025: Experts and Authorities

Oleg M. Renzin¹, Olga G. Polivaeva²

¹ The Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia

¹ renzin@ecrin.ru

² polivaeva-og@ranepa.ru

Abstract. This material presents an overview of reports and speeches of participants of the round table «Socio-economic development of the Russian Far East: priorities, mechanisms, achievements - the regional platform (the Khabarovsk Territory) of the VII International Moscow Academic Economic Forum MAEF-2025. The results of discussion of modern regulation ensuring the development of the Far-Eastern region of Russia are shown, management tasks arising in practical activities and the expert proposals for their solution are considered.

Keywords: socio-economic development, the Russian Far East

For citation: Renzin, O. M., Polivaeva, O. G. (2025) Dialogues-2025: Experts and Authorities *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (111), pp. 146–154. EDN: UABLBK

Введение

Одним из важных элементов эффективной организации научной жизни в регионах Дальнего Востока России является формирование экспертных площадок, на которых авторитетные представители научного, властного и бизнес-сообществ обсуждают наиболее важные проблемы регионального развития, формируют стратегические и тактические решения, создают творческие кооперации, направленные на проведение и применение актуальных исследований. В Хабаровском крае эту функцию традиционно берут на себя Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (далее – Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС) и Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (далее – ИЭИ ДВО РАН). Образовательная организация в течение многих десятилетий является базовой структурой в подготовке квалифицированного управленческого персонала для федеральных, региональных и муниципальных органов власти. Научный институт – базовая структура в исполнении исследовательских и экспертных функций на Дальнем Востоке России. Эти авторитетные учреждения в партнерской кооперации многие годы организуют профессиональные конференции и симпозиумы, посвященные социально-экономическим проблемам развития Дальневосточного региона России [Поливаева, Рензин, 2023; Рензин, 2017].

В мае 2025 г. в Дальневосточном институте управления – филиале РАНХиГС, выступившего в качестве организатора, при партнерской поддержке ИЭИ ДВО РАН была проведен Круглый стол специалистов и ученых в рамках региональной площадки VII Международного Московского академического экономического форума «МАЭФ-2025» (далее – Круглый стол). Избранная проблема-

тика была определена как «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока России: приоритеты, механизмы, достижения». В заседании приняли участие представители федеральных и локальных органов управления, научные и научно-педагогические работники. В программе заседания было осуществлено традиционное для регионального экспертного сообщества [Минакир, 2022; Направления..., 2023] дискуссионное обсуждение современной регуляtorики, обеспечивающей развитие Дальневосточного федерального округа, рассмотрены управленческие задачи, возникающие в практической деятельности и экспертные предложения по их решению.

Содержание дискуссии

Общая конструктивная направленность обсуждения была задана стартовыми докладами, представленными Департаментом социального развития Дальнего Востока и Арктики Минвостокразвития России и локальным офисом Корпорации по развитию Дальнего Востока (КРДВ).

По мнению выступившего на заседании Н. В. Ганчихина (Минвостокразвития), подбор эффективных социально-экономических решений на современном этапе реализации дальневосточных программ оформился в виде широкого набора мероприятий, осуществляемых в сотрудничестве федеральными и региональными властями в формате мастер-планов. Такой проектный сдвиг, ориентированный, прежде всего, на сильную акцентировку важности создания социальной инфраструктуры, создает потенциал превращения экономических и финансовых решений в позитивные социальные результаты. Воздействие традиционной для Российского Дальнего Востока проблемы дефицита трудовых ресурсов может быть существенно ослаблено за счет целевых комбинаций региональных решений, системно связанных в мастер-план и эффективно контролируемых.

По созидательной идеологии эта позиция получила подтверждение в докладе И. К. Симоновой (КРДВ). Она рассматривала краткосрочные и долгосрочные тренды в процессах миграции и занято-

сти на Дальнем Востоке. Располагая точной и подробной статистикой процессов, происходящих на рынке труда, автором была сформулирована как постоянно действующая задача об объективной необходимости расширения и повышения эффективности инструментария, используемого для привлечения трудовых ресурсов в регион. И. К. Симонова подробно рассматривает наряду с традиционными макроэкономическими способами управления ряд тонких настроек, включающих профориентационное тестирование, стажировки, дни карьеры и другие методы. В совокупности они дают импульсы для улучшения обеспеченности в проектных разработках необходимым кадровым потенциалом.

Технологии практического решения этих стратегических задач рассмотрели в своих выступлениях представители вузовской науки.

Так, д-р экон. наук В. Ф. Ефременко (Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС) в докладе «Факторы миграционного оттока населения Дальнего Востока и пути его снижения» обосновал необходимость купирования отрицательного миграционного процесса за счет инновационных решений в организации регионального производства¹. По его мнению, именно сдвиг в технологическом развитии экономики Дальнего Востока может служить реальной базой позитивных трансформационных изменений. Он должен включать ряд направлений: во-первых, модернизацию производственных структур и инновационного бизнеса, во-вторых, комфортную финансовую инфраструктуру, в т. ч. фонды развития инноваций, и, в-третьих, необходимую интеллектуальную среду – научные, проектные и образовательные организации.

Канд. экон. наук М. М. Потанин (Дальневосточный институт управления – фи-

лиал РАНХиГС) представил результаты исследования влияния административных технологий на инвестиционные процессы в Дальневосточном регионе². На основе богатой базы статистических наблюдений за осуществлением управленческих процессов автор работы выстроил фактическую схему надзорных приоритетов в Дальневосточном федеральном округе. Им были выявлены отраслевые и функциональные зоны административных рисков и показана их взаимосвязь с осуществляемыми в дальневосточных субъектах Российской Федерации инвестиционными процессами.

Особенностям целенаправленного территориального управления изменениями в процессах дальневосточного развития были посвящены доклады д-ра экон. наук С. Н. Леонова (ИЭИ ДВО РАН) и канд. экон. наук А. А. Кисленок (Восточный центр государственного планирования Минвостокразвития).

В научном докладе д-ра экон. наук, профессора С. Н. Леонова «Совершенствование подходов к оценке эффектов укрупнения муниципалитетов» были проанализированы осуществляемые подходы к совершенствованию территориальной структуры местного самоуправления (далее – МСУ). Автор проанализировал альтернативные пути демпфирования дефицита финансовых ресурсов муниципальных бюджетов. Им были рассмотрены варианты создания различных межмуниципальных ассоциаций для объединения финансовых ресурсов ряда муниципалитетов, а также реализация тренда «сжатия территориальной структуры МСУ» (сокращение числа муниципалитетов в результате их укрупнения). Приоритет в современной практике получил вариант, реализованный в Федеральном законе от 20.03.2025 № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в

¹ Указанная позиция нашла отражение в ряде публикаций автора, в том числе: Ефременко В. Ф. Региональная инновационная система как инструмент опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока России // ЭКО. 2019. № 2 (536). С. 56-73; Ефременко В. Ф. Структурные факторы миграции населения Дальнего Востока России // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 101-107. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-101-107>.

² Доклад явился логическим продолжением исследования: Андреев Д. В., Потанин М. М. Влияние административной нагрузки системы государственного управления на инвестиционный климат Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 39-50. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-39-50>

единой системе публичной власти»³. Он обновляет модель организации органов МСУ и акцентирует переход на одноуровневую систему МСУ в России. Набор аргументов, используемый для обоснования укрупнения муниципальных образований, включает несколько позиций: оптимизация расходов на аппарат управления; сокращение бюджетных расходов на содержание «армии» местных депутатов; упрощение администрирования и т. д. На этом основании в регионах ДФО, включая Хабаровский край, уже идет процесс перехода от двухуровневой к одноуровневой системе местного самоуправления (Охотский и Бикинский муниципальные районы Хабаровского края преобразованы в муниципальные округа, на очереди на 2025 год – еще четыре муниципальных района). Однако, по мнению автора, после укрупнения муниципальных образований «работу над ошибками» по анализу результатов укрупнения муниципалитетов ни региональные, ни муниципальные власти не делают. Было отмечено, что ожидаемая экономия на административных расходах часто перекрывается ростом расходов по исполнению основных полномочий муниципалитета. Оценка изменения структуры органов местного самоуправления имеет не только экономические, но и социальные последствия. Одна из принципиальных социальных задач организации МСУ – обеспечение доступа населения к местному самоуправлению и муниципальным услугам.

А. А. Кисленок, канд. экон. наук (Восточный центр государственного планирования Минвостокразвития) в докладе «Совершенствование подходов к разработке документов стратегического планирования региона» рассматривает другой аспект осуществления территориальных реформ. Автор анализирует управленческую технологию подготовки и актуализации документов стратегического планирования регионального и му-

ниципального уровней.⁴ По мнению автора, этот процесс требует инноваций на всех уровнях территориальной организации экономики. Они распространяются и на формирование информационной базы для определения вектора устойчивого развития, и на концептуализацию собственно стратегии социально-экономического развития региона с учетом принципов устойчивого развития. В рассмотрении исследователя находится, во-первых, аналитический блок (территориальные и отраслевые задачи, корпоративные результаты). Важное место для процесса управления занимает блок целеполагания и прогнозирования: определение стратегических приоритетов, целей и направлений пространственного развития. Финишную позицию занимает блок реализации стратегии и ресурсного обеспечения – учёт мер и инструментов включения инвестиционных планов в ресурсное обеспечение.

В докладе продемонстрированы предложения автора, сформулированные при реализации реального проекта для Камчатского края. Список в агрегированном виде сводится к нескольким принципиальным процедурам:

оценить потребность в финансовых ресурсах при реализации консервативного и оптимистичного сценариев развития;

расширить перечень целевых индикаторов Стратегии социально-экономического развития Камчатского края до 2035 года показателями из Национального перечня показателей;

в рамках раздела «Пространственное развитие» провести оценку дифференциации значений показателей, характеризующих качество жизни населения и экономическое развитие в разрезе экономических зон и муниципальных образований;

установить количественные значения по ожидаемым результатам реализации

³ Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/

⁴ Исследованные позиции полностью отражают сложившийся в регионе конструктивный подход к осуществлению прогнозных исследований (Подробнее см. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050. Владивосток: Дальнаука. 2011.– 912 с.)

стратегии в разрезе выделенных экономических зон и сценариев развития;

усовершенствовать систему экологического мониторинга за счёт внедрения инструментов искусственного интеллекта.

Большой блок докладов на Круглом столе был посвящен исследованиям, проводимым в идеологии региональной теории и практики развития отраслевых процессов, наблюдаемых в регионе, а также описания специфики их воздействия на развитие территориальных структур [Анохов, 2023].

В выступлении «Последствия либерализации рынка электроэнергии для регионов Южной зоны Дальнего Востока» канд. экон. наук О. В. Дёминой и д-ра экон. наук С. Н. Найден (ИЭИ ДВО РАН) рассматривались вопросы учета изменений институциональных условий функционирования рынка электроэнергии в зоне функционирования ОЭС Востока. Из краев и областей Дальнего Востока в мониторинг были включены Хабаровский край, Приморский край, Амурская область, Республика Саха (Якутия), ЕАО. Докладчики анализировали ключевые изменения, обусловленные сменой модели рынка, для трех основных участников рынка: потребителей, производителей и государства. В частности, были установлены прогнозируемые последствия по каждому блоку системы. Для производителей они включали: разделение энергокомпаний по видам деятельности, рост количества участников рынка, переход к конкурентному отбору мощности, неконкурентоспособность дальневосточных электростанций по цене, исключение выпадающих доходов, обусловленных разницей фактических и планируемых затрат; для потребителей: рост неопределенности на рынке электроэнергии; для государства: переход от прямого к рыночному регулированию; вероятность снижения управляемости энергосистемы. По мнению авторов, переход к конкурентному отбору мощности и маржинальному ценообразованию на электроэнергию потребует синхронизации ОЭС Сибири и ОЭС Востока по перетоку электроэнергии между системами. При этом переход к новой модели не может

нивелировать в полном объеме недостатки предыдущей организации рынка, к тому же он несет дополнительные риски, связанные со снижением надежности и управляемости энергосистемой.

А. Б. Бардаль, д-р экон. наук (ИЭИ ДВО РАН, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС) представила доклад на тему «Транспортный комплекс Дальнего Востока России в новых геополитических условиях», в котором отмечено, что тенденции роста объемов транспортной работы в макрорегионе, сформировавшиеся в начале 2000-х годов, усилились под влиянием геополитических факторов («поворот на Восток»). Причинами этого являются такие характеристики системы: она представляет собой замыкающее звено обслуживания российских внешнеторговых потоков в направлении Азии (прежде всего КНР); является основной «точкой входа» импортного грузопотока; формирует канал организации альтернативных логистических маршрутов. В новых геополитических условиях для транспорта макрорегиона, выступающего замыкающим звеном в национальной транспортной системе при контактах со странами Азии, на первый план вышла задача обеспечения внешней торговли РФ. Восточный полигон сейчас работает на пределе провозных способностей (проблемы организации движения, экономически неэффективные решения, кадровые проблемы), повышается плотность регулирования транспортного рынка. Возрастающий грузопоток, в т. ч. транзитных по отношению к макрорегиону грузов, обострил проблему дефицита провозной способности Восточного полигона железных дорог (в условиях отставания темпов модернизации инфраструктуры), усилил дисбаланс мощностей морских портов Тихоокеанского побережья и железных дорог (представляющих звенья единой транспортно-логистической цепи при обслуживании внешней торговли), усложнил организацию процесса перевозки при кардинально различающихся транспортных потребностях в обслуживании экспорта и импорта. В качестве дополнительных негативных факторов

работы транспорта отмечен дефицит кадров (превышающий 20% рабочих мест по отдельным категориям) и неэффективность действующей в пределах Дальневосточного федерального округа системы пограничных пунктов пропуска. Эти ограничители создают необходимость значительного усиления транспортного потенциала Дальневосточного региона.

Канд. экон. наук В. В. Кубичек (Восточный центр государственного планирования Минвостокразвития) выступил с докладом «Развитие робототехники на Дальнем Востоке: вызовы и возможности». Основные позиции автора вытекают из подробного анализа процессов индустриального развития Дальнего Востока. Развитие роботизации представляет собой глобальную проблему, связанную с использованием трудового потенциала. Роботизация – основной драйвер роста производительности труда. При этом в некоторых странах этот процесс несколько отстает от лидирующих экономик. Согласно статистическим оценкам, уровень роботизации в России в 8,5 раз ниже среднемирового показателя, а на Дальнем Востоке – самые низкие показатели роботизации в стране. В докладе показаны существующие ограничения для развития роботизации на Дальнем Востоке: низкий спрос на роботизацию со стороны традиционных отраслей экономики макрорегиона; высокая стоимость и ограниченный ассортимент отечественных компонентов; высокие затраты на внедрение; сложности привлечения заемного финансирования; дефицит квалифицированных кадров; недостаточный уровень развития институциональной инфраструктуры. По мнению докладчика, роботизация приоритетных отраслей экономики Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) невозможна без участия государственного и частного секторов. Она должна включать госзаказ на роботизацию приоритетных индустрий; особые условия для предприятий ДФО в рамках мер поддержки; локализацию производства и развитие компонентной базы иностранных инвесторов из дружественных стран; внедрение программ повышения квалификации в

образовательных организациях высшего образования ДФО; открытие центра развития промышленной робототехники в ДФО.

Специальные вопросы развития судостроения в регионе рассмотрел на круглом столе Д. А. Игитхянян (Восточный центр государственного планирования Минвостокразвития). Он разделил основные современные проблемы этой отрасли на два блока задач. С одной стороны, это исторически накопившиеся проблемы: высокий уровень износа материальных фондов; проблемы с кадровым обеспечением; низкий уровень загрузки производственных мощностей. С другой стороны, это проблемы, созданные санкционными механизмами: отсутствие внешнеторгового и технологического сопровождения; отсутствие гарантийного обеспечения проектов; наличие проблем в финансовом секторе.

Решения для Дальнего Востока, которые предложены в докладе, включают ряд позиций, направленных на развитие и обновление производственных мощностей предприятий судостроительной, судоремонтной и смежных отраслей (в том числе субсидирование процентов по кредитам на реализацию проектов по созданию судостроительных комплексов); повышение конкурентоспособности выпускаемой продукции, стимулирование обновления речного флота, стимулирование спроса на строительство рыбопромысловых судов на отечественных верфях; повышение конкурентоспособности судостроительных предприятий ДФО. Безусловной модернизации для судостроения на Дальнем Востоке, по мнению автора, требуют налоговые и другие финансовые льготы: например, льготное налогообложение для предприятий ДФО, создающих комплектующее оборудование; возмещение затрат на электроэнергию для судостроительных и судоремонтных предприятий ДФО; компенсацию затрат, связанных со строительством судов, для предприятий ДФО.

Ряд предложений участников Круглого стола были представлены для обсуждения в заочном формате. Так, в докладе д-ра экон. наук О. М. Прокапало (ИЭИ ДВО

РАН) дана характеристика макроэкономических тенденций развития Дальнего Востока России в современных условиях. Отмечено, что на фоне позитивной статистической динамики в отдельных отраслях и сферах деятельности наблюдается ряд негативных факторов, внушающих определенные опасения: сохранение высокого уровня инфляции, причем темп роста потребительских цен опережал темпы роста ВРП и реальных доходов населения; дефицит трудовых ресурсов; хроническое снижение численности населения. Главной компонентой оценки устойчивого социально-экономического развития является повышение благосостояния населения. Высокий уровень потребительской активности необходимо поддерживать ростом реальных доходов населения, оборота розничной торговли и объема платных услуг, интенсивным расширением потребительского кредитования.

Рензин О.М., канд. экон. наук (ИЭИ ДВО РАН, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС) представил доклад на тему «Институциональные модели дальневосточной экономики», в котором был описан трансмиссионный механизм, включающий перечень каналов, по которым возможна трансакция институциональных параметров на реальные пространственные структуры.⁵ Он включает, прежде всего, используемые механизмы стратегического планирования странового или регионального масштаба, национальные проекты, отраслевые стратегические разработки. Набор имеющихся инструментов, более рациональное его использование обеспечивает достижение стратегических целей. Другой

потенциально более совершенный инструментальный набор составляют проекты, связанные с реализацией специальных государственных программ для геостратегических территорий, в т. ч. для Арктики, Дальнего Востока, новых российских регионов. Кроме того, в активном режиме могут применяться индивидуальные программы, разрабатываемые для проблемных субъектов, мастер-планы для развития городов, а также другие освоенные методы государственного воздействия на территориальные структуры.

Заключение

В докладах и дискуссиях участников Круглого стола нашли отражение вопросы поиска путей снижения миграционного оттока населения и кадрового обеспечения социально-экономического развития Дальнего Востока России, технологии стратегического планирования на региональном и муниципальном уровнях, показан потенциал мастер-планов для закрепления населения, дана оценка состояния и перспектив развития электроэнергетики, робототехники, транспорта, судостроения в ДФО и др. Проведение Круглого стола и презентация его результатов является важной частью коммуникационной деятельности, служит важным звеном в распространении и реализации разработанных научных и практических идей. Участники Круглого стола подчеркнули важность и результативность мероприятия и отметили, что Дальневосточный институт управления Президентской академии становится постоянно действующей дискуссионной площадкой по обсуждению научно-практических вопросов социально-экономического развития дальневосточного макрорегиона.

Список источников:

1. Андреев, Д. В., Потанин, М. М. Влияние административной нагрузки системы государственного управления на инвестиционный климат Дальнего Востока // *Власть и управление на Востоке России*. 2024. № 4 (109). С. 39–50. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-109-4-39-50 EDN: AQUGLE

2. Анохов, И. В. Регион как экономическое понятие: классификация теорий и моделей // *Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе*. 2023. № 4.

⁵ Доклад продолжает исследование проблематики, рассматриваемой в научном журнале (см. Рензин, О. М. Системные трансформации в регионах и институциональные риски // *Власть и управление на Востоке России*. 2024. №4 (109). С.51–60).

С. 5–31. DOI: 10.21685/2227-8486-2023-4-1 EDN: YZZLDS

3. Ефременко, В. Ф. Региональная инновационная система как инструмент опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока России // ЭКО. 2019. № 2 (536). С. 56–73.

4. Ефременко, В. Ф. Структурные факторы миграции населения Дальнего Востока России // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 101–107. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-100-3-101-107 EDN: WLZOHH

5. Минакир, П. А. Исследование проблем международных экономических взаимодействий: глобальные, национальные, региональные аспекты. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 2022. 720 с.

6. Направления экономических исследований в Банке России в 2023–2025 годах. ЦБР 2023 17 с.

7. Поливаева, О. Г., Рензин, О. М. Наука в ожидании новых трансформаций // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 87–99. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-105-4-231-237

8. Рензин, О. М. Дальневосточные ученые в контексте отечественной экономической науки // Пространственная экономика. 2017. № 1. С. 165–178.

9. Рензин, О. М. Системные трансформации в регионах и институциональные риски // Власть и управление на Востоке России №4 (109) 2024, с.51-60. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-109-4-51-60 EDN: VRMHFLF

10. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050. Владивосток: Дальнаука. 2011. 912 с.

References:

1. Andreev, D. V., Potanin, M. M. (2024) The Impact of the Administrative Burden of the Public Administration System on the Investment Climate of the Far East *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 39–50. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-109-4-39-50 EDN: AQUGLE (in Russ.).

2. Anokhov, I. V. (2023) Region as an Economic Concept: Classification of Theories and Models *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve* [Models, Systems, Networks in Economics, Technology, Nature and Society], no. 4, pp. 5–31. DOI: 10.21685/2227-8486-2023-4-1 EDN: YZZLDS (in Russ.).

3. Efremenko, V. F. (2019) Regional innovation system as a tool for advanced socio-economic development of the Russian Far East *Vserossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [All-Russian Economic Journal], no. 2 (536), pp. 56–73 (in Russ.).

4. Efremenko, V. F. (2022) Structural factors of population migration in the Russian Far East *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 3 (100), pp. 101–107. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-100-3-101-107 EDN: WLZOHH (in Russ.).

5. Minakir, P. A. (2022) Study of the problems of international economic interactions: global, national, regional aspects. Khabarovsk: IEI FEB RAS. 720 p. (in Russ.).

6. Directions of economic research in the Bank of Russia in 2023–2025. CBR 2023 17 p. (in Russ.).

7. Polivaeva, O. G., Renzin, O. M. (2023) Science in anticipation of new transformations *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (105), pp. 87–99. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-105-4-231-237 (in Russ.).

8. Renzin, O. M. (2017) Far Eastern scientists in the context of domestic economic science *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economy], no. 1, pp. 165–178 (in Russ.).

9. Renzin, O. M. (2024) Systemic transformations in the regions and institutional risks *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 51–60. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-109-4-51-60 EDN: VRMHFLF (in

Russ.).

10. Synthesis of scientific, technical and economic forecasts: Pacific Russia – 2050. Vladivostok: Dalnauka. 2011. 912 p. (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 21.05.2025; одобрена после рецензирования 23.06.2025; принята к публикации 24.06.2025.

The article was submitted 21.05.2025; approved after reviewing 23.06.2025; accepted for publication 24.06.2025.

Информация об авторе

О. М. Рензин – кандидат экономических наук, советник директора, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН;

О. Г. Поливаева – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и цифровых технологий, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

O. M. Renzin – Candidate of Economics, advisor of the head, the Economic Research Institute FEB RAS;

Olga G. Polivaeva – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the chair of Economics and Digital Technologies, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA.

Власть и управление на Востоке России

Научный журнал

2025 г. № 2 (111)

«ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ»
В ИНТЕРНЕТЕ

<http://vlastdviu.ru/>
<http://elibrary.ru/>
<https://e.lanbook.com/>
<http://cyberleninka.ru/>
www.worldcat.org
app.dimensions.ai

Дата выхода в свет – 11.07.2025 г.

Формат бумаги 60x84 1/8 А-4

Усл. печ. л. – 18,0

Учетн.-изд. л. – 21,0

Тираж – 500 экз.

Заказ № 8.

Свободная цена

Адрес издателя и типографии: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33
Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Тел.: (4212)30-53-06, (4212)30-65-49; факс: (4212) 30-53-06 E-mail: rio-dviu@ranepa.ru
Web-сайт: <http://vlastdviu.ru/index.html>
